

ПРЕДАНИЯ О САМУРАЯХ

*подвиги
отважных
воинов
средневековой
Японии*

Д Ж Е Й М С Б Е Н Н Е В И Л Ь

Джеймс Бенневиль
Предания о самураях

«Центрполиграф»

УДК 821.521
ББК 83.3(5)

Бенневиль Д. С.

Предания о самураях / Д. С. Бенневиль — «Центрполиграф»,

Захватывающие и выразительные предания о самураях – основанные на фактах хроники невероятных приключений знаменитого наследника правителей дома Огури героического воина Сукэсигэ и его самоотверженной красавицы жены Тэрутэ. Все добродетели истинного воина воплощают в себе Сукэсигэ и его отважные сподвижники. Их верность самурайскому кодексу и способность к милосердию вызывают уважение, а владение боевыми искусствами, благодаря которым они одерживают победу в любом бою, поражает воображение. Представляя тексты преданий, известный ученый, писатель и переводчик, специалист по японской литературе Джеймс Бенневиль анализирует особенности быта, обрядов, обычаев и нравственных воззрений народа, сумевшего сохранить и передать их из поколения в поколение на протяжении многих веков. Повествование сопровождают иллюстрации, выдержанные в традиционном стиле японского рисунка.

УДК 821.521

ББК 83.3(5)

© Бенневиль Д. С.

© Центрполиграф

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	14
Глава 1	14
Глава 2	34
Глава 3	43
Глава 4	54
Глава 5	63
Глава 6	78
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Джеймс С. Бенневиль

Предания о самураях

Посвящается моим сыновьям Джорджу, Марлону, Даниэлю и Питеру

James S. de Benneville
Tales of the Samurai

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

Предисловие

Повесть о ханване Огури Сукэсигэ и Тэрутэ-химэ считается одной из занимательных легенд, основанной на фактах, содержащей рассказ о многочисленных важных особенностях сложившихся нравственных воззрений народа, сохранявшего их из поколения в поколение на протяжении веков. Эту легенду прекрасно знают японцы всех возрастов, и для них такие произведения служат ценным источником знаний об истории своей страны и о героических свершениях знаменитых предков. Их представление на подмостках театра, на киноэкране или в речи коданси (лектора) на трибуне всегда вызывает сдержанные, но искренние аплодисменты публики. Величайшее предпочтение, безусловно, отдается произведению под названием «Тюсингура», или «Сказание о сорока семи верных вассалах». Подобная роль в воспитании столь благосклонного восприятия японской истории принадлежит и многим другим литературным произведениям. Среди них почетное место отводится сказанию «Ханван Огури Итидайки», или «Жизнеописание советника Огури». По мере того как на сцене разыгрываются сюжеты из полной приключений жизни Сукэсигэ или его многострадальной преданной жены Тэрутэ, аплодисменты зрителей становятся буквально необузданными. Они дают полный выход своим чувствам, возникшим при виде сцен того, что глубоко затрагивает струны их души. Надо сказать, что на этих легендах строится фундамент японской нравственности, которой японцы придерживались во всем.

Кое-что, однако, следует сказать о кодане, или литературном произведении (устном рассказе) в форме диалога. Это японские исторические романы, по сути своей отличающиеся от такого рода произведений, известных на Западе. Существуют исторические приключенческие романы, в которых дается описание исторических событий или даже деятелей. Однако при этом речь идет не о конкретной личности, а о периоде времени, несущем на себе отличительные черты своей эпохи. Главные действующие лица при этом представлены вымышленными героями; а если дело касается исторических деятелей, тогда их изображение представляется в таком свете, что справедливее относиться к ним как к лицам вымышленным. К таким персонажам относятся Херевард Уэйк и Робин Гуд, вымыслы и легенды о которых далеки от исторической истины. Цари и вельможи на протяжении повествования умудряются разрубить гордые узел противоречий добра и зла. Только вот появление такого действующего лица случается в силу принципа *deus in machina* (вмешательство чуда). Читатель всегда радуется такому счастливому исходу. Но он и разочаровывается, ведь чудо никогда не считалось сильной стороной такого рода выдумки. Благородный Ричард Львиное Сердце из «Айвенго» несколько выделяется на общем фоне легендарных героев, и читатель это понимает. В повести Дюма читатель имеет дело с д'Артаньяном, тремя его друзьями мушкетерами и узнаёт об их подвигах. При этом судьба королей и придворных, искусные заметки о двух кардиналах лишь слегка очерчиваются. Исторические события при этом служат фоном для воплощения замысла авторов выдумок. В случае с японцами все совсем по-другому. У них настоящая история превращается в романтическое произведение. Так происходит с XII столетия. Этим занимались писатели, творившие в жанре кодан. Все персонажи у них представлены историческими деятелями, события на самом деле случились в прошлом и теперь подаются сказителем в том виде, в каком позволяет его воображение. Но этот сказитель тем не менее должен в максимально возможной степени придерживаться исторической истины. Именно так он поступает: принимает на веру слова своих предшественников, обогащает сказание своим собственным вдохновением, и на этом его задача по большому счету исчерпывается.

Полет фантазии автора при изложении исторических романов может достигать самого широкого предела. Истории с описанием жизненного пути Ёсицунэ и Бэнкэя, Кусоноки Маса-сигэ, Като Киёмасы можно назвать даже опасно близкими к настоящей исторической правде.

Что же касается двух первых имен, то изначальные романы-хроники под названием «Гэмпэй Сэйсуйки» и «Хэйкэ Моногатари» практически не отличаются от официальной хроники «Адзума Кагами». Разве что радуют более совершенным художественным стилем. Все три произведения проявились через совсем непродолжительное время после описанного периода истории. Неизвестный нам писатель поостерегся чересчур приукрашать период, слишком близкий его собственному поколению, о событиях которого знали еще живущие люди. На противоположной чаше весов находится кодан, наподобие того, что составили о ханване Огури. Стройность исторического фундамента памфлета в глазах читателя можно оценить в приложении к настоящему труду. Вместе с тем в определенном смысле легенда – произведение по-своему полезное. Изначально ее рассказали во время кукольного представления под названием каракури, причем сопровождалось оно музыкой в исполнении сказителей. Такие вот саймон-катари никто не стал сводить в литературный жанр. Во время изложения сказания кукловод вел свое представление исключительно по памяти. Однако, как и во многих японских начинаниях, в сказания с самого начала вложили строгую форму. Позже коданси (сказители), на протяжении нескольких поколений отточив их форму, опубликовали совершенные сказания в виде книг. Так сложилась судьба данного жанра японской литературы. Жанр кодан представляет настоящую ценность. Его форма диалога захватывает внимание читателя. К сожалению, в произведениях такого жанра отсутствует описание бытовых привычек японского народа, отличающегося большой любознательностью. Достаточно всего лишь посетить книжный магазин и окинуть взором полки отдела, отведенные под такие сказания. В этом состоит весьма полезный и деловой подход к оценке важности жанра кодан для японской читающей публики.

Относительно повести о ханване Огури можно сказать, что писатели жанра кодан отличались большой терпимостью с точки зрения следования традиции, предписываемой храмовыми книжниками Худзисавы. Специалисты из «Дай нихон дзиммэй дзисё» говорят, что такая древняя традиция, как она закреплена у «Дэна Сукэсигэ» и «Энги Тёсо-Ина», вызывает искажение жизнеописаний Мицусигэ и Сукэсигэ самым причудливым образом. Причем возникает искажение и смешивание событий в жизни обоих. Однако выделяются такие факты: Мицусигэ на самом деле поднимал мятеж против князя Мотиудзи в 29 году периода Оэй (1422). На следующий год (1423) этот князь осадил замок Огури и взял его приступом. В период Эйкё, причем время называют от 6 до 10 года этой эпохи (1434–1438), как раз Сукэсигэ договорился с бакуфу (министрами правительства сёгуна) о восстановлении дома Огури. Тут нам предлагают решительно сомнительный рассказ о бегстве Мицусигэ в Микаву, а также восстановлении *им самим* своей чести и вотчины в провинции Хитати. Отождествление Сукэсигэ с художником Огури Сотаном тоже видится фактом спорным. Сотан выступает под именем Огури Кодзиро Сукэсигэ, и полная определенность такого имени представляется достаточно прочным основанием для его надежной репутации не только в повестях, написанных авторами в жанре кодан, но и в самой истории его народа. Более того, такая особенность сказаний выглядит скорее относящейся к чувствам, чем несущей практическую пользу, будь то для истории народа или для художественной литературы. Внимание можно привлечь к широкому распространению такой традиции в пределах Японских островов. Она обнаруживается в деревне Огури провинции Хитати, в храме Югёдзи уезда Фудзисава провинции Сагами и в монастыре Таводзи уезда Юноминэ Кии-но куни (древней провинции Кии). Не пользуются большой популярностью, похоже, писатели в жанре гидаю, специализирующиеся на сказках, которые рассказывают гейши, составляющие компанию самисэнам. В хранящихся коллекциях они встречаются только лишь один раз (в Гидаю Хякубан). Запрос в Императорскую библиотеку в Токио, направленный от имени автора настоящего труда, вернулся с ответом об отсутствии у них сведений о яси (чиновниках), упоминающихся в «Дай нихон дзиммэй дзисё», а именно Дэна Сукэсигэ и Энги Тёсо-Ина. От мечты заполучить копию документа пришлось отказаться. Иллю-

стрированный кодан в 18 томах, изданный в первом десятилетии прошлого века под названием «Огури Гайдэн», случайно нашелся на полках букинистических магазинов.

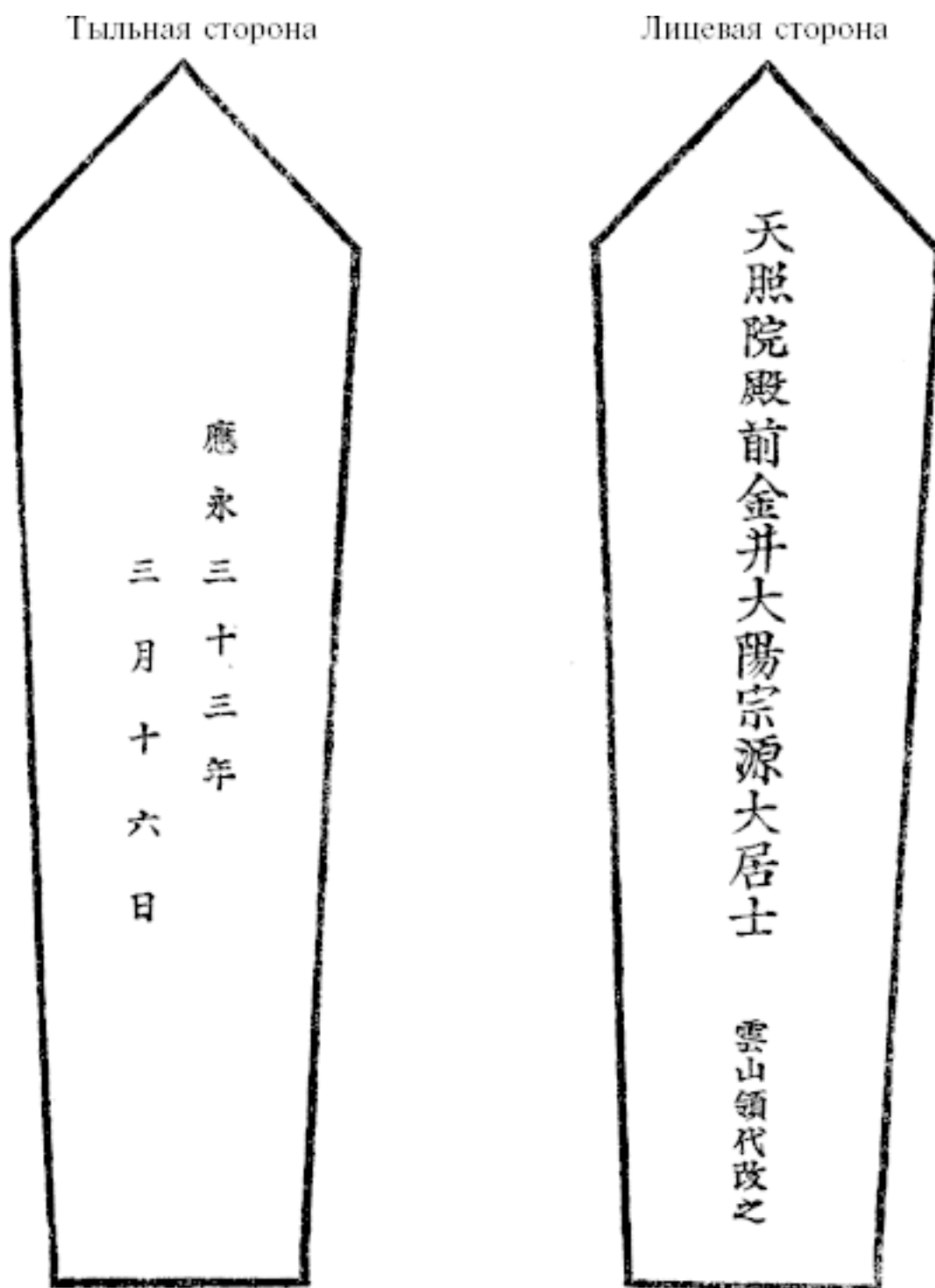

Могила ханвана Огури – Ниихари

Всегда полезно рассказывать о свидетельствах, собранных по крупицам у их источника. До деревни Огури в провинции Хитати можно доехать со станции Ниихари на железнодорожной ветке Мито – Ояма.¹ На расстоянии 2 миль пути по прекрасной сельской местности, где богарное земледелие (хатакэ) перемежается с рисовыми чеками, находится деревня Ниихари. Эта деревня выглядит одним из тех тенистых оазисов, что встречаются в бескрайней степи. В большом сельском доме на западной окраине этой деревни найдены интересные памятники старины, связанные с ханваном. Сам дом находится на месте храма, посвященного Тэнцзин Сама, уничтоженного во время случившегося пожара. К несчастью, именно с тех пор считается утраченным навсегда шлем Мицусигэ. Уздечка у его коня откололась, зато остаются на месте его каймё (погребальная доска), тикара-иси, или камень с отпечатком его большого пальца как показателем его силы, а также мамори-хондзон, или металлическое изображение синтоистского бога войны Хатимана, считающегося покровителем воинов, которое он всегда носил с собой. Изображение божества-хранителя представляет собой фигурку высотой 6,35 сантиметра, хранящуюся в буцудане, или небольшом футляре высотой 30,5 сантиметра. Сразу к западу от этого дома в густом кустарнике выделяется могила Мицусигэ в виде внушительного камня высотой без малого 6 метров. Рядом находится 10 могил, и две из них более позднего периода истории – эпохи Тэмпо (1830–1843). Неподалеку оборудовано современное захоронение с искусным надгробным камнем. К востоку от сельского дома примерно в 300 метрах на открытом хатаке сохранились остатки насыпи замка. Притом что они составляют как максимум 3 метра в высоту, насыпь обозначена очень четко. Этот замок стоял на открытой равнине в миле от холмов подножия горной гряды нижней области провинции Хитати. Непосредственно рядом с ним никакой реки не протекает. На таком же расстоянии к западу (скажем, метров триста) в тени находится деревня Огури. Хотя это и не касается нашего основного предмета изложения, но, преодолев полмили на восток по объездной дороге, можно добраться до дерева муку (афананте тернистый), стоящего на вершине холма посередине хатакэ. К стволу этого дерева кто-то прислонил два плоских камня, и ими, как говорят, обозначили место захоронения Хэйси-но (Тайра-но) Масакадо, который здесь провел свой последний бой и встретил смерть от руки Тавары Тоды. На расстоянии в несколько метров находится валун из мелантерита – судзури-иси. Он врос в землю на несколько метров и представляет собой мощное основание с углублением как минимум в фут ши риной, совершенно очевидно служившее фундаментом просторного строения. Местные жители складывают о нем такие вот легенды. Понятно, что основанием для традиции Фудзисавы она не служит.²

¹ Небольшое селение Ниихари (Цукуба) упоминается в японской хронике VIII века «Нихонги» 1.207 как Ямато-Такэру. (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. авт.)

² Многочисленность «могил» не должна никого беспокоить. На месте замка у Намадзу в Суруге находится Рокудай-мацу, которой отмечена площадь казни сына Тайра Корэмори и протеже Сёнина Монгаку. Величественной киякэ (дзельковой ауминатой) в Дзуси отмечена «могила» Рокудая, казненного на расположенном рядом мосту Тагоэ. Это дерево находится в 60 метрах от главной дороги, ведущей от станции к морскому побережью, и прекрасно с нее просматривается. Причем о нем ничего не знают простые местные жители и туристы, как обыватели, пребывающие в глубочайшем невежестве по поводу таких дел, поэтому к нему практически не ходят. Но оно заслуживает того, чтобы к нему прийти: вид его производит глубокое впечатление. Когда мы пользуемся словом «могила», то подразумеваем памятник усопшему. На просторном кладбище в Коясане один лишь волос или кость может символизировать целое похороненное тело; иногда в могиле вообще может не быть трупа. В месте ожидающегося воскресения святого (Кобо Дайси) в полной готовности оборудованы могилы для 25 гейш из Осаки, но автор все-таки надеется, что эти девушки до сих пор пребывают в добром здравии.

Данная дощечка показана в Ниихари – Огури как каймё, принадлежащее хозяину замка по имени Огури, разрушенного в 30 году периода Оэй (1423). На ней написано: «Тэнсю-Ин-Дэн дзэн Канаи Дайё Согэн дайкодзи. Ундзэн Рёдай коре во арагаму». На тыльной стороне: «33 год третий месяц 16 день периода Оэй» (23 апреля 1426 года). Тэнсю-Ин-Дэн – это посмертное имя покойного (дайкодзи), при жизни известного как Канаи Дайё Согэн; это посмертное имя присвоено жрецом Ундзэном Рёдаем. Слово «дзи» передает противоположный смысл фразы «коре во арагаму»

Наше повествование ведется строго в стиле кодан. Стоит признаться в соблазне сделать попытку соединения подчас весьма яркого диалога. На такой эксперимент напрашивался кодан

Такараи и Мацубаяси. Они повторяли во многом сходные строки. Все археологические знания до мельчайших подробностей (история лука) обычно принадлежат Мацубаяси. А вот метод Такараи отличает игривость Юпитера, притом что в этом месте большого выбора никто не предлагает. Два этих кодана очень удачно komponуются в единое целое. В такую гармоничную композицию вряд ли вошел бы кодан Момогавы. Он всегда пытается «вернуться к изначальной легенде», то есть легенде о Фудзисаве, но переложенной в манере Сукэсигэ. В результате получается значительный отход от первоисточника, хотя и в виде занимательного рассказа.

Более того, по стилю его диалог иногда практически превращается в повествование, и он увлечен выведением на свет представителей скромного народа более поздних дней, которые отличаются от героев легенд его XV столетия. Для соединения вместе связанной романтической времен рода Асикаги предстояло ввести в дело большой объем исторических событий, а также кое-что, слабо связанное с историей из творчества Го-Тайхэйки. Его хроникам следует верить с большой оговоркой, и об этом в предисловии предупреждает его издатель. С точки зрения истории писатели в стиле кодана и их хроники в расчет не берутся, а наиболее достоверное представление о прошлом и будущем можно получить из описания соответствующего периода времени. Достоверными материалами считаются многочисленные брошюры и проспекты, посвященные храмам, местные сказания и путеводители. Если взять коданы Мацубаяси и Такараи в виде единого тома, то получится без малого 800 страниц произведения, сводящегося в один последовательный исторический приключенческий роман. Было бы лучше переписать этот рассказ с самого начала и до конца. Вместо того чтобы наращивать объем имеющегося под рукой материала, следовало бы добросовестно позаботиться о включении в труд всех источников, использованных сказителями, без исключения. Все необходимые для них подтверждения имеются в наличии. Речь идет о многократно пересказанной японской легенде. Получается произведение для западного слушателя, а не продукт воображения писца, выступающего в качестве посредника при такого рода передаче информации. Читателю, рассчитывающему на потоки крови, проливаемой в ходе изложения, следует обращаться к подготовленным заранее примечаниям из летописей и исторических хроник времен рода Асикага. Греха избыточности в кодане не существует. Когда свергли Ходзэ Такатоки, он в пещере горы Касайгаяцу сделал себе харакири, и 877 его сторонников в то же самое время вспороли себе живот на склоне этой горы. Скользящему по гряде холмов Камакуры с запада на восток взгляду предстает самое окровавленное место во всей Японии, и это говорит об очень многом.

В эти дни, когда идет восстановление доброго имени деятелей прошлого, надо бы вспомнить всех их до единого человека. Среди преданных сторонников правительства Бакуфу рода Токугавы выделяется Огури Кодзукэ-но Сукэ, когда-то известный как Матайти Бунго-но-ками. Этого человека причислили к немногочисленным специалистам в области финансов его страны того времени. На заре развития связей с внешним миром Огури посетил Америку и Европу, где прошел курс изучения финансовых проблем, а также программ военной и мореходной подготовки. Очень скоро он убедился в том, что при существовавшем тогда в Японии соотношении золота к серебру его страна лишается самого драгоценного металла. В этом заключался его первый вклад в служение на благо своей стране. Второй вклад состоял в его работе в качестве уполномоченного по военным вопросам. Ему принадлежит план создания военной верфи в Йокосуке, послужившей образцом для остальных подобных предприятий, появившихся позже. Огури утратил благосклонность властей, сохранив при этом свое честное имя. Он сомневался в чистоте порывов, вдохновляемых деятелями из княжеств Сацума и Тёсю, а в их способности верил еще меньше. Они домогались официального положения и рассчитывали на корысть от использования служебного положения. Получив эти высокие дезидераты, они бы выпустили в обращение бумажные деньги и ввергли свою страну в финансовую разруху. Через считанные годы такого правления можно было бы рассчитывать на поворот течения политической жизни в пользу Токугавы. По этой причине он совсем не хотел дожидаться лишения своего клана всех

привилегий. Он искренне выступал против князя Кэйки, ведь тот считался ярим поборником войны. Когда этот князь начал выходить из себя, он попытался обуздать его амбиции. Чем грубее тот вел себя, тем больше настойчивости проявлял Огури. Потом князь Кэйки уволил его со службы. Огури дошел до того, что в Дзёсю организовал вооруженный отряд. Этот отряд распустили, а Огури казнили как мятежника в четвертом месяце 1 года эпохи Мэйдзи (28 апреля 1868 года). По его собственному суждению, Огури сыграл свою роль как честный, если не своевольный человек. Его авторитет как основателя крупного военно-морского арсенала в Йокосуке остается официально восстановленным наряду с именами таких деятелей, как Сайго Такамори, Это Симпэй и остальные приверженцы проигранного дела. На самом деле он был настоящим хатамото – с 10 тысячами коку. Главное же для нашего предисловия заключается в том, что он считается прямым потомком героя нашего рассказа.

Часть первая

Дома Огури и Сатакэ

При всем поклонении им со стороны богов и людей в равной степени,

Эти бесподобные создания, в отличие от них, не нуждаются ни в подношениях, ни в поклонении. Они всё это приемлют и ничего не отвергают. На протяжении веков все Будды такими были и такими останутся всегда.

Шарипутра. Вопросы и загадки царя Милинды

Глава 1

Каннон-до из Сасамэгаяцу

Город Камакура лежит между морем и горами, и форма его территории во многом напоминает двустворчатую раковину. Изгиб склона на западе от Инамурагасаки постепенно поднимается до края раковины у храма Цуругаока-Хатимангу. Сторона треугольника покороче под тупым углом уходит вниз к морю у поселка Иидзима, обозначающего на востоке границы Заимокузы и этого района. Таким образом, ширина этой долины на всем протяжении разная, а максимальная ее ширина приходится на сосновую аллею, ведущую от храма Цуругаока-Хатиман-гу к морю у Вакамияодзи. Не будем учитывать короткий отрезок побережья Заимокуза в Юигахаме, представляющий собой настолько крошечную впадину, что ее и сравнить не с чем. Рассматриваемая нами долина с двух сторон окружена отвесными с неровными зубцами вершин горами. Понятно, что выход отсюда возможен разве что по дорогам (киридоси), прорубленным в этих горах на большую глубину. Современные средства сообщения в виде железнодорожного транспорта пришли в этот город через тоннель, а на юг железная дорога уходит точно таким же тоннелем. Природные преимущества этого места совершенно очевидны всем, особенно с точки зрения средневековых условий постоянных войн. Поэтому неудивительно то, что Тайра Хироцунэ посоветовал Ёритомо именно здесь построить свою столицу. В случае необходимости отсюда можно было уйти морем, а на суше имелись все условия для обороны.

С двух сторон раковины долины на склонах окружающих гор располагаются короткие и крутые плоскогорья, которые за столетия возделывания превратились в плоские террасы рисовых чек. Окружающие холмы покрыты густыми лесами. Назовем крупнейшие из них, простирающиеся с запада на восток: Кувагаяцу и протяженная долина слева от Даibuцу; Сасамэгаяцу, Сасукэгаяцу, Огигаяцу, Окурагаяцу (крупный и заметный), Касайгаяцу и Хикигаяцу. Как уже упоминалось, храм Цуругаока-Хатиман-гу, изначально построенный у моря в Заимокузе, а позже при Ёритомо перенесенный на гору Цуругаока, располагается на месте соединения двух створок раковины долины. Рядом чуть восточнее Ёритомо построил свою ясики (усадьбу), окруженную поместьями его великих вассалов Хатакэямы, Ходзэ, Вады и других. Вокруг этих ясики вырос мощный город владельцев торговых предприятий, существование которого вызвано необходимостью и договоренностью всех заинтересованных сторон. В центре этого поселения, во времена Ходзэ якобы вмещавшего почти миллион человек, находились нынешние Комати и Омати. Вся долина у подножия гор была обжитой от храма Хасэ Каннон до Комиодзи. Всю акваторию у деревень Сака-но-Сита, Юигасато и Заимокуза заполняли многочисленные парусные суда их рыбаков. Непременными вкраплениями среди домов простолюдинов выглядели ясики крупных вельмож, а склоны гор предназначались для хра-

мов. Былое благополучие этого города подверглось сокрушительному подрыву, когда Асикага Такаудзи изменил прежнему курсу, пошел за императором Го-Дайго-тэнно, в то время занятым свержением рода сиккэна Ходзё (регентов), и предоставил Нитте Ёсисадэ возможность овладеть своим городом в результате внезапного его штурма. Своим войскам, ворвавшимся в город, Ёсисада сразу же приказал его спалить, и значительная часть Камакуры сгорела дотла. Из праха этот город восставал медленно, так как годы в начале правления канрё (наместников) Камакуры надежного мира его жителям не принесли. Эти чиновники, как настоящие сёгуну севера, сёгуну Киото подчинялись неохотно, ведь они относились к молодой ветви сёгуната Такаудзи. С объявлением о формировании в Ёсино Южного двора Такаудзи осознал, что он не может согласиться с планом Ёритомо. Поэтому он порвал с двором и сёгунатом точно так же бесповоротно, как это сделал сам Ёритомо. Великая схватка, продолжавшаяся все последовавшие полвека, велась в основном за обладание Киото. Он назначил своего второго сына по имени Мотоудзи в город Камакуру в качестве канрё. И хотя дальнейшая жизнь этого его сына проходила главным образом в лагере, а самому Такаудзи приходилось время от времени лично бывать на севере, чтобы следить за ходом военных действий, все равно еще при жизни этих двух деятелей на территории Канто³ наступил относительный мир. То есть мир в той степени, в какой он в то время мог существовать. Когда на пятый день одиннадцатого месяца эпохи Оэй (период времени от 9 декабря 1398 го да по 8 января 1399 года) умер сын Мотоудзи по имени Удзимицу, в Канто было уже спокойно, разве что иногда возникали разрозненные мятежи, позволявшие тем не менее предоставлять помощь правителям в Киото. К тому времени канто канрё приобрели такую власть, что начали алчно присматриваться к сёгунату в Киото. Сицудзи (премьер) Уэсуги Норихара не смог отговорить своего господина Удзимицу от его замысла и выразил свой протест самым радикальным образом, покончив с собой. Удзимицу отступил от своего намерения. Ему на смену пришел полновластный наследник в лице сына Мицуканэ, возглавившего самую мощную и единую в Японии военную машину. Он рассчитывал точно так же занять место своего двоюродного брата в качестве сюзерена.

Члены рода Асикага, установившие свою власть в городе Камакуре, не смогли сохранить центр старого Бакура в Окура. Они переселились в верхнюю часть долины поближе к храму Дзёмё-дзи, где она заканчивается и резко уходит вверх к перевалу Асахинакиридоси на пути в сторону Канадзав. Здесь находилась их ясики, а саму долину заселили их ближайшие вассалы. Неподалеку, ближе к центру города находилась ясики Инукакэ Уэсуги. Сицудзи у Мицуканэ числился престарелый Томомунэ. По правилам чередования между ветвями Яманоути и Оги-гаяцу власть в то время принадлежала лично Норисаде. Преемником Томомунэ назначили его сына Удзинори. Этих Уэсуги, ведущих род от Фудзивары Ёсикадо, относили к материнской линии дома Такаудзи. Кугэ (представитель древней японской гражданской придворной аристократии) Сигэфуса покинул Киото, взял имя Уэсуги по феодальному имению в провинции Танго с полномочиями букэ (военного вассала) и отправился в Канто. Его дочь вышла замуж за деда Такаудзи и тем самым получила родственную связь с домом Асикага. Уэсуги проявили недюжинную находчивость в политике. Им повезло покинуть лишившийся покровительства судьбы клан Ходзё буквально перед самым его закатом.

³ Восемь провинций – Идзу, Сагами, Мусаси, Симоцукэ, Коцукэ, Хитати, Симоса, Ава. Правитель Дэвы и Осю тоже принял титул и обычно выступал заодно с правителем Камакуры.

Видение князя Киёмори

Таким образом, эти долины выглядели совсем иначе, чем сейчас, покрытые посевами риса, пшеницы, ячменя и просо. В те дни, 500 лет назад, данную местность занимали дома тружеников и лавочников; просторные участки земли занимали ясики сражающихся аристократов, причем в их пределах предусматривалось жилье для воинов. Местом удовлетворения самых разных желаний жителей этого большого города служили увеселительные кварталы Комати и Кайдзодзи-Огигаяцу с постоянными дворами, харчевнями и притонами разврата. Прохожему на его улицах через короткие интервалы открывались ворота на территорию некогда великих храмовых монастырей. Камакура представлял собой не только сцену судорожной битвы вооруженных отрядов, но и местом все большего духовного раздора. Особенно острой выглядела схватка между сектами дзэн-буддистов и нитирэн-буддистов, причем агрессивностью отличались последователи Нитирэн. В современном городе сохранились его черты прошлого, которые смогли все-таки сберечь его жители. Имена Заимокуза, Комати, Омати, Вакамияодзи, Юигахама, Сака-но-Сита, Хасэ считаются такими же древними, как и сам город Камакура. Однако приморские деревни представляются всего лишь исчезающим призраком этого древнего великого города.

Как раз во дворце Окурагаяцу под названием Кубоясики в девятом месяце 15 года периода Оэй (20 сентября – 20 октября 1408 года) правитель Мицуканэ проводил собрание, на котором слагались поэмы и сочинялись легенды. Помещение для ассамблеи выбрали длинное и не очень широкое. Оно было оборудовано помостом с несколькими ступенями, чтобы на него было легче взойти. На помосте восседал Мицуканэ, занимавший небольшую подставку, напоминавшую лагерный стул. Вокруг него на корточках сидели многочисленные придворные дамы, следившие за малейшим жестом своего господина и готовые выполнить любое его указание. У помоста перед Мицуканэ расположились около пятнадцати – двадцати его главных вельмож. В задней части помещения на некотором расстоянии находилась разношерстная группа самураев, которые размещались в соответствии с рангом и правом входа в помещение в присутствии их сюзерена. Кроме самого правителя все присутствующие гости сидели на татами с подушками. Собрание в тот вечер было многочисленным потому, что всем хотелось узнать о состоянии здоровья их господина. Гости явно томились происходящим, и сам Мицуканэ в том числе. Пожилой Томомунэ заканчивал свою затянувшуюся серию легенд о войнах прошлых веков. Он поведал о предостережениях, в которых заранее говорилось о конце злодея Тайрано Киёмори. Этот правитель, тогда еще считавшийся полновластным человеком, однако уже потерявший свою опору в жизни из-за смерти сына, перевел свою столицу из Киото в город Фукухара (Кобэ), а император переехал из одной тюрьмы в другую. Такая перемена сопровождалась самыми недобрыми предзнаменованиями. Его ложе промокло из-за дождя, струи которого проникли сквозь крышу, сам император находился в пути всю ночь и не мог заснуть. Не мог уснуть и Киёмори, находившийся в сухом помещении. Воинские подразделения ночью шумно топали по крыше дворца. Шум стоял непереносимый.

Однако, когда стража прошла, рядом не осталось ни одной живой души. Потом в роскошном хвосте любимого коня правителя завелся целый выводок мышей, и слуги подверглись большому риску от его копыт, чем сами паразиты во время изгнания. Еще как-то вечером, когда Киёмори готовился ко сну, все остолбенели от неожиданности, так как фусама (раздвижная перегородка) отошла в сторону и в комнату вступила дама. У нее были длинные черные волосы, черные зубы, лицо пугающе бледное, и она как-то странно скользила, а не ступала по циновкам татами. Свирепо взирая на правителя, она стала медленно приближаться к нему. Киёмори никогда не боялся девушек, и вообще его ничто не пугало, ведь только в злых вымыслах авторов летописей и жанра кодан ему приписывали робость и малодушие. Он грозно взглянул на нее в ответ и, как только дама подошла ближе, бросился на нее, как будто намеревался схватить. И тут же призрак дамы испарился. По дому прокатился вопль смеющегося порока, от

которого похолодели сердца свидетелей этой сцены. Затем скользящая дверь фусамы на глазах медленно закрылась сама по себе.

Это событие произвело на него такое глубокое впечатление, что только поздно ночью Киёмори собрался лечь в постель. В голове у него шумело от выпитого сакэ, и спать ему совсем не хотелось. В таком состоянии добиться сочувствия у своей постельной спутницы ему было трудно. Ведь она оставалась трезвой и сонной. А он изрядно набрался, и сон не шел. Правитель заглянул в соседнюю спальню. Самурая на часах сморила дрема, и он пребывал в царстве сна. Составить ему компанию было некому. Киёмори нахмурился. Он был раздражен не столько несоблюдением дисциплины, сколько хотел развлечься. К тому же этот деспотичный своенравный человек отличался одной слабостью – сочувствием молодости. Он не стал будить спящего юношу. Тут из сада донесся звук: гого-гого-гого. Хотя бы там ждало какое-то развлечение. Воры это или заговорщики? Киёмори прихватил свой меч (макура-гатану), который всегда держал у изголовья постели. Подойдя к амадо (деревянными дверям), он снял запор и тихонько толкнул створку. Ярко светила луна. Каждую деталь снаружи было видно отчетливо, как при солнечном освещении. Сначала он ничего подозрительного не видел. Потом заметил череп, скачущий и катающийся по земле. Затем появилось еще несколько подобных черепов, дальше – больше. Они выпрыгивали из каменных фонарей (исидоро), из кувшинов (цубо), падали с деревьев, выскакивали из искусственного водоема (икэ), из самой земли в таком количестве, что сосчитать их не было никакой возможности. Они катились друг за другом длинными вереницами и при встрече складывались в кучи. В своем движении они выглядели разумными и живыми созданиями. Тут черепа принялись яростно драться друг с другом. Одни черепа давили и били других. Челюсти и зубы черепов ударялись и ломались с отвратительным скрежетом. Они собирались в громадные кучи, распадались и снова сходились в драке. Наблюдать за такой ожесточенной лютостью бескровной битвы темной злой воли было жутко. Киёмори ощущал себя свидетелем вечных столкновений мира оборотней (сюрадо). «Весна и цветы, красота жизни принадлежит земле. Местом существования оборотней служило подземное пространство, недоступное взорам живых людей». Так говаривали люди в старые добрые времена. Их туда не прочь был отправить Нюдо-доно. Великой была его храбрость.

Как только Киёмори взялся за меч, черепа сразу же собрались в громадную кучу. Она возвышалась приблизительно на 14 или 15 дзэ (43–47 метров), а внешним видом напоминала одну огромную бритую голову жреца. Из глазниц этого видения на Киёмори лился свет густой дьявольской ненависти. Нюдо-доно обнажил свой меч и решительно прошагал по полу рока (веранды). Он приготовился спрыгнуть в сад и вступить в бой. Берегись, враг! И тут видение исчезло. Холодная осенняя луна освещала землю, покрытую инеем. Слышался мягкий плеск волн находящегося рядом моря. Сад выглядел несказанно мирным местом. Киёмори протер глаза и посмотрел в сад снова. Ничто не изменилось! Он поежился. Разбуженные его криком и топаньем слуги окружили своего хозяина. Правителя проводили назад в его апартаменты. Собрались врачи и предсказатели судьбы. Придворные восприняли все произошедшее вполне серьезно и удрученно качали головой. В простом народе пошел ропот. Сам же Киёмори после ночного видения простудился и несколько дней провел в постели.

Такую вот легенду сочинили о Томомунэ. Много было восклицаний «Ах!», «Кова!» и «Идза!». Долго не прекращались вежливые вздохи и всевозможные проявления удивления. Но многие слышали этот рассказ в исполнении Томомунэ раньше, а рассказчиком он считался знатным! Кто выступит следующим за ним? Глаза у всех присутствующих загорелись, а внимание обострилось, когда Мицуканэ вызвал Иссики Акихидэ развлечь публику своими рассказами. Акихидэ происходил из влиятельнейшей семьи, основная часть которой жила в Киото, и был родственником Сэйвы Гэндзи. Теперь он стремительно укреплял доверие к себе своего господина, испытывающего к нему благосклонность. Придворные ненавидели и боялись

его. Для завоевания благосклонности своего правителя Иссики использовал все средства без исключения. Люди возвышались за счет отваги, ума и приспособленчества. Отвагой и умом он не выделялся. К тому же эти свойства личности обеспечивали медленное и многотрудное продвижение по службе. Его старший брат по имени Наоканэ занимал важный пост градоначальника Камакуры. Для себя он избрал изучение характера и слабых мест натуры своего господина. Они были приблизительно одного возраста; зато среди остальных придворных Иссики отличался богатейшим опытом жизни. По этой причине его считали человеком опасным. Он служил для своего господина каналом самой интимной связи с внешним миром. Мицуканэ в него верил. В этом случае он согнулся перед ним в глубоком поклоне. По знаку своего господина он снова присел рядом с помостом. По его лицу было трудно разобрать, улыбается ли он беззастенчиво хитро или откровенно неодобрительно. Известная прямота Томомунэ служила тайной мишенью острых его стрел насмешки. Он не видел никакого особенного величия ни у Томомунэ, ни у его сына Удзинори. Его дом считался таким же влиятельным, как дом Уэсуги. Если последние вставали на пути, тем хуже им самим; последствия этого трудно было переоценить. Он начал с похвалы своего предшественника и старшего по возрасту. Древние сказания находились за пределами его кругозора и жизненного опыта. Он относился к людям, живущим в сегодняшнем мире. На службе своему господину все его помыслы подчинялись текущему положению вещей. Никаких обязанностей перед прошлым он не ощущал. Эти слова означали погружение в историю рода Мицуканэ, а предназначались для того, чтобы вызвать в памяти протест Норихару. Разве на роду Уэсуги не лежала печать проявленной не к месту преданности Киото?

Иссики начал свое повествование так: «Всем известно, что имел в виду Дзясин (бог разрушения и смерти), а также что Дзясин принадлежал всем местам и периодам времени. Теперь уже всеми признаётся, что среди людей находятся потомки этого Дзясина.⁴ Отличительной чертой их служат чешуйки на спине. Так что достоверность данного факта никаких сомнений не вызывает, и совершенно определено существуют люди, которые об этом прекрасно знают. Отсюда питается надежда на то, что наш господин не соизволит считать эту легенду просто волшебной сказкой.

В провинции Этиго существует проход (тогэ), носящий название Оритогэ, а происхождение этого названия такое. В дни не столь отдаленные, памятные еще нашим дедам, рядом с деревней, располагавшейся у подножия этого прохода, жил охотник по имени Ёсаку. Этот человек никого на охоте не ранил, да и особой радости от своего ремесла не получал: для него оно служило способом добывания средств для собственного существования. Он считался удачливым добытчиком, так как ловко владел луком и стрелами. Зайцы, словно одержимые, шли в его силки. Дикий вепрь становился легкой добычей этого человека с наметанным охотничьим глазом; Ёсаку смело шел в лес с пикой, один на один сразиться со свирепым медведем. Даже барсуки и лисы разделяли одну судьбу в борьбе нашего охотника со всем живым. За два года охоты на животных он загубил большое число жизней, и у кармы этих кровавых деяний накопилось много претензий к богам, как выяснилось в развитии последующих событий.

Ёсаку числился вдовцом. У него была дочь по имени Ори – симпатичная горянка 18 лет от роду. Она заботилась о порядке в доме отца и во время его иногда продолжительных отлучек проводила все свое время в деревне, где ее считали местным ребенком, причем ребенком избалованным отцом. Отец ни в чем ей не перечил, и она жила без докучливой родительской опеки. А при сложившейся у ее отца репутации успешного человека и ее красоте дочка стала

⁴ Такое предубеждение пользуется широкой известностью. Момогава говорит о потомках Хори Кютаро. Вторым его сыном как раз и был Дзясин. Сначала гербом (моном) служил змеиный глаз. В свое время ему на смену пришли кугинуки (клеши). Саэмон-но Дзё Хидэмаса и Като Киёмаса носили герб змеиного глаза, как и многие слуги Тайко Хидэёси, который скорее выискивал таких людей, чем наоборот. Этого потомка к тому же относят к Огате Сабуро Корёёси, того, что выгнал представителей клана Тайра с острова Кюсю, когда они искали убежище в Дадзайфу.

объектом «матримониальной дипломатии» со стороны претендентов на ее руку и сердце и их родителей. Однажды Ёсаку поступило распоряжение от нануси (пристава) деревни по имени Кинса придумать и исполнить какую-нибудь редкую забаву. Население феода как раз ждало своего господина, возвращавшегося с караульной службы в Киото, и готовилось устроить ему торжественную встречу. Ёсаку проникся большой ответственностью и радостью к порученному ему заданию, собрался покинуть свой дом на несколько дней и прихватил с собой все необходимое, чтобы «задать жару пернатым и четвероногим тварям». Покидая дом, он строго наказал Ори тщательно запирать дверь, особенно на ночь, «но было бы еще спокойнее, если ты переночуешь у кого-нибудь в деревне. В любом случае тебе придется пойти туда за лакомствами, чтобы побаловать себя. Но главное, не трогай мисодзукэ (маринованные огурцы), хранящиеся в шкафу (тодане). Эти мисодзукэ полезны для мужчин, а женщина, поев их, может просто умереть. Ни в коем случае не трогай мисодзукэ». Высказав у двери это прощальное предупреждение и не вдаваясь в подробные объяснения из-за спешки, Ёсаку быстрым шагом отправился в горы и скоро исчез из вида.

Ёсаку уже позавтракал, а Ори еще ничего не ела. С самого начала она подумала, что отец сказал что-то несообразное. Он всегда проявлял к ней такое великодушие, что ей даже на ум не приходило, что он может оказаться прижимистым человеком. Но в то время все мужчины любили хорошо поесть, и, по всей вероятности, он мог относиться к обычным чревоугодникам. Как все мужчины, он не подумал о том, что за время его отсутствия эти мисодзукэ заплесневеют и испортятся. Ничего страшного не приключится, и даже разумно при таком раскладе съесть оставленные отцом мисодзукэ. От деревни ее отделяло больше мили, а Ёсаку, готовясь к длительному как никогда отсутствию дома, убрал из кладовой все съестное. Ограничивать себя дайконом (редькой) и безвкусным вареным ячменем казалось глупым, когда перед носом находится такое соблазнительное лакомство. Как бы там ни было, но ничего плохого не случится, если она на него просто взглянет. К тому же следовало посмотреть, то ли это на самом деле, о чем говорил отец. Открыв шкаф, она обнаружила запасы маринованных огурцов, достаточные не только для одного человека, а и для двух. Они источали чудесный аромат. Как ему не стыдно! Она только попробует, дабы убедиться, что огурцы не испортились. Так она и сделала и даже причмокнула губами от удовольствия. Какая прелесть! Она попробовала еще один огурец. Здесь их столько, что отец ничего не заметит и не рассердится, если она съест немножко. Хватит на двоих, и она оставит половину огурцов. Пехори, пехори! Ори ела и ела, пока в большой миске от отцовского деликатеса совсем ничего не осталось. После этого она присела, чтобы как следует подумать. Как она оправдается перед отцом в том, что все съела и ни крошки ему не оставила? Неловкость в сознании усугубилась беспокойством в теле. Ею овладела непереносимая и все возрастающая жажда. Девушке казалось, что вместо еды она наглоталась огня. Она нагрела воды и пила ее чашка за чашкой. Ори приготовила напиток на основе каленых зерен пшеницы и отправляла его в рот чайник за чайником. Ни жажду, ни жжение унять не удавалось. Ее тело распухало и распухало, как будто от воды, которую она поглощала. Жажда выгнала ее прочь из дома. Выбравшись во двор, она увидела крыши домов деревни и решила обратиться за помощью к людям, чтобы они облегчили ее страдания. От деревни ее отделяло не слишком большое расстояние, но тело ее стало таким неповоротливым, что на его преодоление ушло несколько часов, так как Ори приходилось ковылять и скатываться по горной тропе. Рядом с тропой располагался горный водоем (Онума) – не то пруд, не то болото с темными глинистыми ямами. Селяне по сложившейся традиции считали его бездонным. Ори не могла сдерживать терзавшей ее жажды. В этом якобы бездонном водоеме казалось совсем немного воды, чтобы она могла напиться. Девушка сошла с тропы и неуклюже присела у края водоема. Опираясь на руки, она наклонила голову к воде. Но не могла до нее дотянуться. Перестаравшись, она потеряла равновесие, и ее громадное тело с тяжелым всплеском упало в водоем и исчезло в бездне.

Ёсаку добился в охоте впечатляющего успеха. Обитатели царства зверей откликнулись на его призыв самым добросовестным образом. Он добыл множество оленей, несколько вепрей, без числа куропаток; мало того, на пятый день отсутствия дома он победоносно сцепился с огромным бурым медведем. Увернувшись от ужасного когтя его передней лапы, он уложил мощного зверюгу. Наш охотник запасал провиант в ходе своей забавы до тех пор, пока из деревни не подросла подмога. Когда его охотничьи трофеи разложили по кладовым, довольный Кинса поблагодарил его и выдал крупное вознаграждение. Оживленный и не остывший еще от охоты, он практически на пороге своего дома приколол зазевавшуюся лисицу. Подойдя к двери, он издал громкий победоносный крик, чтобы позвать Ори. Все двери его дома стояли настежь раскрытыми, но самой Ори нигде не было. Ёсаку позвал дочь еще раз. Он знал, что она несколько дней не появлялась в деревне, и поэтому предположил, что она пошла на родник за водой. Пользуясь ее отсутствием, он решил приготовить стол для трапезы. Первым делом он вспомнил о мисодзукэ.

Шкаф стоял пустым, и тут он впервые заметил на столе миску, в которой находилась злополучная острая закуска. Он облокотился о столешницу. На пыли, накопившейся за несколько дней, пока не было уборки, остались следы от его рук. Сраженный горем родитель повалился на пол. Теперь он осознал всю глубину случившейся трагедии. Ори съела мисодзукэ, приготовленное из моабями (исключительно ядовитой змеи). Для мужчин его круга это блюдо не представляло никакой опасности, зато вдохновляло на охоту и приносило добытчику удачу. Женщинам же оно грозило смертью. От этой мысли он вскочил и, громко окликая Ори по имени, бросился на поиски какого-нибудь ее следа. Судьба вывела его на берег известного нам водоема. Здесь, на берегу, он обнаружил ее гэта (японскую деревянную дамскую обувь), отпечатки ее рук, где она опиралась, чтобы напиться. Кория! Утешением ему не осталось даже сомнения в печальной судьбе дочери. Больше он никогда не увидит свою Ори. В их перевоплощениях на протяжении бесконечности веков он навсегда потерял своего любимого ребенка. Боги сурово его наказали за бездумное и поверхностное отношение к жизни. Почему он не согласился возделывать рисовые поля и хатакэ (с созревшим урожаем) вместе с остальными земледельцами? Такой труд отличался однообразием, и он изматывал человека до такой степени, что у него не оставалось сил на то, чтобы смыть с тела накопившуюся за день грязь. Но он предпочел лес, и теперь ему приходилось расплачиваться за свои суетные страсти. Ёсаку считался человеком совсем не бедным. Отрекаясь от мира, он приобрел штемпель и печать сюгэндзя (странствующего монаха). Остаток своей жизни он переходил из одной провинции в другую, где в каждом храме возносил молитву о более счастливом рождении в новой жизни для самого себя и своей дочери Ори.

Бива-хоси в Дзидзодо

Прошли годы. Как-то вечером бива-хоси (жрец-певец) с трудом взбирался на перевал, ведущий в Этиго. Продвигался он медленно, так как был человеком незрячим. Поклажа его была легкой, и предметов первой необходимости он нес немного. Как гласит древняя мудрость, «слепой человек не различает дня и ночи». Ночь для него никогда не кончается. Этот бива-хоси пришел в монастырь Дзидзо, расположенный сразу за вершиной перевала в начале его спуска. Чутье ему подсказывало, что вот-вот должна была наступить ночь. По крайней мере, ему надо было немножко отдохнуть. Он остановился на привал и стал периодически трогать струны своей бива (лютни), сопровождая себя при чтении отрывков из Хэйкэ-моногатари, рассказывающих о битвах и любви героев, память о которых еще хранилась в народе. Потом до его ноздрей долетел ветерок с запахом свежей крови, принесший признак призрачного видения. Но незрячие люди отличаются храбростью. Видения мало пугали этого монаха, его больше заботила необходимость выдерживания своего пути. Рядом послышался нежный женский голос: «Приближается ночь, и тебе нужна чья-то помощь. Услышав прекрасные звуки струн твоей бива, я пришла предложить мой кров на эту ночь». Однако монах в душе этого мужчины воспротивился такому предложению женщины. «Нет, милостивая сударыня. Я монах и должен поискать приличествующий духовному лицу дом. Если рядом не найдется деревни, тогда я должен провести ночь в этом Дзидзодо. Но говорят, что деревня находится совсем рядом у подножия перевала». Голос женщины снова зазвучал не сразу. Через какое-то время она заговорила более жестким тоном: «Я желаю тебе добра. Твоя музыка утешила мои чувства. Не останавливайся в этой деревне. Иди дальше. Не буду скрываться. Я – дочь охотника Ёсаку по имени Ори. Жители этой деревни отказались от пожертвований на мой алтарь. Этой ночью на них должен обрушиться грязевой поток. Ищи приют где-нибудь еще».

В ноздри бива-хоси снова ударил запах крови. Послышался шелест одежды проходящей мимо женщины. Спотыкаясь и падая, монах кое-как добрался до деревни у подножия горного перевала. Здесь он попросил срочно отвести себя к дому нануси, место которого занимал достойный преемник заслуженного Кинсы. В окружении толпы недоумевающих жителей деревни он поведал нануси о случившемся с ним и о предостережении таинственной женщины. «Этой ночью вам грозит смешаться с грязью, и ваши имена ждет та же судьба». Кинса покачал головой. Он слышал сказание о дочери Ёсаку по имени Ори. «Наши отцы в свои дни подверглись страданиям, и в последующие годы об алтаре, возведенном в честь Ори на месте дома Ёсаку, никто самым постыдным образом не заботился. Сомнений нет, Ори теперь превратилась в нуси (призрак или нечистую силу) своего топкого водоема и грядущей ночью собирается низвергнуть его воды на наши головы. Остается предпринять только одно: собрать все железо, причем как старое, так и новое, какое только удастся отыскать. Его следует побросать в водоем. Чем ржавее железо, тем лучше, так как нуси должна принять ржавчину за кровь». Итак, селяне спешно собрали все старые столовые ножи, сечки, тесаки, молотки, цепи, каминные щипцы, котелки – все ржавое железо, что удалось найти, и не ржавое тоже – оно со временем должно заржаветь. На берегу водоема сложили большую кучу всего, что подвергается коррозии. По сигналу нануси все это отправилось в воду в том месте, где Ори, по преданию, встретила свою смерть. После этого с надеждой на то, что опасность удалось предотвратить, длинная процессия местных жителей отправилась обратно в деревню. По поводу того, кто должен приютить бива-хоси той ночью, возник некий спор, только вот проявленное гостеприимство было омрачено большой грустью. Едва он добрался до деревни, как все его тело скрутило жесточайшей болью. От жажды у него начал распухать язык, заткнувший рот и ставший непреодолимой преградой при попытке напиться. Его тело раздулось и превратилось в бесформенную массу. После этого он скончался. Благодарные жители деревни навсегда запомнили его как своего спасителя. Монаху присвоили звание ками (языческого божества), а на входе в деревню соорудили алтарь. Здесь находится его изображение с бива, пожитками и в гэта (деревянных баш-

маках). А вот перевал с той поры называется Оритогэ. Такова легенда Акихидэ, пересказанная по распоряжению его правителя».

Каким был вывод господина и вассалов по поводу легенды Иссики Акихидэ, остается неясным. Ибо, как только Мицуканэ Ко открыл рот, хотя и не успел произнести ни слова, сёдзи (сдвижные перегородки) от сильного дуновения ветра распахнулись, и апартаменты наполнились ослепительным светом. Присутствующие приподнялись со своих. Один только князь демонстрировал полнейшее спокойствие. Чтобы скрыть свой страх, Иссики последовал его примеру. «Акихидэ теперь было не с руки привлекать благосклонное внимание своего господина. Однако с разрешения сюзерена следовало сказать о возможности молодецкого куража на службе у своего правителя. На протяжении нескольких недель этот яркий свет появлялся над городом Камакуррой по ночам. Продолжалась эпидемия болезни, а дождь в том месяце лил так обильно, что земледельцы превратились в сэндо (лодочников). Причину этого несчастья было нетрудно отследить, так как поступило сообщение о том, что свет в эти поздние ночные часы исходил из Сасамэгаяцу. Если бы его светлость соизволил приказать кому-нибудь из предприимчивых самураев помоложе сразу оседлать лошадь и заставить призрака за его проделками... Не смущайте нашего уважаемого правителя необходимостью выбора... Что?! Никому не двигаться! Нет, неудивительно, что эти жалкие видения потустороннего мира бросали наглый вызов, когда молодые и сильные мужчины демонстрировали малодушие». Иссики в таких случаях всегда говорил с издевкой, не рассчитывая найти добровольца, способного выехать верхом в бурю и тьму. Зато сам он пытался показать личное рвение в делах своего господина. И тут в самом дальнем конце зала раздался чей-то голос: «Поместье князя Иссики находится рядом с Сасамэгаяцу. Если появление этих видений затянулось так надолго, то можно назвать странным, что слуги его светлости с самого начала не занялись выяснением причин такого дела. Говорить осмеливается только простая молодежь; однако дождь, ветер и темнота никому никакого вреда не наносят. Соизволит ли его светлость предоставить право и честь оказать ему услугу, какой бы недостойной и дерзкой ни казалась такая просьба». Мицуканэ наклонился вперед, чтобы разглядеть глубины залы. «Наруходо! Все дело в Юки Ситиро Удзитомо, приготовившемся к встрече с этим злым духом. Вам вручат символ предоставленного права покинуть нас для выполнения поставленной задачи. Передайте ему этот складной веер (оги). А теперь ждите соответствующего сообщения». Князь поднялся, чтобы закрыть собрание на ночь.

Он едва покинул залу, как Удзитомо уже отправился в путь. До Сасамэгаяцу было рукой подать. Вниз, в долину Окура, он скакал галопом мимо протяженных заборов здешних ясики и монастырских стен, а потом мимо товарных складов. Там, где сейчас мы наблюдаем живописный ландшафт хатакэ и рисовых полей, в те дни находилось две тысячи домов. Совсем рядом с местом назначения стояла роскошная усадьба Иссики. Ждавшие возвращения своего господина слуги не тушили огня, а стражи, устроившись удобнее, наблюдали за горящими факелами, которыми обозначались входные ворота. Как только Удзитомо повернул к Сасамэгаяцу, тропа сразу исчезла. Вокруг него встали отвесные горы, густо поросшие соснами и кедрами. Через узкий вход эта долина открывалась на два участка пошире. Удзитомо пребывал в неуверенности совсем недолго. Он решил покинуть долину, чтобы вернуться сюда позже, и поскакал вверх по сужающемуся склону. Буря прекратилась, но в небе все еще клубились густые тучи, свет луны проникал сквозь разрывы среди этих туч и падал на мокрые заросли травы судзуки, доходившей почти до брюха его лошади. Местность здесь была неровной и запущенной, утыканной соснами. Его лошадь спотыкалась, переступая через стволы поваленных деревьев, а Удзитомо говорил с ней и подбадривал свое животное. Ему помогал мерцающий свет луны и светильника, к которому он подъехал в конце своего пути. Здесь он сделал остановку и внимательно огляделся. Ничего заслуживающего внимания он не увидел, разве что впереди долину

преграждал практически непроходимый кедровый лес. Продолжив путь в полной темноте, он доверился своей лошади. Ах! На небольшой полянке он увидел одинокий алтарь. Удзитомо соскочил на землю и привязал свою лошадь к дереву. После этого он приблизился к алтарю. Тот выглядел обветшалым, но по резьбе, украшавшей алтарь снаружи, было видно, что в свое время это место пользовалось большим почетом. Войдя внутрь, Удзитомо на буцудане обнаружил изображение Каннон с тысячей рук. Перед этим буцуданом он положил жезл своего господина. Потом он помолился. Совершенно очевидно, никакого призрака здесь никогда не бывало. Снаружи тоже никаких следов призрака видно не было. Вернувшись на край леса, Удзитомо взглянул вниз, на долину. В удалении по ту сторону равнины Карнакура серебрился в свете луны участок моря. Наш путешественник снова вернулся к алтарю, сложил руки и произнес молитву. «Если некое сверхъестественное существо вызывает нынешние явления, не могло бы оно появиться перед глазами Удзитомо, чтобы он сообщил о нем своему господину? Наму Амида Буцу! Славься, будда Амида!»

Никакой реакции на его слова не последовало, даже тени чего-то подозрительного не появилось. Удзитомо в раздражении пожал плечами и повернулся, чтобы отвязать свою лошадь. И тут же увидел представшего перед его глазами у маленького алтаря Фудо в тени пожилого мужчину. Мужчина опирался на посох из высоко ценимого старцами дерева акадза. Старик перебирал пальцами четки из бусин горного хрусталя. Всем видом он старался показать свое безразличие к постороннему человеку. Удзитомо устремился вперед с горящими ненавистью глазами. Держа руку на рукояти меча, он стал приближаться к старику, готовый наброситься на него. Но тут к нему пришла мысль, сдержавшая его первоначальный порыв. Ведь это смехотворно, если он возьмет в плен старого паломника, пришедшего к алтарю, чтобы вознести свои молитвы Каннон. Старик, похоже, догадался о его присутствии и намерениях. Он повернулся к нему, и Удзитомо увидел его улыбающееся и безмятежное лицо, какое было у отца нашего Удзитомо. Старик произнес: «Ты тоже, юный самурай, в этот ранний час прошел к алтарю Каннон помолиться. Понятно, что никакого зла ты ей не желаешь. Ты ведь так молод и кроме молитвы наверняка выполняешь здесь чье-то поручение». Голос старика звучал уверенно, трогательно и мелодично. По-прежнему внимательно следя за возникновением сверхъестественных явлений, держа меч в ножнах готовым к мгновенному применению, Удзитомо рассказал старцу о своем поручении и злоключениях: как его послали прояснить сомнения своего господина по поводу чудища, появившегося из Сасамэгаяцу, о страхе и ужасе жителей города Камакуры. «Достопочтенный сударь, в вашем возрасте и с вашим жизненным опытом, быть может, вы в курсе всего этого и знакомы с данным местом? Не соизволите ли поделиться заслуживающей внимания информацией, достойной того, чтобы передать ее его светлости».

Старик рассмеялся. «Каннон должна скоро явить свои знамения. Прошлое этого храма сразу же приходит на ум в связи с именем Ёсиоки, широко известным в этих местах. Нитта Ёсиоки, в молодости носивший имя Токудзи-мару, приходился вторым сыном знаменитому тайсё Ёсисады. Он родился от наложницы, то есть женщины простого происхождения, и его отца мало заботила судьба семени, упавшего на стороне. Поэтому он все внимание уделял своему младшему сыну по имени Ёсимунэ. Когда мальчик подрос, он оказался достойным сыном своего отца и стал представлять угрозу для канрё Камакуры и его Сицудзи. Когда по указу императора Го-Дайго, наделенного полномочиями сёгуна Тиндзюфу, Минамото Акииэ послали в Канто, моложавый Ёиоки тут же продемонстрировал на практике свои соображения по поводу ситуации в стране и в скором времени собрал 30 тысяч человек, готовых следовать за ним на соединение с Минамото. Акииэ, однако, не стал ждать такой весомой помощи, и после поражения ему пришлось оставить Камакуру. Ёсиоки тем не менее стал правой рукой своего брата Акинобу. В 7 году периода Сёхэй (1352) он присоединился к своему родному брату Ёсимунэ и кузену Ёсихару (Вакия). Этот триумвират молодых Нитта в последующие годы не давал покоя Канто. Следовали битва за битвой против Такаудзи, лично возглавлявшего свое войско,

причем подчас без особого успеха. Однажды три сотни его воинов окружили Ёсиоки с Ёсихару и вроде бы вывели их из игры. Ёсихару, как говорят, побил сотню человек, и парочка, вырвавшись, присоединилась к Ёсимунэ. Тогда Миура с Исидо мобилизовали войско в несколько тысяч воинов. Ёсиоки тут же к ним присоединился. Последовали многочисленные сражения. Такаудзи потерпел поражение и отступил, а Ёсиоки ворвался в Кобукуродзаку, чтобы овладеть Камакурой (1353). Однако недовольство действиями Такаудзи в Канто длилось недолго. Войско Южного двора вскоре рассеялась, и Ёсиоки снова стал предводителем единомышленников и особым источником раздражения со стороны сподвижников Асикага из Канто.

Единственным слабым местом Ёсиоки считалась его молодость. Дворецкий Хатакэяма Нифидо Досэй, не справившийся со своими легионами, теперь решил сыграть на этом качестве своего противника и его известной всем тяге к женщинам. Таким образом, он встал на путь предательства и коварства. Тут нашелся человек по имени Такэдзава Укё-но Сукэ Нагахира, владевший поместьем в Верхнем Мусасино и служивший Ёсиоки на мелкой должности. Этого деятеля было легко подкупить, чтобы он втерся в доверие к Ёсиоки и использовал любую возможность во вред своему покровителю. Такой случай никак не представлялся, так как Ёсиоки собирался покинуть Этиго, чтобы начать передвижения в Коцукэ и Мусаси. К тому же он не доверял маневрам Досэя и старался придерживаться отношений только с проверенными сообщниками. По указанию Такэдзавы Досэй привел из Киото очень красивую девушку и подослал ее к Ёсиоки. Отправляя ее как свою дочь, Такэдзава позаботился о том, чтобы Ёсиоки бросил взгляд на эту девушку. В свои 16 лет эта девушка на выданье (цубонэ) из княжеского дома могла вызвать страсть у кого угодно. Ёсиоки по уши влюбился и жаждал ответного чувства. Поймав его надежно в ловушку, Такэдзава решил закрыть ее крышку во время трапезы с сакэ, на которой важными мероприятиями считались сирабёси (танцующие девушки) и музыкальное сопровождение. Все случилось на тринадцатый день девятого месяца периода Эмбун (5–6 октября 1359 года). Девушка, однако, смогла послать Ёсиоки письмо, в котором сообщила ему о приснившемся недобром предзнаменовании и умоляла его не приходить к ней на свидание. Его слуга Ида Масатада, подозревавший Нагахиру в предательстве, тоже выступил против намечавшегося любовного приключения. Под предлогом недомогания наш влюбленный самурай от свидания отказался. Такэдзава пребывал в бешенстве от досады. Заподозрив девушку в измене, он тут же отрубил ей голову, а тело похоронил в своем саду. Теперь Ёсиоки терзала большая любовь вперемешку с неясными подозрениями. Он снова стал докучать Такэдзаве сетованиями на холодность его дочери.

Такэдзава оказался в весьма стесненных обстоятельствах. Он стал выкручиваться, говорить, будто девушка тяжело заболела и ее отправили в Киото, то есть тянуть время, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию с Досэем и поискать достойный выход из нее. К этому делу подключили Эдо Тотоми-но Ками Такасигэ. Он затаил злобу, возникшую после облавы, организованной Ёсиоки в его поместье, расположенном у входа в лагуну. Он предложил сыграть на честолюбии Ёсиоки. «Пообещайте ему голову Куникиё-доно». Досэя трясло до тех пор, пока ему не объяснили все обстоятельства этого дела. А сделать это было совсем не сложно. Смелая попытка сохранить голову Досэю должна понравиться Сукэдоно. Заранее предупрежденному Хатакэяме ничего страшного по большому счету не грозило. Такэдзава стал морочить всем голову. Ёсиоки пользовался в народе непререкаемым авторитетом. На его зов готовы были откликнуться тысячи человек. Асикага Мотоудзи чувствовал на себе необузданную ненависть народа. Готовый к смелым шагам Ёсиоки мог тайно проживать в Камакуре. Приведя с собой 2–3 тысячи воинов, в этом месте он мог чувствовать себя хозяином положения, а также предводителем великой армии. Головы Мотоудзидоно и его Досэя Сицудзи находились в его распоряжении, и клан Нитта ничего не останавливало от того, чтобы в Киото сместить самого Асикагу. Разве один буси из Канто не стоил сотни воинов запада? Ёсиоки проглотил красивую наживку. На десятый день месяца (2 ноября 1359 года) с двенадцатью своими слугами

он направился в Камакуру. Такэдзава последовал за ним, чтобы окончательно устроить успех засады на переправе Ягути.⁵ Когда судно достигло середины стремнины Рокугогавы, паромщики молча попрыгали в воду и изо всех сил поплыли в сторону берега. Солдаты Эдо, отец и сын, прятавшиеся в бамбуковой роще, поднялись и обрушили тучу стрел густую, как летний дождь. Свою лепту внесли предатель Такэдзава и его сторонники. Ёсиоки закричал в приступе беспомощного гнева: «Вы совершили неслыханный в Японии акт предательства. На протяжении семи рождений Ёсиоки будет преследовать вас как непримиримый враг». Произнося слова проклятия и угроз, он сел на колени, воткнул свой меч себе в левый бок так, что он вышел в правый бок. Повернув это оружие, он распорол себе живот двумя надрезами. Так он покончил с собой. Ида Масатада, дважды ударив кинжалом себе в горло, отделил голову от тела. Сэрата Ума-но Сукэ и Осима Сува-но Ками зарезали себя мечами в горло. Бросившись в воду, они погибли. Юрабё Кураносукэ со своим братом Синдзаэмоном, стоя на планшире судна, убили друг друга. Дои Сабуро Саэмон, Мимасэгути Рукору, Итикава Горо, раздевшись догола, держа в зубах длинные мечи, переплыли на берег и вышли в толпу из трех сотен солдат Эдо. Перед тем как с этими совершенно голыми людьми было покончено, список потерь противника пополнился пятью убитыми и тринадцатью ранеными воинами. Такэдзава и Такасигэ привезли головы князю Мотоудзи, лагерь которого располагался в Ирумагаве. Здесь Такэдзава задержался, чтобы отпраздновать удачу, подаренную ему судьбой».⁶

Эдо Тотоми-но Ками со своим сыном Симоцукэ-но Ками отправились домой, чтобы заняться уничтожением остатков войска Ёсиоки. По приезде к парому Ягути ему сообщили о беде, случившейся с его паромщиками. Когда судно отошло от берега после попойки его команды, налетел порыв ветра, который его перевернул. Все люди, находившиеся на борту, утонули. Такасигэ отказался от намерения переправиться на противоположный берег в этом месте. Все говорило о том, что здесь потрудились недобрые и рассерженные души людей, принявшие смерть от рук изменников. Поднявшись верхом против течения, он пересек водную преграду. С помутившимся от страха рассудком он помчался домой. У подножия гор, когда они туда доскакали, на его отряд опустилась густая черная туча. Такасигэ обернулся на топот копыт за спиной. Рядом скакал Ёсиоки. Его доспехи горели пламенем, из-под эмблемы золотого дракона на шлеме зловеще смотрело его лицо. Верхом на коне в серых яблоках и размахивающий луком огненный всадник приближался к скованному ужасом Эдо с левого бока. Мгновение спустя Такасигэ рухнул на землю. С великим трудом поместив его тело, как будто обратившееся в камень, на ложе паланкина, Такасигэ доставили домой. Через неделю он скончался. Тут у Досэя появилось неопровержимое доказательство того, что Ёсиоки превратился в злого духа. Ему приснилось, что над лагерем в Ируме нависла черная туча. Гремели барабаны. Ёсиоки и десять преданных ему самураев в виде демонов прогнали в сере дину огненную колесницу. Пламя объяло все вокруг. Досэй проснулся от грохота настоящих барабанов. Молния ударила в дома земледельцев деревни, и начался пожар. Потом о появлении призрачного света сообщили из Ягути. Страдания не обошли стороной и Камакуру. Жителей осаждали сверхъестественные явления. В небе полыхал яркий свет. Под беспощадными порывами ветра и потоками дождя рушились дома. Следом за всем этим наступил голод, потом эпидемия. Днем с небес доносились песнопения, стоны и вопли сражения. На кухнях люди слышали голоса мертвых, а все съестные припасы испортились. Князь Мотоудзи совсем помрачнел. От земельного налога освободили тех, у кого пропал урожай.

⁵ Неподалеку вверх по течению от Кавасаки на левом берегу реки в уезде Эгара. Даи Нихонси строго следует тексту Тайхэйки.

⁶ 20 миль к востоку от Токио по дороге на Кавагоэ.

От смертной казни пришлось практически отказаться, так как люди боялись смерти меньше, чем такой жизни. Все смешалось, а молитвы в храмах и монастырях оставались без ответа.

В конце концов все решили обратиться за советом к сёнину (епископу) храма Югё. Сёкудзи Тотакусан в Фудзисаве основали совсем не так давно, и его основателем числился сёнин Донкаи. Тогдашний епископ сёнин Тосю сразу же отнес все эти к проделкам злого духа Ёсиоки и духов его десяти самураев. С помощью положенных в таких случаях заклинаний он угомонил этих призраков. На том месте возвели святилище для Каннон. На переправе Ягути оборудовали алтарь, известный как Нитта Даимёся. С тех пор беспокойные духи больше никого не тревожили. Подозревать их в чем-то не было оснований. Такая история этого места не имела никакого отношения к нынешним зрелищам и звукам. Времена процветания Удзимицу прошли навсегда. В дни князя Мицуканэ народ снова лишился покоя. Таким образом, Каннон Босацу оказался не в своей тарелке и ночью летит за границу. Не ломай голову, так как если отказаться от услуг злых советников, а народ успокоить, тогда все снова наладится».⁷

Старик умолк. Удзитомо смотрел на него со страхом и большим вниманием. Можно ли его считать на самом деле человеком? «Удзитомо должен был его уважительно поблагодарить. В этой жизни встречаются люди, одаренные удивительной силой. Кое-кто из них может даже подняться в воздух без посторонней помощи (Цурики = Иддхи). Милостивый государь, не могли бы вы предсказать судьбу Удзитомо? Он должен предоставить доклад своему господину».

Таковыми словами он испытывал этого престарелого сударя. И получил искренний ответ: «Идза! Все это ничего не скажет вашей светлости. Понятное дело, что ему посоветуют отдать распоряжение о разрушении этого алтаря. Так как он не верит в реальность призрака Каннон, ему покажется, будто он стал прибежищем злых духов Ёсиоки и его рото».⁸ Эту землю посетят большие невзгоды. Для вас самого уготована великая судьба и благородный конец».

Фигура старика перед глазами изумленного Юки Ситиро стала расти в объеме. Добродушный взгляд превратился в злое взор. Потом это видение исчезло как дым, рассеянный мощным порывом ветра, налетевшим в долину с моря. Удзитомо так и стоял с обнаженным мечом в руках и развевающимися под порывом ветра волосами. Айя! Удзитомо снова повернулся к Каннон-до и встал на колени для совершения молитвы – за удачу в войне с участием его повелителя и за получение совета по поводу того, о чем ему следует докладывать. Когда совсем рассвело, он медленно ехал на лошади по долине, потом пересек просыпающийся город, переехал Окурагаяцу по пути к дворцу. Здесь его прибытия ждали с нетерпением. Князь Мицуканэ провел ночь в тревоге, как и Иссики Акихидэ, который очень искренне ждал первых известий о том, что на самом деле случилось в Сасамэгаяцу, и не покидал дворца. Он первым встретил

⁷ Алтарь Нитта Даимёся (находящийся под покровительством государства) существует до сих пор. До него легко добраться на транспорте или пешком, преодолев чуть больше 2 миль по прямой от станции Камата. Алтарь Синто отличается богатой декоративной отделкой. В нее вплетены седло, меч и шлем Ёсиоки, а также другие реликвии. Приверженцы бога войны всегда находятся на виду. Здесь на память предлагают купить сувенирные мечи, алебарды, луки и стрелы. Позади этого алтаря находится курган, в котором покоятся останки Ёсиоки. Его огородили стеной, и посторонних за нее не пускают. Этот курган порос деревьями и густым подлеском, большой редкостью здесь выглядит стройный бамбук. В старину рядом с курганом проходило русло реки Рокугогавы, к настоящему времени сместившееся в сторону на некоторое расстояние. Старое русло можно легко найти на местности. Река в этом месте была очень широкой, и фактическое место засады, а также убийства Ёсиоки с его самураями находится метрах в двухстах выше по течению, и оно помечено двумя огромными соснами. Здесь находилась старинная Ягути ватаси (переправа). Здесь к тому же находится алтарь поменьше в честь погибших слуг. Такую обособленность захоронения Ёсиоки вполне можно оправдать его весьма неблагоприятной репутацией как злого духа. Его не стоит злить своим вторжением без приглашения. Икэгами находится в полутора мильх отсюда по шоссе.

⁸ Словом «рото» обозначаются слуги, преданные своему господину для оказания ему личных услуг, то есть сотрудники ближайшего его окружения. Это слово практически не отличается по значению от кэраи, применяемого вместо рото и часто не к месту. Слово «кенин» предназначено для обозначения слуги более высокого уровня, приравненного к европейскому вассалу. Знаменитому клану категории Уэсуги должны подчиняться влиятельные кланы, состоящие в вассальной зависимости от него. Такое подчинение существует в отношениях кланов, а не конкретных людей.

Удзитомо, когда тот въехал в ворота. С самого начала Удзитомо нуждался в совете, прежде чем представить отчет о поездке своему господину. Осквернение алтаря Каннон пагубно скажется на жизни любого человека, даже отдаленно связанного с такого рода святотатством. Все, что он рассказал Иссики, вызвало у того приступ гнева. Узнав, что призрак предупредил его ничего не говорить, кроме пожелания избавиться от зловерных советников, он тотчас напал на Удзитомо со шквалом обвинений. «В первую очередь самурай обязан служить своему повелителю при всех возможных для него последствиях. На самом деле ты оказался откровенным трусом, и твоя молодость не может служить оправданием малодушию. Ты не доехал до Сасамэ-гаяцу, а пересидел в тепле под футонами (стегаными одеялами) в Сасукэ на ясики Норимото. Теперь ты появляешься с таким вот оправданием своего отказа дать отчет. Дело и так видится предельно ясным. Алтарь Каннон в долине не отвечает своему предназначению, и он больше не сдерживает злых духов Нитта Ёсиоки с его рото. Его следует разрушить. Без собственного дома эти духи, по крайней мере, будут искать себе другое убежище за пределами Камакуры, а нашего повелителя больше никто не будет беспокоить». Удзитомо исполнилось всего лишь 17 лет, однако юноша не стал терпеть такого оскорбления. «Замолчите, Акихидэ. Вы пришли к весьма спорным умозаключениям, так как Ёсиоки с его самураями не имеют ничего общего с этим делом. Что же касается трусости, то всем известно, что никого больше так не одарили этим качеством, как вас самого. Если его светлость только прикажет, Удзитомо готов сразу же вспороть себе живот. Иссики-доно найдет себе прибежище, побрив голову (нюдо = уйдет в монахи); его будут считать никчемным самураем, человеком, достойным только осмеяния». Глаза у Иссики от гнева полезли из орбит. «Неопытный, слабо подготовленный во всех отношениях молокосос заслуживает хорошего нагоняя, и спуску ему давать не следовало бы. Скоро наступит время для испытания мужества. И может так оказаться, что характер твой больше подходит для участия в земледельческой ярмарке, а не для применения холодной стали». Удзитомо вспылал и хотел было вытащить своей меч, но стоящие поодаль слуги скрутили его. По поводу этой стычки послышались возражения. Один пожилой самурай сказал: «С чего такой шум перед самым входом в покои нашего повелителя?» – «Что за дрянь вы проглотили со своей слюной? – поинтересовался другой. – Идите-ка вы со своим неподобающим разладом подальше отсюда. Свежий воздух должен охладить язык Иссики, и юнец больше не станет связываться с немощным человеком». Однако этот добрый совет не пригодился после появления самого князя. «Прекратите спор, – потребовал Мицуканэ. – Вы ведь служите кэраи у своего князя, и вам не к лицу устраивать свару. Удзитомо должен незамедлительно представить свой отчет». Вслед за этим молодой человек изложил господину подробный ход своих приключений, не обошел и тревожное предупреждение призрака о том, что Каннон-до трогать нельзя. Мицуканэ Ко с благожелательным одобрением отпустил своего самурая, а затем проследовал в зал заседаний совета.

Теперь Иссики Акихидэ выступил в роли члена совета, и на его заседании сказание Удзитомо легко удалось опорочить. Каннон-до признали обычным пристанищем призрака Ёсиоки и его шайки злых духов. Принять решение о разрушении алтаря труда не составляло, вопрос же заключался в том, кому поручить такую задачу. Хотя разрушение должно производиться по распоряжению сюзерена, его участник все-таки покрывался позором человека, совершившего святотатство. Разумеется, оправдание этому найти несложно, но кощунство ляжет позором на не причастных к нему людей. На совещание позвали Сицудзи Норисаду. Норисада был потрясен происходящим. Сначала он самым уважительным образом напомнил своему повелителю о характере такого деяния, но Мицуканэ оставался непреклонным и настаивал на своем решении. «То, что наш славный предок Мотоудзи К^о приказал возвести этот алтарь, чтобы сохранить мир на земле, сомнений не вызывает. Однако свою роль алтарь не выполнил. Скорее наоборот. И он бы сам первым приказал разрушить в таком случае свое творение. Поэтому в данном случае к совету Норисады прислушиваться не стоит. На заседании совета было при-

нято решение алтарь разрушить, и выполнение этого задания поручили Сицудзи». Норисада никогда бы не решился перечить своему правителю, даже во благо Каннон. В свое оправдание и чтобы не действовать в одиночку он сослался на свои физические недуги. «Но, – добавил он, – люди, способные выполнить такую задачу на достойном уровне, у меня найдутся. Сатакэ Ацумицу относится к роду Сэйвы Гэндзи, да и числился он потомком Синры Сабуро Ёсимицу. Его усадьба находится в Оте провинции Хитати⁹ по соседству с имением Юки. Еще одного подходящего человека можно найти в клане Маго Горо Мицусигэ, которому подчинялись правители Огури в Хитати. Он представляет восьмое поколение Хитати Дайдзё Куника из дома Кацубара Синно. Этим двум самураям можно поручить исполнение указа вашей светлости. Им незамедлительно следует отослать распоряжение, чтобы они прибыли сюда». – «Да будет так», – решил князь Мицуканэ.

Вызовы на личную аудиенцию к канрё являлись в ту пору событием нечастым, чтобы к ним можно было спокойно относиться. Страна пребывала в мире и покое, поэтому такие приглашения ничего доброго не сулили: гостя вполне могло ожидать поручение не совсем приятного свойства. Ацумицу и Мицусигэ в Хитати жили не только по соседству, но и поддерживали приятельские отношения. По-японски такие отношения называли «дружили тесно как рыба и вода». Два друга распростерлись перед князем, чтобы почтительно с нарастающим в душе ужасом выслушать поручаемое им задание. Отвечать в один голос выглядело бы проявлением неуважения к господину, поэтому они заговорили по очереди, напирая на существующие предубеждения по поводу знаменитого привидения, непоколебимую веру в надежность существующего алтаря и святотатство дела, поручаемого им. Мицуканэ Ко очень сильно разозлился. «Прикусите свои языки! Вас позвали совсем не для препирательства, а для выполнения задания князя, который снизошел до того, чтобы поручить его вам. Совсем не к месту вы проявляете свое малодушие. В качестве исполнителей такого важного задания вас рекомендовал Сицудзи Норисада, но он может подыскать других кандидатов до того, как ваше вероломное поведение скажется на ваших компаньонах». ¹⁰ Затем последовал жест, мол, ступайте прочь. Два самурая в ужасе пали перед правителем ниц. «Нам остается только молить нашего господина о снисхождении. Мы никоим образом не против вашего поручения, всего лишь сочли полезным выразить широко распространенное глупое мнение. Что же касается службы, то мы остаемся преданными вассалами нашего правителя и готовы подчиниться любому его распоряжению». Мицуканэ, уже предупрежденный о нежелании Норисады подчиниться ему, обрадовался отсутствию возражений со стороны остальных вассалов. Получив задание и заручившись благосклонностью своего правителя, два самурая покинули дворец.

⁹ Находится совсем рядом со станцией Ивасэ на железной дороге Мито – Ояма. Располагается у подножия гор гряды, соединяющей Цукубасан и горы Хитати.

¹⁰ Прямота местоимений в иностранном языке очень часто может передавать грубость или резкость японской речи, даже когда почтительное обращение служит искажению намерения говорящего. В кодане тем не менее делается попытка полной передачи смысла.

Разрушение алтаря Каннон-до

На пути к месту назначения Сатакэ сказал: «Следовало бы как-то сохранить внешний вид Каннон. Если алтарь сровнять с землей, нашим домам грозит катастрофа». – «Ты прав, – ответил Огури, – в этом деле, чтобы облегчить тяжесть нашего проступка, надо учесть все мелочи. Лучше всего было бы перенести алтарь в ясики на территории Инамурагасаки. Этот город располагается ближе, чем Сатакэ-доно в Косигоэ. Второй вариант выглядит проще». Возражений со стороны Сатакэ не последовало. Позвали рабочих, и два наших самурая в сопровождении своих многочисленных рото отправились в Сасамэгаяцу. До алтаря добрались быстро, изображение Каннон демонтировали. После этого сразу разобрали и сломали каменный монумент Нитта, то есть повелителю и одиннадцати его самураям, однако фундамент уходил глубоко. В конечном счете его тоже извлекли из земли. Под ним обнаружили плиту с выгравированными на ней шестнадцатью иероглифами. Сатакэ прочел:

將	維
常	法
絕	四
陸	室
佛	十
二	寓
緣	年
兒	居

Эта обитель дамы суверена;
Стоит уже сорок лет.
Два сына Хитати

Завершили свою жизнь, как завещал Будда.

«Огури-доно, прошло всего лишь сорок лет с тех пор, как Югё Сёнин успокоил призраки Ёсиоки и его верных слуг. Как точно он предвидел нашу задачу, ведь он еще тогда назвал нас «мужами Хитати». Исполнение деяния должно было состояться именно при нашей нынешней жизни». Огури ответил: «С истиной не поспоришь! На свою беду, мы освободили злых духов Ёсиоки и его рото. Своему правителю надо подчиняться, а Буцудо придется разрушить. Да предохранят его будды и ками от всех невзгод, а также даруют ему благо и успех в войне». Сложив ладони вместе, оба обратились лицом к храму, чтобы помолиться.

После этого рабочим приказали заняться порученным им делом. С большим трудом удалось освободить от земли края громадной массы и поднять камень на поверхность почвы. Под ним обнаружилась глубокая нора. Как только Огури с Сатакэ приготовились прыгнуть вниз, из норы донесся мощный грохот. Затем повалил густой дым, обволакивающий и удушающий все живое вокруг. Небеса почернели, и одиннадцать привидений вылетели, чтобы исполнить свою миссию зла. Дым вскоре развеялся. Полуживые от изумления господ Огури и Сатакэ со своими слугами поднялись с земли. Оставалось только предать этот храм огню. На его месте бушевало пламя, и только камни фундамента остались напоминанием об этом сооружении. Но даже эти камни вывернули из земли и разбросали по долине, расположенной под террасой. Когда все закончилось, они прихватили с собой каменную пластину с выгравированными на

ней иероглифами и отправились в путь, чтобы доложить о проделанной работе своему правителю. Князь горячо поблагодарил их за труд и отметил своей благосклонностью. В дальнейшем дома Сатакэ и Огури ждало большое благополучие и процветание. В соответствии с положенной церемонией князя Огури и Сатакэ позже передали статую Каннон в распоряжение древнего монастыря Сугимото, где уже находилась статуя богини Окуры Каннон.

Глава 2

Любование цветами в поместье Сатакэ

Огури Мицусигэ уже исполнилось 40 лет, а детьми он до сих пор не обзавелся. Нельзя сказать, чтобы этот почтенный даймё так уж был перегружен делами или его совсем не волновало продолжение рода. Словом, бездетность его не устраивала, и ради исправления сложившегося положения он прилагал физические и умственные усилия. К обсуждению проблемы бездетности Огури Мицусигэ привлекли всех старух и сплетников, проживавших в доступных пределах. Им предлагали карманные деньги и пропитание. Испробовав все разумные меры, правитель ударился в богомолье. С особым рвением он обращался за благосклонностью к милосердной деве Каннон. В сопровождении слуг и в одиночку Мицусигэ посетил все местные алтари от Хасэ Каннон на западе до Нагэ Каннон на востоке. На его проявлениях веры и молитвах неплохо заработали содержатели Каннон-до в Сасамэгаяцу и рукоположенного алтаря Сугимотодзи. Усилия его по достоинству оценили на небесах, и на третий год периода Оэй (1396) боги даровали ему сына. Этому чудесному ребенку, настоящему сокровищу, с его самых юных лет до нашего XX века приписывали все дарования ума и тела, какие только представляются в самом смелом полете фантазии. Его можно назвать весьма эрудированным человеком без малейших признаков невежества; природа одарила его редкой памятью. Однажды прочитанный свиток навсегда сохранялся у него в голове, по дважды прочитанному свитку он мог сам произнести проповедь, прочитав свиток три раза, он мог написать труд, превосходящий по глубине понимания темы исходный текст. Кодзиро Сукэсигэ к тому же тщательно обучили всем тонкостям службы в звании буси (воина). На самом деле все было учтено для того, чтобы сделать из молодого человека мужа, ценного для себя и других на войне и в совете достойных деятелей.

В 16 году периода Оэй (1409) все жители города Камакуры высыпали на улицы. Мужчины и женщины столпились перед своими домами. Дети держались ближе к своим родителям. По улице к монастырю продвигалось шествие из священников и самураев, а народ уступал ему дорогу или склонялся в поклоне. Все остальные звуки, если они только издавались, заглушали грохот барабанов, звон колоколов, бречание судзу (колокольчиков), а также пение псалмов прислужниками. Правитель Камакуры Мицуканэ Ко вконец расхворался. Сицудзи Норисада собрал лекарей и просвещенных жрецов, однако все их усилия наталкивались на сопротивление какой-то пагубной силы. Вот грохот барабанов и пение прислужников превратились в мощный рев. В этом случае, однако, все происходящее служило тому, чтобы умиловить дух безвременно почившего князя. Ему теперь присвоили имя Сёко-ин-Дэн. С глаз долой – из сердца вон. Мужчины обратили взоры на юного преемника Тэндай-мару, который теперь становился канрё в доме своего отца с присвоением имени и звания Сахё-но Ками Мотиудзи К^о.

Перед Норисадой тут же встала задача – обеспечивать домашнее хозяйство молодого князя во дворце Окуры. Первым делом он вызвал к себе Маго Горо Мицусигэ. «Ваш сын Кодзиро достиг возраста, достойного для того, чтобы поступить на службу во дворец в качестве пажа. Мотиудзи Асона следует окружить самыми достойными людьми, чтобы он мог толково править в качестве сёгуна. Имя Кодзиро встречается за границей у юношей, одаренных умом и телом, отличающихся серьезными привычками и благопристойным нравом. В связи с этим было принято решение разослать приглашение во дворец на церемонию его вступления в должность. Надо безотлагательно отправляться в путь». Мицусигэ не мог подобрать достойных слов, чтобы выразить свою признательность. Даже его жена по имени Хакусэ обрадовалась бы, если бы их сын ради такой выгодной карьеры покинул отчий дом. «Да продлится вечно правление нашего сюзерена, пользующегося почетом и внушающего страх. Строго говоря, никого особенно не трогает то, что некто настолько незначительный, как ваш Мицусигэ, должен пользо-

ваться благосклонностью его правителя в первую очередь и Небес во вторую. Счастливым случаем выпадает даже весьма недалеким людям». Мицусигэ не находил достойных слов, чтобы выразить свою благодарность судьбе. Тотчас же он прошептал дальше в своем длинном придворном платье, в котором его забрали домой в Инамурагасаки, чтобы он мог сообщить благою весть жене и сыну.

Наконец-то назначили тот счастливый день, и после этого Кодзиросу Сукэсигэ ступил на долгий путь борьбы со своим правителем. Они были одного возраста, но Сукэсигэ обладал самыми приятными качествами, и он с самого начала пользовался большими преимуществами. Если Мотиудзи нуждался в товарище во время посещения дворца, выезда на охоту, любования ландшафтом, занятиями спортом в виде футбола или военных упражнений, первым делом вызывали Сукэсигэ, пользовавшегося гораздо большей симпатией, чем князь, в силу своего безупречного воспитания, ради которого его и вызывали к правителю. Таким вот образом на дворцовой службе проходили дни и месяцы. Князья отличаются излишней капризностью, и из-за нее они зорко следят за тем, чтобы не пропустить мелкие радости жизни. Очень скоро Мотиудзи заметил в поведении своего слуги смятение и уныние. На самом деле Сукэсигэ иногда позволял себе вольность выглядеть заплаканным, хотя в присутствии своего сюзерена он обязан был излучать счастье от самого факта того, что тот терпит его, простого смертного. Прогуливаясь однажды по парку, Мотиудзи почувствовал натянутость в общении со своим спутником. «Кория! Сукэсигэ, трава этого газона выглядит веселее зелени тоски, отраженной на твоём лице. Ты не захворал? У тебя явно душа не на месте». Сукэсигэ ответил так: «Ничего подобного, мой повелитель, Сукэсигэ вполне здоров. Просто совсем недавно стало известно о том, что моя мать безнадежно больна. Сукэсигэ не может избавиться от мысли о недуге матери, каким бы глупым и неучтивым это ни выглядело со стороны. Прошу вашего снисхождения, почтенный владыка, примите мои извинения, я заслужил порицание». Мотиудзи посочувствовал своему собеседнику: «Ах! Ах! Большое значение мною придается тому, чтобы окружать себя людьми с благожелательным выражением лица. Мне понятно твоё огорчение, ведь перед твоим взором постоянно стоит образ больной и слабой матери, пластом лежащей в постели. Немедленно ступай домой и окружи мать заботой, чтобы облегчить терзания свои и мои тоже». Таким образом, освобожденному от службы Сукэсигэ оставалось разве что проливать слезы благодарности по поводу своей безоговорочной отставки. Глубина признательности Сукэсигэ своему господину за его благосклонность к нему достигла невиданного предела. Распоряжение господина выполняется безотлагательно, и Сукэсигэ с покорностью и преклонением попросил разрешения на отпуск до полного восстановления душевного покоя, чтобы снова быть в состоянии предстать перед взором правителя. Он почтительно склонился перед сюзереном. Мотиудзи К° тут же повернулся к нему спиной и забыл о своем вассале. Сукэсигэ, отчасти опечаленный, отчасти довольный, отправился в ясики Инамурагасаки, чтобы сообщить о милости своего господина, скрывая о своей скоротечно случившейся опале.

Своего сына Хацусэ встретила с искренней радостью. Но помочь ей Сукэсигэ уже ничем не мог. Радость редко убивает, но и исцеляет она не часто. Дышать его матери, женщине небольшого роста, становилось все труднее. В конечном счете, с лицом цвета холодной зимы, она совсем перестала дышать и навсегда покинула земную жизнь. На вершине холма Фудзисава Югёдзи ей подыскали место для могилы, украсили место захоронения цветами и палочками с благовониями. Здесь ее любящий ребенок оборудовал для нее последнее пристанище. На самом деле горе Сукэсигэ достигло такого предела, что Мицусигэ даже почувствовал тревогу и решил его вызвать, чтобы как-то отвлечь от скорбных мыслей. На месте сына и самурая, чтобы позаботиться о своей жизни и об имени, на храмовую службу ему явно следовало бы привлечь нового священника. В этой связи он постоянно держал сына при себе, брал его на короткие прогулки по окрестностям, и, какую бы трудную задачу ни приходилось решать в Хитати Огури, туда всегда отправлялся Сукэсигэ. Так рука об руку росли отец и сын, старый

и малый, воспитывавшие одну привычку, а младший по ходу дела становился старше своих лет. При этом Мицусигэ постоянно заботился о самой светлой стороне дела, старался развеять мрачное настроение сына. Он ослаблял подступающее напряжение с помощью развлечений. Сама ясики Огури находилась в Инамурагасаки, то есть у важного входа в Камакуру рядом с Гокуракудзи киридоси (храма мощеной дороги в рай). Дальше размещались остальные ясики – усадьбы родов Юки, Уцуномия, Насуно, знати Канто, которые отвечали за оборону города в своем квартале так же, как клан Уэсуги охранял Яmanoути и Огигаяцу.

Подальше, то есть рядом с Касигэ Мампукудзи, находилась ясики Сатакэ Ацумицу. Раньше здесь находилось знаменитое мощное дерево камелиевой вишни (ботан-сакура), в середине апреля покрывавшееся роскошным цветным нарядом. К тому же здесь находилась еще одна достопримечательность и редчайшая асаги-сакура (отличавшаяся цветением в кремовых тонах).¹¹ Мицусигэ решил съездить, чтобы навестить Сатакэ. Лошадей подали, и на двадцать второй день третьего месяца 18 года периода Оэй (1 апреля 1411 года) отец и сын отправились в путешествие вдоль побережья Ситиригахана. Их встречали со всей теплотой, присущей родственным отношениям между семьями Мицусигэ и Ацумицу. Подали угощение в виде рыбных блюд и сакэ (рисового самогона), а дочка Ацумицу по имени Тэрутэ сама наливала самогон в чашки дорогих гостей. Позже, в 7 году Оэй (1400), точно такое же уважение оказали дети Мицусигэ представителям Ацумицу. В этом случае была девочка, причем прекрасная, как настоящий бриллиант. По ее длинным черным волосам, утонченному овалу лица, благородному изгибу бровей и высокому лбу можно было судить о потенциале большого ума и красоте, который представители будущих поколений будут сравнивать с красотой и умом знаменитых Сотохори-но Ирацумэ. В древнем фолианте находим такую вот репликацию: «Внешне Отохимэ отличали непревзойденная и бесподобная красота. Под ее одеждами угадывались такое совершенство тела, что мужчины того времени присвоили ей звание Сотохори Ирацумэ». ¹² Но в то время Тэрутэ была еще девочкой, послушной, ловкой, всеми силами старавшейся доставить гостям ее дома радость и обеспечить уют. Беседа вошла в русло обсуждения войны и искусства стрельбы из лука. Тут зять Ацумицу из рода Ёкояма Таро Ясухидэ позволил себе пространное рассуждение относительно своих достоинств. Раньше Ёкояма Таро владел поместьем в районе Тосима округа Мусаси, но это было во времена канрё Удзимицу Ко. Его лишили этого поместья за неблаговидное поведение, и у него не хватило мужества на ритуал харакири. Поэтому ему пришлось попросить пристанища у Ацумицу, который переносил его хвастовство со смиренной терпимостью, а также ради жены снабжал всем необходимым для жизни. Вдобавок к своему проступку Таро к тому же пользовался самой дурной репутацией. По сохранившемуся описанию он представляется человеком «высокомерным, корыстолюбивым, недалеким, скудоумным и большим прохвостом, не вызывающим ни малейшего сочувствия или симпатии». Своих недостатков он не замечал. Как это было принято в Японии в его времена, Ёкояма в полном объеме сохранял отношения со своими бывшими слугами-грабителями и ворами, то есть с подонками общества в самом низменном виде этого сословия. Притом что ему стукнуло уже 30 лет от роду, он положил глаз на свою юную племянницу, одаренную природной красотой, с одной стороны, и весьма завидным приданым – с другой. Приезд Огури в гости особого удовольствия ему не доставил, но он все-таки очень старался не выказывать своей неприязни. В разгар беседы по поводу войны и использования лука на край садового пруда (икэ) села прилетевшая неизвестно откуда цапля, и эта птица выловила из воды жирного карпа, которого тут же отправила в свою прожорливую глотку. Ацумицу возмущенно наблюдал за действиями пернатого грабителя. Он сказал: «Кто отомстит за меня этому наглому вору?»

¹¹ Несколько образцов этого красивого дерева обнаружены в храме Ёсендзи района Тая-то Ана неподалеку от Офуны. Они цветут в середине апреля.

¹² Нихонги. I. 31, 8; Кодзика. С. 293.

Таро тут же вскочил с места. Его отличала постоянная готовность вмешиваться в любое дело при малейшей на то возможности. В данном случае он опять проявил свое дурное воспитание. Наконец-то появился интересный объект, с помощью которого можно привлечь внимание к собственной натуре. Такому плуту, как Таро, все это дело большого труда не составляло. Он сходил к стеллажу, чтобы выбрать лук со стрелой. Подойдя к рока (веранде), он принял боевую позу и тщательно прицелился в птицу, стоящую под знаменитым цветущим деревом.

Стрельба из лука Сукэсигэ

Таро приготовился к знаменитому выстрелу, как у Тамэтомо из Осимы. Послышался звук спущенной тетивы лука, а за ним веселый возглас удовлетворения Ацумицу. Выпущенная Таро стрела срезала ветки дерева, а не задетая ею цапля взлетела в кружеве лепестков облетевших соцветий. Ацумицу дал волю своему веселью при виде полнейшего провала стрелка. «Ха, обратите внимание! Даже птица издевается над негодным стрелком из лука. Она возвращается на прежнее место рыбной ловли». Однако, когда Ёкояма Таро с нахмуренными бровями, злобным взглядом и горящими от стыда щеками достал вторую стрелу, он услышал: «Э нет, ты свой шанс упустил! Не велика доблесть в том, чтобы поразить цель со второй попытки. Надо было использовать первую. Ты никудышный стрелок в любом случае и не заслуживаешь снисхождения как меткий лучник, который слишком любит пить вино. Пусть лук возьмет Кодзиро. Его репутация известна широко». Сукэсигэ оставалось только подать просительный жест, но Ацумицу уже обратился к Мицусигэ и продолжил свою речь: «Самурай Камакура знает вашего сына как самого сильного и меткого стрелка из лука в Канто на протяжении последних лет. Давайте дадим ему возможность подтвердить заслуженное звание. Соизвольте дать распоряжение по поводу вызова со стороны Ацумицу». Приглашение к состязанию в стрельбе только польстило самолюбию Мицусигэ. Он видел, что Таро очень разозлился, и ему не хотелось, чтобы у Сукэсигэ появился даже такой незначительный враг. Тем не менее распоряжение Ацумицу прозвучало однозначно, и отказаться он не мог. «Чтобы подстрелить птицу после угощения, требовалось нечто большее, чем просто сноровка. И все равно, пусть Кодзиро постарается. По меньшей мере, удача может ему улыбнуться, и он отомстит за Ацумицу-доно».

Итак, Сукэсигэ поднялся и подошел к разозленному на весь свет Таро. «Почтительно благодарю Ясухидэ-доно за предоставленную мне возможность выполнить распоряжение Сатакэ-доно. Надеюсь на соизволение Сукэсигэ предоставить мне этот лук; однако можно ведь предположить то, что эта птица заслуживает жить дальше, так как судьба отказала вашей светлости в своей милости». Хмурый Ёкояма передал ему охотничье снаряжение и в мрачном расположении духа отправился к своей подушке. Сукэсигэ приблизился к рока. Цапля находилась на прежнем месте, откуда высматривала в рассекающей воду стае зазевавшуюся рыбу. Оставался последний шанс. Стрела со свистом перебила вытянутую шею птицы. Голова цапли с ненасытным клювом упала в воду, а тело с инстинктивно хлопающими крыльями пролетело еще несколько метров, потом ударилось о землю. Сукэсигэ неторопливо вернулся, поставил лук на место и уселся на свою подушку.

Тэрутэ на некоторое время подняла опущенное лицо. Мицусигэ опустил глаза, изо всех сил стараясь придумать способ отвлечь внимание Ацумицу на какой-нибудь другой предмет. Таро буквально задыхался от злобы; а Кодзиро выглядел так, будто вернулся с ежедневной тренировки в стрельбе из лука по собакам. Молчание прервал Ацумицу такими словами: «Рассчитывать на то, что Таро попадет в цель с такого большого расстояния и неудобной позиции, просто не приходило на ум. Да и надеяться на возможность того, что Кодзиро попадет в птицу, было сложно. На самом деле, Мицусигэ-доно, сноровку вашего сына в стрельбе из лука перехвалить невозможно. Птицу, практически невидимую за кроной цветущей сакуры, он сбил с расстояния 20 дзё (60 метров). Кодзиро, такая твердость глаза и сила руки в твоём возрасте просто пугает. Кем же ты станешь, когда вырастешь в полноценного самурая? Вторым Тинзэи Мамэтомо! Жители Камакуры должны знать о сегодняшнем подвиге. Ацумицу обязан сообщить о нем за пределами нашей земли. Сукэсигэ ждет великое будущее, и о нем надо сообщить в мире как можно шире». Мицусигэ теперь думал только о том, как утолить пылающий гнев Ёкоямы. «Судьба проявила благосклонность к Кодзиро, но огорчила Таро-доно. После употребления сакэ на самом деле вполне можно опростоволоситься в делах помельче, чем это, – сказал Сукэсигэ. – Если бы цветение сакуры не мешало Таро-доно, его стрела совершенно определенно поразила бы птицу. Я предпринял робкую попытку, и мне сопутствовала случайная удача».

Таро подхватил его мысль и стал надменно ее развивать так: «Айя! Всем прекрасно известно, что успех в таких делах подобен стреле в темноте ночи, попадающей в цель. Или можно вспомнить собаку, сподобившуюся поймать блоху». Сукэсигэ вошел было в большой раж, но выражение отцовского лица заставило его усмирить взволнованную кровь. И он промолчал. Ацумицу собрался возразить Таро, но тот продолжил свою речь: «Однако в конечном-то счете лук заслуживает большего, чем обычное его применение. Лучше всего это оружие знает Кодзиро-доно, и пусть он расскажет нам историю его происхождения. Гостей приглашают не просто для одного только удовольствия и наблюдения за игрой судьбы... Что?! Вы ничего не знаете о луке, кроме того, что надо натягивать его тетиву? Вы такой же молчаливый человек, как и ваш учитель, ясное дело. А ведь молчание считается признаком невежества. Зато Таро может вас всех просветить, так как обо всем этом идет речь на первых занятиях добросовестно обученного самурая. Подробное знание своего оружия представляется лучшим доказательством искусства владения им. Тогда знайте, что лук впервые применил Сёко из Морокоси (из Китая), живший во времена династии Поздняя Хань. Из этой страны его привез в божественную страну Японию ямато Такэру-но Микото, и он же применил лук во время покорения варваров, тогда как раз владеющих этой землей, на которой мы живем. Тогда лук состоял из тринадцати частей, известных как дзюсан-но буттай, или тринадцать священных предметов. Теперь вы обладаете полной информацией и поэтому можете обогатить знания о своем оружии в виде случайного дара».

Выслушав всю эту чушь, Сукэсигэ не смог больше сдерживать себя. Он забыл о присутствии своего отца, забыл о готовом вмешаться в разговор Ацумицу, забыл даже о Тэрутэ. Ацумицу почувствовал приближение взбучки для Таро и решил попридержать свой язык. Мрачный Сукэсигэ повернулся лицом к Ёкояме. «Мое смиренное восхищение ученостью Таро-доно безмерно. Прошу принять мои почтительные слова благодарности. А в каких книгах можно почерпнуть знания обо всех этих предметах?» – «В книгах ничего такого не найдешь. Все такого рода знания приходит с возрастом и опытом жизни, узнаются от толковых учителей. Но, по всей видимости, ничем из перечисленного мною ты не обладаешь». Таким грубым и самодовольным прозвучал ответ Таро. Спокойным голосом откликнулся Сукэсигэ: «Таро-доно накопил огромный объем знаний, только вот распоряжается он им без особого толка. Он нам сказал, что лук изобрели во времена Фукудзи из Морокоси, жившего при династии Ранняя Хань. Этот факт упоминается в «Таихаку Инкю» и «Хогисики». В те древние времена его еще не снабжали тетивой, а стрелу использовали для того, чтобы гнуть дерево. Со временем по мере совершенствования лука его оснастили новыми предметами: гибким деревянным основанием, рогом, жилой, клеем, кордом и покрыли лаком. В труде под названием «Синрэй» автор приводит три стандартных размера лука по длине. Самая предпочтительная длина должна составлять 6 сяку и 6 суней (2 метра); средняя длина – 6 сяку и 3 суня (1,9 метра) и малая длина – 6 сяку (1,8 метра) по предельно низкому стандарту. Что же касается нашей страны, лук впервые упоминается в «Нихонги Дзиндай» в связи с Аматаэрасу Охо-но Ками (великая священная богиня, сияющая либо владычествующая на небе), которая ведет нескончаемый спор со своим братом Сусаноо-но-Микото, вооруженным луком и стрелами. Ямато-такэру-но-Микото совсем не первым применил лук. О тринадцати деталях современного лука, использующегося с древнейших времен, здесь никакой речи не идет. Толщина использовавшегося бамбука была неоднородной, поэтому достойное оружие из этого материала получалось не всегда. С точки зрения применения лука в «Рэки Сёдзи» сказано, что именно тот, кто прицеливается, должен сделать все, чтобы стрела пошла точно в цель. Каждый самурай должен твердо помнить о необходимости принять стойку, подавшись вперед и держать туловище как можно прямым».

На лице Ацумицу отражалось полнейшее удовлетворение. Маго Горо мрачно опустил глаза. Таро подскочил от злости. «Хацу! – холодно произнес Ацумицу. – Упрек, который вы приняли на свой счет, показал не только полное невежество в применении лука, но и незна-

ние истории этого вида оружия, известной любому самураю, который воспользовался случаем, чтобы показать не столько сноровку во владении, но и любовь к этому произведению прикладного искусства. Вы проявили свою невоспитанность и поэтому подверглись посрамлению». – «Но все это в равной степени касается Кодзиросы, – вставил Мицусигэ, с открытым неодобрением повернувшись к своему сыну. – Ты еще слишком молод, чтобы поправлять человека гораздо старше себя». – «Позволю себе заметить, что предмет нашего разговора касается всех присутствующих, – вклинился в разговор Ацумицу. – Существуют прочие средства развлечения. Теперь пусть Тэрутэ возьмет в руки кото, и пусть музыка в ее исполнении обратит наши мысли на более спокойные темы». После таких слов Тэрутэ покинула комнату и через некоторое время вернулась со слугой, несущим ее любимый инструмент. Редко ребенок, коснувшись струн, извлекал из своего инструмента звуки музыки, способные унести слушателей к вершинам блаженства. На самом деле эта изумительная красота и мастерство прикосновения к струнам кото в традиции или прекрасная живописная манера монахини Тёсё-Ин так и не перешла в наследство последующим поколениям. Присутствующие мужчины следили за ее игрой и слушали музыку с сосредоточенным вниманием – через ее одежду как будто бы пробивалось сияние ее личности. Затем Ацумицу подал слугам знак покинуть помещение.

Повернувшись к Маго Горо, Мицусигэ серьезно заговорил с главой дома Сатакэ. «Огуридоно, у меня появилась к вам просьба. Между Сатакэ-доно и Мицусигэ сложились теснейшие отношения. Соизвольте же отдать соответствующее распоряжение. В рамках своих полномочий Мицусигэ помогает исполнению обещания». Ацумицу радостно рассмеялся. «В таком случае нужная благосклонность гарантирована. Молодым человеком Ацумицу больше не назовешь. Этого ребенка следует без лишней опеки или родственников назначить попечителем ее интересов. Повелеваю принять ее как жену вашего сына Кодзиросы-доно. Тэрутэ все еще остается ребенком, но дело уже следует уладить, а также заключить договор. Тем самым мы освободим ее родителей от главной заботы». Ответ Мицусигэ звучал так: «Требование, выдвигаемое со стороны Сатакэ-доно, правильное было бы услышать от Мицусигэ. Ведь всегда было так. Честь, доставшаяся дому Огури, заслуживает поздравления и самой искренней благодарности. Мы ждем вашего распоряжения по поводу незамедлительного заключения договора». – «Но как к этому относится Кодзиросы-доно?» – спросил Ацумицу, поворачиваясь к юноше. Ответ дал Мицусигэ: «Что бы ему ни думалось, никакого значения не имеет. Он должен послушаться отца, хотя по его лицу и так можно прочесть согласие, понятное в свете перспективы обладания таким сокровищем».

В ответ на это Ацумицу произнес: «Тэрутэ слышала, о чем здесь шла речь. Что она думает?» – «Хай!» – ответила Тэрутэ. «И что ты ответишь?» – спросил Ацумицу. «Хай! – повторила она. – Это твой ответ, Тэрутэ? Всем известно, что у тебя прекрасный слух». – «Высочайшее соизволение услышано и принято к исполнению», – произнесла девушка, низко кланяясь своему повелителю отцу. Ацумицу и Маго Горо одобрительно посмотрели друг на друга и обменялись приветствиями. Противоречия удалось урегулировать, и воцарилось согласие. В свидетели заключенного договора пригласили недовольного Ёкояму Таро и веселую жену Ацумицу по имени О-Симо. Для обмена подарками и обручения молодых назначили первый удачный день. Потом Огури всех отпустил. На всем протяжении пути верхом до берега Маго Горо Мицусигэ хранил молчание. У моста Юки-ай он на минуту остановился. «Этот упрямый и своенравный человек, я имею в виду Нитирэна, избежал возмездия только по воле Небес». Вот и все, что он сказал, причем больше в пустоту, чем для Сукэсигэ. Ночью он пришел в комнату своего сына. «Кодзиросы, самураю требуется больше выдержки, чем ее было продемонстрировано сегодня. То, что Таро-доно проявил неучтивость, не служит поводом для Сукэсигэ в точности повторять его пример. Вы еще слишком молоды, чтобы выступать в роли учителей перед людьми старше вас. Упомянув цветы, неловкость Таро удалось предать забвению без последствий. Спор по поводу лука вообще случился совсем не к месту. Ты что, собирался читать

нотацию Сатакэ-доно и своему отцу?» Сукэсигэ низко поклонился: «С трепетом и почтением принимаю к сведению ваш справедливый выговор». На это Мицусигэ сказал так: «Самураю грозят многочисленные опасности, а резь в животе служит сдерживающим фактом при любых обстоятельствах. Постарайся, чтобы ненужная ненависть не усугубляла гнетущие смятения. Запомни события нынешнего дня, так как они представляются весьма поучительными. На будущее твоя жизнь определилась, и к тому же возникла прочная связь с домом Сатакэ. Всегда помни о своем долге перед Сатакэ-доно, избравшим нашего Сукэсигэ в мужа Тэрутэ. А теперь подумаем об обручальных подарках». Их следовало выбирать после длительных консультаций с каро (главным самураем). В назначенный день в поместье Сатаке должным образом принесли множество рулонов ценного шелка, лаковой утвари для пиров, украшений и ритуальных предметов. В ответ в поместье Инамурагасаки принесли ситатарэ (накидку) из дамаста, на синем фоне которой вышиты пенистые волны и ржанка (тацунами и тидори), роскошный меч и комплект доспехов, прошитых светло-зеленой ниткой, а также привели прекрасного скакуна под седлом с золотым галуном. Сукэсигэ и Тэрутэ обручили, и они официально стали числиться мужем и женой.

Глава 3

Мечь Каннон

Желание отомстить возникало у Ёкоямы сразу по двум причинам. Он ненавидел Сатакэ Ацумицу со всей густо замешенной неприязнью, характерной для безнадежных нахлебников по отношению к благодетелю, а заключение союза с Огури перевернуло его самые заветные планы. При всем этом в поиске средств изображения своего недовольства он проявлял редкую предприимчивость. За помощью в этом деле он мог бы обратиться к Иссики Сикибу Акихидэ. Между Иссики, а также родами Сатакэ и Огури существовала устойчивая неприязнь. Последние считались верными сторонниками дома Уэсуги, влияние которого в представлении юного сёгуна Иссики пытались подорвать. За что бы Ёкояма Таро ни брался, он совершенно определенно рассчитывал на поддержку Акихидэ. Встречи с этим человеком у него случались часто и втайне; осуществить это особого труда не составляло. У рото повод искать ссоры отсутствовал; как считал каро, гарантией этого служило сокращенное до минимума общение. Огури и Сатакэ пользовались таким признанным авторитетом в провинции Хитати, такой мощной поддержкой друг друга, что с помощью влиятельного клана Юки и вместе с Уэсуги (Норизанэ) в Ояме они могли пренебрегать политикой Камакуры. Таким образом, Ёкояме оставалось дожидаться своего шанса, и он надеялся, что ему не потребуется скрывать свою ненависть на протяжении многих месяцев.

Закончилась весна, и наступило лето. Из памяти выветрился тот эпизод всеобщего любования цветением вишни. Это касалось и самого Ёкоямы Таро, выступившего в роли более сдержанного, совсем не тщеславного и весьма доброжелательного человека, чего никто не мог ожидать от этого ехидного, грубоватого в общении японца. Даже с Огури, который частенько навещал Косигоэ, он вел себя как с товарищем по альянсу, связанному родством. Для Ацумицу он вообще стал первым помощником в делах. В те далекие дни все часто посещали алтарь Бэнтэн в Эносиме. Тэрутэ была еще совсем юной, поэтому упорно отказывалась заходить в пещеру с этим алтарем вместе с Сукэсигэ, так как тогда существовало поверье о том, что отношения между мужем и женой разладятся, если они вместе предстанут перед изваянием этого капризного божества. Однако то, чего больше всего опасался и тщательно избегаешь, иногда происходит как раз по той самой непредсказуемой случайности.

Однажды в середине седьмого месяца (августа) девочка прогуливалась вдоль Ситиригахамы (берега) и набрела на рыбацкую лодку, вытянутую на песок. Внутри лодки находились тщательно свернутые сети, и все было готово к тому, чтобы спустить судно на воду, когда придет время прилива и начала ловли. Какое-то время Тэрутэ забавлялась игрой вокруг оставленной без присмотра лодки. Потом стало припекать солнце, и девочка залезла в лодку, легла на мягкие сети. Волосы служили подушкой, и в скором времени она не заметила, как заснула. То ли по недосмотру, то ли по забывчивости, но лодку никто как следует не привязал, а сам рыбак не удосужился проверить свое судно. В положенное время начался прилив, волны легонько подняли лодку с песка и понесли ее на просторы великого океана. Крепчавший ветер и мощные течения, омывавшие берег Эносимы, мгновенно унесли ее в открытое море. Тэрутэ сладко спала до тех пор, пока мощный раскат грома не разбудил ее. Тут она с ужасом обнаружила, что находится на углу суденышке, под потемневшим небом в беспокойном море, покрытом пеной от внезапно налетевшего шквала. Охваченная детским ужасом, она свернулась клубочком на дне лодки и попыталась спастись от струй ливня под соломенным дождевиком рыбака, забытым на дне лодки. Она сжала в руке металлическое изображение Каннон, висевшее у нее на шее с самого рождения, и стала искренне молиться этому божеству, чтобы оно защитило ее в этот опасный момент ее жизни. Но тут лодку мощно качнуло, и Тэрутэ со страшной силой ударилась о верхнюю кромку борта. После такого удара она лишилась сознания.

Сукэсигэ спасает Тэрутэ

Дошла ли ее молитва до цели или нет, она не могла знать, как не могла себе представить того, что спасение находилось гораздо ближе, чем ей казалось. Случилось так, что Сукэсигэ в этот день решил побродить по горам этого острова. Приближающийся шторм заставил его искать убежище, которое он нашел в пещере богини Бэнтэн, где смог спрятаться от дождя. Стоял у входа в нее и рассматривал пенистые волны бурного моря. Внезапно в поле его зрения попала лодка, скачущая на гребне волны и направляющаяся прямо на отвесные скалы с гибельными рифами у подножия, окаймляющие остров со стороны моря. К тому же было видно, что пассажир лодки находится в безвыходном положении, так как совершенно не владеет навыками управления лодкой, ведь его суденышко двигалось по воле волн, а находящийся в нем человек не пытался придать ему иное направление или уйти в спокойные воды, если такое вообще представлялось возможным. Сукэсигэ присмотрелся к лодке пристальнее. В ней находились женщина или ребенок. Его взгляд упал на безмятежную воду в его пещере, а также в канале, ведущем в море.

Без долгих раздумий он сбросил верхнюю одежду, нырнул в воду и энергично поплыл к лодке, в тот момент стремительно приближавшейся к берегу. Выплыв ей навстречу, Сукэсигэ подождал, пока лодку поднесет к нему. Он решительно взялся за борт, дождался удобного его наклона и в следующий момент оказался внутри лодки. Едва рассмотрев на дне распростертую девушку, он наладил весла и приготовился вести лодку в канал, соединяющий море с пещерой Бэнтэн. Из-за утесов он не мог в этом водовороте свернуть, чтобы выйти на более или менее спокойную воду и противостоять набегавшим своевольным волнам. У него оставался один только шанс – оседлать водоворот, который вынес бы его в узкий проход, ведущий к спасению.

К Тэрутэ медленно возвращалось сознание, и она обнаружила, что лежит у основания алтаря страшной для нее богини Бэнтэн, а над ней склонился Сукэсигэ. Она почувствовала смятение своего сознания и недомогание во всем теле: так сильно ее потрясло изображение Бэнтэн, а совсем не море, которое крепко ее потрепало. Сукэсигэ поднял ее на ноги, утешил от всей своей юной души, показав на яркий солнечный свет, проникавший через вход в пещеру и заливавший тревожную морскую гладь за ее пределами. Разве сама богиня не привела Сукэсигэ ей на помощь, не предоставила девушке кров в этом священном месте?! Потом он поднял ее на руки и понес вдоль скалы на место повыше, где девушку не могли достать морские волны, на вершину утеса, чтобы дожидаться помощи в деревне рыбаков, откуда он отправил посыльного в ясики Сатакэ с сообщением о злключениях юной девы. С Тэрутэ были связаны большие надежды великого семейства, и в скором времени в деревню примчался сам каро Мито-но Косукэ с паланкином и слугами. Распростершись перед юным господином, каро Огури выразил свою трепетную благодарность и признательность за счастливый случай присутствия его светлости, а также по поводу союза двух домов Сатакэ и Огури, скрепленного абсолютной преданностью их самураев. Затем процессия отправилась в путь через песчаную косу, которая с отливом соединяет остров с материком.

О божестве Бэнтэн участники процессии совсем забыли. Зато наш рыбак выпил за ее заботу чашечку сакэ. Ужасной представлялась бы судьба человека и его семьи, настигни их посланцы каро. Факт благополучного спасения химэгими (ее юной светлости) и слезы самой Тэрутэ послужили смягчению наказания виновного, и рыбаку с женой сохранили жизнь. Тем не менее на протяжении многих поколений ни одной лодки на побережье Косигэ не оставляли без надежной швартовки.

Всего лишь месяц спустя представитель дома Сатакэ снова прошел испытание судьбой на воде. Ёкояма Таро постоянно приглашал Ацумицу на рыбалку, и этот видный аристократ, как добропорядочный буддист, упорно отвечал отказом на том основании, что не может отнимать у животных жизнь. В соответствии с самурайскими нравственными воззрениями мужчина не может быть животным. На этот раз Таро подыскал два надежных аргумента: «Идза! Рыбы к

животным не относятся. Они относятся к растениям, как хорошо известно авторам соответствующей сутры (священного писания). Кроме того, – продолжил он торопливо, – человеку надо жить, а также для обретения силы к рису следует добавлять вкус не только стеблей и кореньев. Ловля рыбы не предусматривает ее обязательного употребления в пищу. Как еще рыбы достигнут состояния нирваны или получают шанс на более благоприятное рождение в следующей жизни? Прояви же милосердие к ним и остальным членам своего семейства! Рыбу, пойманную Ацумицу-доно, можно будет потом всю отпустить. В этом и будет состоять грех и благо Таро для всей нашей вылазки на водоем. Нам сообщили, что в настоящее время воды реки Катасэгавы кишат форелью (аю), а в нижнем ее течении можно просто забросить сеть и наловить молодой кефали (ина). Решись хотя бы на один день такого развлечения». Теперь Ацумицу больше не верил в Таро как в богослова. Ни рыбе, как животному, ни домашнему животному не дано достичь абсолютного просветления как такового. При этом он знал, что если уж существовало какое-либо занятие, предусматривающее полное безделье и требующее более лежания на боку, чем живого движения, тогда в этом деле равных Таро было еще поискать. Кроме того, в его время он считался той еще ленивой рыбой. Суть человека определялась его наклонностями. Таро получил указание к следующему утру подготовить все необходимое для рыбной ловли.

Наступил пятнадцатый день восьмого месяца (17 сентября). Жена Сатакэ – О-Симо – пыталась было возражать, так как погода в это время года бывала очень переменчивой. Мужчины над ее опасениями только посмеялись. Прихватив с собой одного-единственного слугу для выполнения подсобной работы – пожилого человека 50 лет от роду по имени Досукэ, Таро взял в руки весло, и они отчалили от бе рега Косигоэ. Воспользовавшись попутным течением, они смогли легко преодолеть покрытую водой песчаную косу между Эносимой и Катасэ. Войдя в русло реки, Таро повел лодку вверх по течению значительно выше роц Фудзисавы Югёдзи. После этого они сделали остановку, а потом начали медленный сплав вниз по течению, по пути занимаясь ловлей рыбы на удочку и сетью. Река Катасэгава прекрасна своими берегами, поросшими сосновыми лесами и кедровыми рощами, в древности выглядевшими гуще и протяженнее, чем в наше время. Ширина потока в коварном ее устье составляет от 9 до 90 метров. Эта река пользуется дурной репутацией из-за бездонных и коварных ям в верхнем ее течении, а море находится настолько близко, что течение иногда поворачивается вспять. Да еще вследствие паводков, идущих с окрестных гор, в русле реки возникают сложные, непредсказуемые завихрения воды. Причем наряду с коварными течениями здесь возникают явления гораздо более опасные. Солнце клонилось к закату, рыбная ловля шла вяло, сакэ выпили (в основном постарался Ацумицу), и знаменитый даймё уже соскучился по домашнему уюту. Таро, наблюдавший за усиливающимся бризом, умолял дать время. «Еще один заброс вон там, в тени деревьев. Там можно рассчитывать на косяки рыбы. Нас ведь осмеют, если мы вернемся с пустыми руками, и к тому же жаль напрасно потраченных усилий». Он направил лодку к бочагу. Досукэ дремал на носу. Ацумицу и Таро находились на корме. Первый приготовился к решительному и мощному забросу сети. Он сделал глубокий наклон, чтобы погрузить ее в глубины воды. В это время Таро напряг бедра и упер весло с такой силой, что оно переломилось. Лодка внезапно качнулась, и Сатакэ Ацумицу полетел в воду вниз головой. Ничего серьезного не произошло, так как он плавал как рыба. Когда он вынырнул и попытался влезть в лодку, Ёкояма Таро поднял тяжелое весло и нанес ему мощный удар по голове. «Ацу!» – только и успел произнести Ацумицу. Ёкояма тут же бросил весло, схватил сеть, которую тот хотел забросить в воду, и спутал несчастного оглушенного человека ею, как тенетами. После этого с помощью весла он погрузил Ацумицу под воду. Утопленник вскоре перестал сопротивляться. Ёкояма обернулся и встретился глазами с ошарашенным, перепуганным Досукэ. «Ах! Ёкояма-доно! Вы совершили большое злодейство. Что теперь будет с домом Сатакэ, когда его светлость ушел из жизни таким вот образом и некому было его защитить! Какое отвратительное и злодейское

деяние представляет такое вот убийство своего господина! Мертвому человеку нельзя вернуть жизнь, а что ценнее жизни?!» – «Ты прав, старик, – проворчал Ёкояма. – Досукэ, своей жизнью ты отвечаешь за молчание. Дурак! Готовься, я тебя сейчас зарублю». Вытаскивая на ходу свое оружие, он бросился на старика. Досукэ не стал дожидаться удара мечом. Он перевалился через нос лодки и ушел под воду. Ёкояма посмотрел на место его падения в воду, посмотрел вокруг лодки. Старик ушел, не оставив следа. Не зная, в каком направлении тот скрылся, Ёкояма несколько замешкался, но потом нырнул вслед за ним. Солнце село, и в тени леса было совсем нелегко различить такой небольшой предмет, как человеческая голова. Тем не менее Ёкояма не сомневался в том, что слуга не мог вынырнуть не замеченным им. Досукэ считался таким же неловким в воде, как и на суше. По этой причине его и выбрали для обслуживания хозяев во время дневной рыбалки. Минуты шли, а слуги все еще не было видно. Ёкояма проворчал: «Ну не рыба же он. Зато Таро плавает как рыба. Этого упрямого и неуживчивого малого на дне должны удерживать камыши. Совершенно очевидно, что он стоит там с широко открытыми глазами, крепко ухватившись руками за то, что его погубило. Благополучное избавление от неудобного свидетеля. Теперь займемся бывшим правителем Оты Сатакэ!» Он вытащил тело мертвеца на поверхность и освободил его от сети. Потом он погреб вниз по течению к устью реки, где пристал к берегу. Со вздохом осмотрел всего себя. Затем он начал толкать лодку на стремнину, пока вся его одежда и он сам полностью не промокли. Затем Ёкояма перевернул лодку вверх дном и толкнул ее в сторону моря. Вернувшись на берег, он перекинул тело Ацу-мицу через плечо и двинулся в сторону ясики Сатакэ.

Ёкояма Таро убивает Ацумицу

К имению он подошел поздно ночью, у ворот маячила стража, полнейшую темноту нарушал единственный фонарь у входа во внутренние палаты. Заслышав тяжелую поступь приближающегося человека, стража потребовала назвать себя. «Откройте! – ответил Ёкояма. – Пропустите меня без досмотра. Его светлость перебрал сакэ, а я – Таро – несу его домой». – «Кова! Окугата (ее светлость супруга) очень переживает. Самым почтительным образом приветствуем вас. Великой будет радость от благополучного возвращения Таро-доно домой». Сначала Ёкояма прошел в палаты Ацумицу, положил там мертвое тело и позвал свою сестру. О-Симо смотрела на его мокрую одежду и мрачное лицо с нарастающим ужасом. «Уже очень поздно, но, надеюсь, ничего страшного не случилось. Ты почему такой мокрый, Таро? И Ацуми-доно тоже?» Ёкояма жестом велел ей замолчать и дать ему возможность говорить. «Увы, сестра! Тебе потребуется большое мужество. Помни, что ты – жена самурая, всегда готовая к тому, чтобы выслушать дурную весть. Дело все в случайности самого трагического свойства. На входе в реку течение не давало нам двигаться. Во время предпринятой попытки пересечь опасное место в устье реки наша лодка перевернулась. Ацумицу перебрал сакэ и не смог выплыть на поверхность. Досукэ ушел ко дну. Ваш Таро приложил все усилия, но только через несколько часов ему удалось достать тело нашего правителя. Посмотри! Он лежит здесь». Таким образом, «нагородив массу лживых фактов», он повел ее в палаты Ацумицу и раздвинул сёдзи. О-Симо буквально остолбенела. До нее дошла суть огромного горя, обрушившегося на нее в связи с утратой супруга. Что ей делать в такой ситуации? Из одежды лежащего на полу Ёкоямы натекло воды как из утки, лужа будто наполнилась обильными слезами. Тут на сцене разыгравшейся трагедии появилась Тэрутэ. Взглянув на тело, она опустилась на колени рядом со своим отцом, ее любимым собеседником. Рыдая, она звала его, дышала в безмолвные губы, прижимала его к своему молодому горячему телу. Протесты и мольбы со стороны О-Симо заставили девушку обернуться. Ёкояма Таро прекратил рыдания и занялся делами. «Нашему Таро очень крупно не повезло. Чтобы уйти из жизни таким постыдным образом, захлебнувшись водой паршивого потока, надо было крепко нагрешить в предыдущей жизни. В такой кончине Ацумицу моей вины нет. Причем Ясухидэ остается настоящим самураем. В таких случаях принято делать харакири. Как раз настал момент вспороть себе живот!» На предельном подъеме духа и совершенно спокойно он сел с прямой спиной и расстегнул одежды. Решительно вынул из ножен свой меч и внимательно осмотрел его острие. Абсолютно хладнокровно он сделал медленный, глубокий вздох и приготовился к ритуалу. Его спектакль произвел задуманное им впечатление. Испуганная О-Симо перехватила одну его руку. Тэрутэ в ужасе всем телом навалилась на другую. Обе плакали и молили решившегося на непоправимое Таро отказаться от задуманного. Если он убьет себя, то представителям дома Сатакэ будет не к кому обратиться за помощью, никакое кровное родство не обеспечит восстановление достоинства их дома, утраченного из-за позорной смерти Ацумицу. Ради этих благородных женщин он должен отказаться от своего великодушного намерения. Своими мольбами они смогли его убедить. Ёкояма «сделал вид, будто страдает от свалившегося на него горя, и припал к кувшину, чтобы скрыть подступающий смех».

Потом Ёкояма попросил сухую одежду. О-Симо он сказал: «Никому об этом происшествии не рассказывайте до тех пор, пока не заручимся всесторонней поддержкой вашему дому. Таро должен незамедлительно обсудить сложившуюся ситуацию с Юки Удзитомо. Он молод, но наш каро поможет ему советом. Можно довериться семье Огури. Следовательно, надо бы пригласить Уэсуги Норизанэ. Вотчины можно оставить под присмотром рода Сатакэ. Если известие о падении такого бутона на землю просочится наружу, то тут же появятся претензии посторонних на свою долю. У нашего сёгуна имелось много чего за душой, что надо было как следует хранить. Тэрутэ все еще остается девушкой, то есть совсем ребенком. Постарайтесь не проговориться. Скрывайте горе и не показывайте признаков постигшей вас утраты». С этими словами он покинул ясики, но искать Юки-доно пока не собирался. На заре он въехал на тер-

риторию особняка Иссики Акихидэ в Сасамэгаяцу. Его вроде бы здесь даже ждали. Ёкояму сразу провели в личную комнату Акихидэ, где гость с хозяином сели друг напротив друга. Акихидэ рассматривал Ёкояму с откровенным восхищением, даже с какой-то долей страха. «Браво! Наш Таро-доно оказался не только плодовитым на злодейские планы, но и мастаком по их претворению в жизнь. Чтобы так ловко утопить Ацумицу, требуется рука настоящего мастера своего дела». – «А как ваша светлость узнали об этом?» – откликнулся Ёкояма, уязвленный такой опасной пронизательностью Акихидэ или наличием у него надежных источников оперативной информации. Акихидэ ответил коротко: «Тебе следовало бы расправиться и со старым слугой. Он плавает как рыба и поэтому быстро добрался до берега. Нам повезло в том, что он попал в руки кое-кого из моих кэраи и они доставили его сюда, предварительно выведав, что с ним случилось. Пока что тебе ничего не грозит, но, если о происшествии на реке станет известно сёгуну Мотиудзи, Таро плохо кончит». Он пристально следил за реакцией Ёкоямы. Тот ответил упавшим тоном: «Вашей светлости и вашему Таро все случившееся представляется предельно выгодным. Владения Сатакэ подлежат конфискации по причине позорного и вероломного характера его кончины. Располагая такой информацией и пользуясь благосклонностью к нему со стороны сёгуна, их охрана совершенно определенно будет поручена Акихидэ-доно. Что же касается вашего Таро, то вашей светлости не найти более преданного вассала, чем я, и мною вы можете располагать по своему усмотрению. Доверьте мне опеку над моей племянницей Тэрутэ. Когда вашей светлости захочется обеспечить восстановление дома Сатакэ, кому можно будет надежнее всего поручить отстаивание ваших интересов, если не мне?!» Иссики ответил ему так: «Какой же ты вероломный тип, Таро! Ты предусмотрел не только судьбу существующей недвижимости, но и не созревших еще проблем. Ты тщательно продумал все это дело в мельчайших деталях. Прими поздравления Акихидэ по поводу благополучного исхода твоего предприятия в прошлом и будущем. При наличии такого рода договоренности между нами Таро-доно может считать себя надежным союзником. Теперь займемся обработкой канрё и публики». Иссики приготовился безотлагательно выдвинуть свои требования сёгуну Мотиудзи. Ёкояма Таро покинул ясики и неторопливо, как того требовала ситуация, отправился в дальний путь до усадьбы Юки, чтобы по всей форме доложить о случившемся своему каро Юки Удзитомо.¹³

Сообщение о смерти Сатакэ Ацумицу наделало много шума. Его вотчина в уезде Ота на территории провинции Хитати считалась очень крупной, и предстоящая борьба за ее обладание обещала стать острой по причине гибели владельца. Юки Удзитомо в своем положении чувствовал себя новичком. Ему требовалась поддержка человека старше и опытнее, то есть Огури Мицусигэ. Таким образом, ценное время он упустил. Соперники их опередили. В соответствии с поданным прошением оказалось так, что вотчину передали в распоряжение Иссики Акихидэ, а Тэрутэ – на попечительство Ёкоямы Таро. Единственным арбитром оставался Сицудзи Норисада. Измотанный болезнью, он выслушал обращение Удзитомо с большой настороженностью и некоторым раздражением из-за неопытности его представителя и изворотливости Иссики. «Как этому проходимцу удалось так скоро получить известие о данном трагическом событии? Сама судьба проявляет благосклонность к этому клеветнику со злым языком, даровав ему лисьи уши. Но пусть этим занимается Удзинори».¹⁴ Потом он ответил Юки-доно: «Все дело осложняется тем, что решение по нему уже принято. Тем не менее его можно опротестовать перед сюзереном на совете. Это – все, что может предложить Норисада».

¹³ Каро, или главный самурай, относился к августейшим особам. Он числился первым министром даймё на территории вотчины, и ему здесь принадлежала вся полнота власти, особенно во времена Асикага, когда центральная власть считалась слабой.

¹⁴ Норисада умер в одиннадцатом месяце (в декабре) 18 года периода Оэй. Его место Сицудзи ветви Инукакэ занял Уэсуги Удзинори.

Благодарный Удзитомо поклонился до самого татами (мата), а Норисада послал за своим норимоном (паланкином), чтобы отправиться во дворец Окура. Когда сёгун Мотиудзи занял свое место в совете, он повернулся к Сицудзи за указаниями. «Переходим к делу: на что Сицудзи следует обратить внимание?» С почтительным поклоном Норисада ответил: «Появились кое-какие подробности, связанные с делом Сатакэ, которые могут заинтересовать августейшее присутствие. Стоит послушать и принять полную благоговения благодарность живых членов семьи покойного Сатакэ Ацумицу. О его долгом и верном служении отцу и деду нашего сюзерена хорошо известно, а честь, которой он удостоился совсем недавно со стороны легендарного предка Мицуканэ Ко, когда ему поручили разрушить зловредный алтарь Каннон-до у Сасамэгаяцу, еще свежа в памяти. Поскольку существует наследник, нашему сюзерену предоставляется шанс продемонстрировать свое великодушие, и если это будет сочтено полезным, то разрешить восстановление дома и отозвать указ о лишении этого рода почестей и вотчин (каизэки). В этом заключается суть обращения к сюзерену, смиренно поданного со стороны домов Юки и Огури».

Потом вперед выступил Иссики. Он смотрел с такой яростью, что сёгуну пришлось подзвать его к себе дружелюбным и обнадеживающим взглядом. Иссики сказал: «Сицудзи искажает суть обсуждаемого предмета. У Сатакэ Хитати-но Сукэ Ацумицу отсутствует наследник мужского пола. Он оставил наследницей девушку, совсем ребенка по имени Тэрутэ. Ацумицу потерял жизнь в погоне за удовольствиями, позабыв о службе своему господину. Его постыдный конец наступил из-за того, что в сточных водах Катасэгавы ему не хватило вдоха воздуха. Наш сюзерен уже совершенно справедливо сформулировал свое решение, и оспаривать его постановление не следует. Эти вотчины его светлость распределяет по собственному усмотрению в зависимости от своей благосклонности к тому или иному вассалу. И нечего навязывать свои интересы нашему сюзерену во время принятия им высочайшего решения». Показывая Иссики все слабые стороны его позиции, Норисада тут же заговорил, пытаясь навязать свой мощнейший аргумент: «Однако нашего сюзерена ввели в заблуждение по поводу Ёкоямы Таро, назначенного опекуном девушки Тэрутэ. Такое попечительство выглядит примитивной уловкой. Он связывает с этой девушкой своекорыстные расчеты. Его все знают как отвратительного человека, и почитаемый родоначальник сёгун Удзимицу лишил его вотчины, установив, что он устроил из своих вотчин наполовину бордель и наполовину притон, составляющий угрозу для его соседей и опасный для путешественников. Он еще жив только потому, что ему не хватает мужества поступить, как подобает самураю, или побриться в монахи. Такой человек совершенно определенно не подходит на роль попечителя наследницы дома Сатакэ». Иссики сразу же нашелся что ответить: «Мы имеем дело с обычным политическим приемом! У Таро Ясухидэ хватало врагов. Так вот, на протяжении многих лет он жил в доме Ацумицу, который предоставлял ему свое покровительство. А отец нашего почитаемого господина сёгун Мицуканэ знал о его обиде и закрывал на нее глаза. Ни у кого не вызывает сомнения его намерение как можно скорее восстановить милости и карьеру такого способного человека».

Мотиудзи Асон, как канрё, пребывал в замешательстве. Он переводил взгляд с Норисады на Акихидэ, потом с Акихидэ на Норисаду. Затем обратился к своему совету. Те поддержали Норисаду, одоббив характеристику, данную им Ёкоямой Таро. Иссики насмешливо произнес: «Речь и рекомендация были бы другими в отсутствие Сицудзи. Вы все боитесь Уэсу ги. И все-таки неправильно отменять решение, принятое по поводу такого вот установленного прецедента, который подходит к случаю с изъятием этих вотчин. Само решение по этому делу находится во власти одного только нашего сюзерена. Никому не дано сомневаться в воле сюзерена, а он уже принял решение. Так что помалкивайте». Он говорил на повышенных тонах. Норисада попенял ему так: «В присутствии господина прилично демонстрировать только почтительное и трепетное отношение, поэтому вести себя следует подобающим образом. На месте Акихидэ следует смиренно выслушать решение сёгуна. А в противном случае остается разве

что сказаться больным и покинуть заседание совета». Но Иссики не собирался ретироваться. Но видел по выражению лица Мотиудзи, что его последнее воззвание достигло цели. «Решение по делу принято, и возвращаться к нему не стоит. Когда девушка Тэрутэ достигнет совершеннолетия, тогда созреет необходимость подыскать ей достойного супруга. А до тех пор все должно оставаться таким, как есть сейчас. Признательность, какой бы благоговейной и приятной при выражении она ни была, можно оценить чересчур высоко. Прецедент требует уважения». Произнеся эти наполненные желчью слова с любезной улыбкой, адресованной Сицудзи, Мотиудзи поднялся, чем подал всем знак об окончании совещания, и покинул зал заседания совета. Норисада сообщил итоги озабоченному Юки Удзитомо. Дело представлялось весьма сложным. Решение было принято, и ничего нельзя было поделать до тех пор, пока Тэрутэ не достигнет брачного возраста и не избавится от заботы своего попечителя. Тут свою роль должен был сыграть договор с Огури. А пока им оставалось лишь набраться терпения и ждать. Юки Удзитомо относился к категории молодых людей, щедро одаренных упорством.

Не то что остальные самураи. Иссики Акихидэ тут же приказал своему брату Сакю-но-Таю Наоканэ отобрать в свое распоряжение ясики Сатакэ, ведь так делалось испокон веков. О-Симо с Тэрутэ, переданные на попечение самурая Ёкоямэ, отправились в Мусаси, в поместье, принадлежавшее фавориту Акихидэ. Их лишили всего громадного состояния и наследия прославленного дома Сатакэ. Ёкояма упорно торопил с отъездом. Он все-таки не смог скрыть своих намерений и враждебности по отношению к Огури. Тэрутэ робко поинтересовалась у матери о возможной помощи со стороны Сукэсигэ и о необходимости совета Огури; однако, когда ее мать обратилась к Таро с просьбой заняться их делом, тот пришел в ярость. «Тэрутэ осталась последним представителем дома Ацумицу, а Кодзиро Сукэсигэ – дома Огури. В этот дом он может войти только в качестве муко (приемного сына или супруга дочери), иначе Тэрутэ должна покинуть свой дом по причине недостойного дочернего поведения и непростительного греха. Хватит об этом деле думать, а девушке пора переключиться на другие мысли». Ёкояма Таро считался самым терпимым из богословов, однако язык у него развязался, а авторитет укрепился как никогда. Только вот Тэрутэ гораздо хуже поддавалась уговорам, чем О-Симо. В конце-то концов, Таро Ясухидэ приходился ей братом. Но Тэрутэ хранила молчание, а Ёкояма не мог добиться от нее признания по поводу нарушенного обещания. Как раз в день своего разговора с Иссики он выслал этих двух женщин (мать и дочь) из Камакуры. Чувствуя такую поддержку, он верил в то, что события при дворе канрё развиваются в благоприятном для него ключе.

Огури без промедления послал слуг, чтобы они привели мать и дочь в ясики Инамурагасаки. Но им помешал Ёкояма, теперь вошедший в раж и проявлявший отступничество с циничной враждебностью. Заблаговременный перевод этой ясики в распоряжение Наоканэ послужил указанием на то, что нашим многострадальным женщинам больше здесь не жить. После проведенного расследования оказалось, что Юки Удзитомо знал об их судьбе ничуть не больше, чем сами Огури. Между тем однажды к усадьбе Сатакэ спешно прибыл некий самурай из войска воюющей стороны. На входе его остановила стража. Самурай сообщил: «Об ужасной судьбе моего господина Сатакэ Ацумицу всем известно. Его дом уничтожили, а вотчины конфисковали. А меня послали к госпоже Окугате (госпоже вдове) и госпоже Тэрутэ. Прошу предоставить мне возможность повидаться с ними». Начальник стражи ответил ему так: «Нас такие дела не касаются. Нам поручили только охранять ясики. Никто на ее территории не войдет». Но самурай продолжал настаивать: «Что за упрямец! У тебя уши есть?! Иссики-доно! Тут грязный плут просит пустить его внутрь. Может быть, его прогнать?» – «Не надо, – резко ответил Наоканэ. – Если он будет упорствовать, тогда задержите его». Восприняв эти слова как приказ, так как самурай демонстрировал явное упорство, стражники выскочили с намерением схватить Мито-но Косукэ. А он служил каро при доме Сатакэ и как раз в большой спешке прибыл из поместья в Хитати. Косукэ рассмеялся: «Ах! Ты хитер как лисица, самурай! Скоро

останешься без хвоста». Как только стражники собрались вокруг него, чтобы прибить палками, он сгреб концы этих палок и положил всех на землю. Тела воинов разлетались как птицы, когда Косукэ схватил первого стражника, а за ним второго, попытавшегося напасть на него. Стражники взялись за мечи и снова бросились на гонца. Но Косукэ тоже вытащил свое оружие. Трое легли на землю мертвыми, остальные, получив увечья, спешно ретировались. Зажав в руках лежавший поодаль тяжелый лом, Косукэ бросился к запертым воротам (мон). С третьего удара они поддались, и он ворвался внутрь. Стрела коснулась его волос и убила ворону, сидевшую в торжественной задумчивости на крыше. «Достойное окончание игры для такой мерзости», – съязвил Косукэ. Он перебежал из комнаты в комнату. В личных апартаментах никого не оказалось. Какие-либо признаки присутствия женщин или женщины кто-то тщательно прибрал. Зато повсюду встречались доказательства недавнего пиршества и мятежа. С болью в сердце разозленный Косукэ снова принялся искать прихожую (эенкан). Тем временем начался сбор якунинов. Настала пора Косукэ спасать свою жизнь. Бросив последний взгляд, он повернулся и ушел через черный ход. Пройдя значительное расстояние через горы Фукадзава, уже на пути к Фудзисаве он неожиданно повстречал своего младшего брата Косиро. «Ах! Косукэ, а где ее светлость?» – «Ушла, – был ответ Косукэ. – Но вспарывать живот или торопиться времени нет». – «Огури-доно, – сказал Косиро, – тоже занялся их поиском». Косукэ ответил: «Та же самая задача стоит перед Косукэ и Косиро. Так как они живут среди простого народа, место их пребывания скоро отыщется. Это дело, скорее всего, затеяли Ёкояма Таро и Иссики Акихидэ. Как только это выяснится, их приговорят к смерти». Согласившись на этом, братья ушли из Камакуры на север, чтобы спрятаться в Кандзаса-мура, а целью жизни они поставили себе выяснение судьбы госпожи химэгими Тэрутэ.

Глава 4

Доблестные воины Огури: братья Танабэ, Мито-но Катаро, братья Гото

Шел 21 год периода Оэй (1414), и Кодзиро Сукэсигэ в скором времени должно было исполниться 19 лет. В его жизни наметились перемены. С момента смерти Хацусэ прошло приличное время, Мицусигэ взял к себе в постель одну из служанок ясики – женщину по имени Фудзинами, приходившуюся дочерью рыбаку из префектуры Миура. Раньше она нянчила Кодзиро. Она была 35 лет от роду, привлекательной внешности, а главной рекомендацией для старого даймё служила скорее привычка к ней, чем высокий уровень ее навыков. Как бы там ни было, на склоне лет он очень постарался, и эта кобылка принесла ему сына. Ничего нового нет в том, что дитя стало объектом обожания престарелого отца. Фудзинами очень надеялась на то, что ей удастся добиться передачи дома Огури в наследство Мантё, даже если придется пожертвовать жизнью Сукэсигэ. В это время «честные» средства присутствовали только в ее воображении. Своей первой целью она ставила удаление Сукэсигэ из Камакуры с отправкой его в места возникновения смуты. И судьба проявила к ней благосклонность. На заре правления Мотиудзи К^о на должность сицудзи (первого министра) назначили Уэсуги Удзинори из клана Инукакэ, пользовавшегося большим влиянием рода. Он располагал покровительством сёгуна Мицуканэ, который послал его на север помогать в подавлении восстания Масамунэ против канрё Осю – Асикаги Мицунао. Удзинори подвергся крепкой трепке, и Мицуканэ, чтобы выволить его из сложной ситуации, пришлось отправить второе войско. Теперь удача была на стороне Удзинори, а численный перевес – против Масамунэ. Последний потерпел поражение и погиб. Удзинори вернулся в ореоле победителя, который тщательно берег, стараясь не заниматься рискованными предприятиями. Норисада скончался в одиннадцатом месяце 18 года периода Оэй (ноябре – декабре 1411 года), и его сменил Удзинори, приходившийся сыном Томомунэ, побрившего голову (Нюдо) и ставшего священнослужителем, а также практически одновременно сицудзи под именем Дзэнсю. Инукакэ Уэсуги тем самым поменялся с другим кланом рода, и им стал протеже Удзинори, положение которого казалось им прочным за счет поддержки со стороны их западных родственников. При этом не брался в расчет переменчивый нрав Удзинори. Он состоял на службе сицудзи уже на протяжении нескольких лет, когда от его родственников из семейного центра в Хитати пришли известия, вызвавшие у него ярость. Так получилось, что один из самураев дома по имени Косибата Рокуро Нобутика обидел наместника (кокуси). Об этом доложили в Камакуру, и его вотчину конфисковали. До Удзинори сведения о свершившейся хозяйственной операции дошли на пути в Хитати. Он поспешил во дворец, чтобы опротестовать ее перед Мотиудзи, причем беседа сложилась так, будто сёгун выступал в качестве главного министра, а Нюдо – в роли сёгуна. Мотиудзи очень скоро утратил симпатию к своему бывшему наставнику, философу и приятелю. И теперь желал от него избавиться. Между ними стало разгораться все обостряющееся скрытое соперничество. В семье Уэсуги в целом поддерживали своего представителя в надежде на его укрепляющееся влияние и симпатии со стороны правителей Иссики. Вопрос, однако, заключался в том, насколько долго сёгун готов терпеть проявления язвительного характера главного министра и его постоянные возражения по любому поводу. Представители ветви Яmanoути – Огигаяцу совсем не собирались жертвовать семейными интересами из-за откровенно дурного характера Инукакэ Нюдо. Более того, они рассчитывали извлечь для себя выгоду из его отставки, когда до нее дойдет дело. Тем временем Нюдо Дзэнсю и брат сёгуна Ёсимоги в Киото Дайнагон Минамото Ёсичугу одновременно плели сети широкого заговора, который к тому времени практически созрел. Огури из Хитати поддерживали тесные связи с Инукакэ Уэсу ги. Складывавшаяся ситуация

была Мицусигэ совсем не по душе, но в любой борьбе при равных прочих условиях он служил вассалом дома Инукакэ. Когда дела потребовали заняться ими в Хитати, сославшись на возраст и усталость, он вместо себя послал своего сына Сукэсигэ, чтобы тот выступил в качестве ханван-дая (вице-ханвана).¹⁵

Его задача якобы состояла в подавлении банд грабителей, терзавших народ провинции; на самом же деле он должен был давать оперативные ответы на запросы самураев Огури по указанию их господина.

Таким образом, Сукэсигэ отправился в Хитати в сопровождении каро дома, весьма талантливого и проницательного человека по имени Танабэ Хэитаю с его двумя сыновьями – Хэйрукуро Нагахидэ и Хэйхатино Нагатамэ. О первом из этих храбрецов мы поподробнее расскажем чуть позже. Просто упомянем тот факт, что Сукэсигэ они могли сопровождать на всем протяжении пути через равнину Мусаси до Симосы, вдоль берегов Сакурагавы (Цукубагавы), когда он преодолевал склоны этих знаменитых гор, пока не добрался до своего родного города и замка Огури, расположенного у подножия гор Западной Хитати. Он как раз готовился напасть на банды грабителей, когда ему рассказали такую вот легенду.

После истребления дома Сатакэ и отпуска его самураев Мито-но Косукэ, служивший каро, отказался прекратить поиск своей дамы, так как решил посвятить этому весь остаток своей жизни, пока не иссякнет последняя надежда на успех. Но ему пришлось переехать к Хираи в провинцию Симоцукэ (позже уезд Сицуга на реке Наганогаве недалеко от Тотиги). Теперь он находился слишком далеко от усадьбы своего господина в Хитати, и к тому же за ним непрерывно вели слежку самураи Иссики, обосновавшиеся в этой вотчине и уделявшие должное внимание любым поползновениям этого ронина истребленного дома. Вместе с ним жили его сын Котаро-но Тамэхиса, а также два его племянника – Гото Хёсукэ Сукэтака и Дайхатино Такацуги. Котаро едва исполнилось 20 лет, Дайхатино было 22 года, а Хёсукэ, которому позже было суждено стать каро при Огури Сукэсигэ, уже стукнуло 26 лет. Молодые люди отличались большими успехами в воинском искусстве, особенно на скаковом круге и в школе фехтования. При Удзимицу и Мицуканэ возможностей для активной службы на поле брани в Камакюре возникало маловато. У Косукэ сложился быт как у земледельца госи (дворянина, занимающегося сельским хозяйством), а трое молодых людей сходили за его сыновей.

Однажды они решили с утра отправиться на охоту. Подножие гор Симоцукэ находилось совсем рядом, и эти трое в скором времени углубились в лес. Их, однако, преследовал сам злой рок неудачи. День клонился к закату, а забавы, раньше приносившей только радость, как-то никак не получалось. Ни малейшего признака живого существа заметить не удавалось. Время приближалось к трем часам дня, и поздней осенью темнело рано. Первым с разумным предложением выступил Мито-но Котаро. «Нам придется возвращаться с пустыми руками, и над нами будут потешаться. Давайте-ка хотя бы прочешем как можно большее пространство. Я мог бы пойти прямо к долине. Наш Котаро пойдет в западном направлении в обход горы. Таким образом, будем надеяться на то, что кому-то из нас все-таки повезет или нам удастся подыграть друг другу». На том юноши и порешили. Пожелав друг другу удачи, они разошлись, и братья Гото отправились вверх по долине. Мито-но Котаро развернулся, чтобы начать подъем на гору и перейти в соседнюю долину, пролежавшую западнее. Восхождение прошло, что называется, с подъемом. Зато спуск с противоположной стороны грозил катастрофой. Наступив на покрывало из сухих листьев, разбросанное среди поросли кустарника и прочего лесного

¹⁵ Должность ханвана, говоря точнее, считается судейской. В древние времена этот высокопоставленный чиновник непосредственно представлял правителя, исполняя его судебные функции. Но, как и в случае с сёгуном, его власть к тому же распространялась на исполнительную сферу – как в Европе Средневековья, будь то при короле или вельможе. Сегодня глава исполнительной власти определяет судебную политику в Японии и вмешивается в ее отправление, однако полномочия ханвана ограничиваются судом общего права. Кокуси служил императорским чиновником, а сюго – военным комендантом. К указанному времени полномочия кокуси по большому счету отменили.

мусора в виде камней, лишайника, палок, обманчиво успокаивающих взгляд, Котаро провалился в глубокую яму. Ошарашенный после падения, он взглянул вверх и увидел где-то далеко свет. Выбравшись из мусора и камней, свалившихся вместе с ним, он попытался определиться с тем, что окружало его в яме. Даже с помощью лука он не мог дотянуться до перекрытия принявшей его полости в горной породе. Дело приняло самый скверный оборот! Понятно, что, не имея крыльев, он не мог выбраться тем же путем, которым сюда попал. Он находился в середине дикого леса, куда селяне заходили редко, разве что забредали во время охоты. Ждать помощи с этой стороны вряд ли стоило. Рассчитывать оставалось только на свои собственные силы. И особой радости все это не обещало. Увы! Ему грозило стать нуси (злым духом) этого места, никто не помолится на помин его души, кроме зайцев и медведей, но они уже знали, что его следует избегать. На самом деле судьба могла бы отнестись к нему благосклоннее. Сто лет спустя, быть может, потомки найдут его выбеленные кости и ржавый меч, объявят О-Ана Сама объектом поклонения и отправления религиозного культа в большом храме. Но к тому времени его печальный дух прекратит свое существование из-за отсутствия пропитания. Но что это там за свет, дающий возможность рассмотреть грустное окружающее пространство?

Тут до него дошло, что свет бьет ему в глаза, он исходит не сверху, а откуда-то напротив. Он взглянул вверх. Да, свет в пещеру поступал из двух источников: сверху, откуда он сюда провалился, а также от источника перед глазами в некотором удалении от нашего страдальца. Было ли в этом свете что-то сверхъестественное? Котаро снял застезку на ножнах меча и направился ко второму источнику света. Пещера становилась шире. Потом донесся звук журчащей воды. Через некоторое время он дошел до выхода из грота, возле которого протекал горный ручей. Ему несказанно повезло. Бесспорно, перед ним лежала долина, куда он направлялся на охоту. В каком же направлении теперь идти: вверх или вниз? Его мучила жажда, и он наклонился к ручью напиться. Вацу! Он отпрянул. В ручейке текла вода красного цвета. Котаро попробовал предположить так: «Кто-то выше по течению полощет дамские юбки. Их краситель оказался низкого качества и теперь линяет под воздействием воды. Где-то там должна находиться деревня, и у ее жителей можно разузнать дорогу домой». У источника рядом с входом в пещеру он нашел родник, очистил русло небольшого ручейка и пошел вверх к его началу. В скором времени увидел женщину, сидящую рядом с ручейком. Она энергично била и терла материю, будто бы пропитанную красным пигментом. Со звуком «шмяк, шмяк, шмяк» она стирала одежду. «Кова, – подумал Котаро и сказал: – Какая симпатичная девушка! Кто бы мог подумать, что в горной долине от посторонних глаз спрятана такая красота! Жители самого города Мияко хотели бы рассчитывать на такую находку, нэсан (старшая сестра)! По неловкости провалившись в пещеру, я заблудился в горах. Где-то там выше должна находиться деревня, где можно будет попросить показать мне дорогу домой и дать что-нибудь попить». Женщина подняла глаза, увидела его и вздрогнула. Страх при виде мужчины и сочувствие очаровательному молодому человеку появились на ее лице. Она произнесла: «Увы! Я тоже не здешняя жительница. Но дорогу вам с радостью покажу...» Котаро, пристально присмотревшийся к одежде, которую она стирала, оборвал ее речь и спросил: «Нэсан, что это вы там отмываете?» – «Кровь. Ни в коем случае не продолжайте свой путь вверх по ручью. Там находится логово печально известного разбойника Тикумы Таро. Он со своей шайкой обложил данью все деревни в округе, грабит земледельцев и отбирает у них дочерей. Симпатичных и покладистых они продают, и похитители людей везут их в города вдоль дороги Накасэндэ и даже в саму столицу. У тех из девушек, кто отказывается выполнять прихоти разбойников, в качестве наказания за непокорность отрезают груди. Одну такую женщину только что подвергли данной экзекуции. Она осмелилась проявить чувство собственного достоинства и неповиновение, поэтому главарь банды для назидания всем остальным доставил ее в шайку на расправу. Ее-то одежду я как раз и пытаюсь отстирать. Ее плоть приготовят на закуску к вину, которое они будут пить сегодня ночью. Я так полагаю, что вы, милостивый государь, занимаетесь земле-

делием и живете в одной из соседних деревень. Моего отца, служащего при Симоцуке госи-самураем, вызвали с его людьми к нашему господину в Ояму. В его отсутствие эти разбойники напали на нашу деревню и увели меня с другими женщинами с собой. Я вам покажу путь к спасению. Иначе они замучают вас ради развлечения по время своей попойки. Ни в коем случае не ходите дальше».

Котаро сочувственно глядел на женщину. Теперь она расплакалась. «Соберитесь с духом, нэсан. С вами разговаривает не какой-то землепашец или трус. Вы и ваша сестра, по несчастью, скоро вернетесь домой. Ну-ка, расскажите мне, где находится логово этих разбойников? Тикуму ждет скорая расплата за его злодеяния». Он указал луком куда-то вверх по течению жестом, означающим угрозу и требование одновременно. Женщина все поняла. Она радостно ухватила его за рукав и низко поклонилась. «Там наверху вам встретятся бревенчатый мост и дорога, причем уже обветшалые. Эти развалины цитадели времен войны Нитта тайсё оставлены для введения прохожих в заблуждение. Разбойники их не тронули, чтобы сбить с пути тех мужей, что придут искать их настоящее жилище. Держитесь берега этого потока. В скором времени покажутся ворота (сэжимон). Они служат внешним входом. Пусть kami (боги) охранят вас и даруют успех вашему предприятию. Но лучше крепко подумайте, прежде чем приступать к делу». Котаро мягко освободил рукав, за который она все еще держалась, будто пытаясь остановить юношу. «Не бойся. Веди себя обычным образом, выполняй свои обязанности и постарайся не насторожить разбойников».

Попрощавшись с женщиной, он пошел в указанном направлении. Свернув у моста на тропу, он вошел в лес и стал карабкаться по протоптанному пути, ведущему вверх по скалам, омываемым ручьем. Скоро он вышел на просеку. Здесь наш самурай увидел стену с воротами. Котаро начал кричать на пределе своих легких: «Эй! Ай! Айя! С трепетом и почтением прошу предоставить путнику, заблудившемуся в горах, пристанище на ночь. Голодный и усталый, я не могу идти дальше, не могу насытиться и собранными лекарственными травами». На последний призыв откликнулся неухоженный человек. «Лекарственные травы! Ты что, лекарь? И какой леший (онисама) занес тебя к нам? Мы не держим ни приюта, ни гостиницы.¹⁶ Но раз уж ты пришел, можешь рассчитывать на ночлег... Бутасан, иди и сообщи Тикума-доно, что к нам пожаловал лекарь. Быть может, удастся вылечить его рану от стрелы. А вы, господин лекарь, пока что отдохните и что-нибудь поешьте». Ждать пришлось недолго. Тикума Таро, получивший ранение во время своей недавней вылазки в долину, обрадовался, услышав про заблудившегося лекаря. Он приказал незамедлительно привести к себе медицинского работника с его снадобьями. «Пусть сначала вылечит, а расплатимся с ним потом, – зловеще подумал он. – В конце-то концов, вся наша братия нуждается в услугах лекаря, а не только любовниц».

Когда вожаку представили Котаро, тот посмотрел на него с некоторым изумлением. Медицинского инструмента в виде лука Тикума никогда не видел, но он успокоил себя тем, что в своей жизни мало общался с людьми его профессии. Со своими недугами он привык бороться с помощью сакэ, а тут ему пришлось в большом количестве употребить этот напиток. Он всегда рассчитывал на лечебные свойства повязки и доброй попойки. Если они не помогали, тогда положение можно было считать безнадежным. Сейчас довериться врачу его заставляли страх за свою жизнь и непереносимая боль. Он бы предпочел снять с врача голову, чем разрешить ему проводить на себе операцию. Тем временем наш самурай тоже пристально рассматривал главаря шайки. Когда Котаро ввели в мрачную комнату, он увидел громадную неуклюжую тушу человека, обложенную подушками для сидения. Из копны волос как у демона-призрака Сёки на него взирали два светившихся яростью глаза. Пьяный лохматый, с низкими бровями бандит покачивался из стороны в сторону. «Наруходо! Вот как! Разве лекарю положено носить лук?» – прорычал Тикума, свирепо глядя на юношу. Котаро рассмеялся: «Он мне нужен для

¹⁶ Ядо – то же самое, что ясики. По оттенку смысла чем-то напоминает старую французскую гостиницу.

стрельбы по кроликам, а не по целебным травам. Мой уважаемый учитель требует собирать в горных низинах не только растения, но и кое-что ловить силками для блюд из тушеного мяса, дабы укрепить его стареющий организм». – «А зачем тебе мукахаги (поножи)? Их надевают на войну, а не собирать траву». Ответ Котаро прозвучал безмятежно: «Ты подозреваешь в моей скромной персоне самурая? Взгляни! Они висят совсем свободно. Во время прогулок в горах довольно-таки часто можно встретить волков и ядовитых змей. Эти штуки предохраняют ноги от их укусов».

Тикума что-то проворчал под нос. Подозрения его еще не совсем развеялись, но мощный приступ боли в распухшей руке заставил поменять течение мыслей в голове разбойника. «Я получил легкое ранение в руку, совсем пустячное. Думаю, его можно исцелить без особого труда. Если поможешь мне от него избавиться, награда будет такой, что ты, лекарь, больше не испытаешь нужды в том, чтобы отправляться за кордон искать лекарственные травы. Так что приступай к делу. Наложь снадобья и получай награду за труды». Котаро предупредил своего пациента: «Сначала надо бы осмотреть свою рану. Уму! И это ты называешь пустяком! Руку разнесло так, что она увеличилась в два раза против ее нормального вида. Черные пятна означают омертвление плоти. Так тебе больно?» Он потыкал наконечником стрелы в потемневшую плоть. Тикума даже не пошевелился. Тогда Котаро тронул опухшую красную массу, окружавшую эту черную плоть. Тикума отреагировал стоном. Он уже готов был уничтожить самозваного лекаря. Вид ужасной гниющей массы остановил его не знавшую пощады руку. Котаро старательно показывал, что, кроме раны, его ничто больше не интересует. «Лечить надо без промедления: будет больно, но терпимо. Потом наложим повязку в соответствии с передаваемым по наследству приемом, и в скором времени рана заживет буквально на глазах. Обещаю освобождение от любой боли, причем совсем скоро». – «А снадобье, Таро, у тебя с собой?» – поинтересовался оживившийся разбойник. «Нужное снадобье ты получишь, даже не сомневайся, – пообещал Котаро. – В таком прекрасном месте должно находиться много женщин. Только они способны поддерживать достойный уют и порядок. Пусть твои соратники освободят место и прикажут женщинам принести сакэ, побольше полотна, а также заостренные бамбуковые палочки». По сигналу Тикумы разбойники сгрудились в дальнем углу зала. Вошли женщины и принесли все, о чем он попросил. С ними появилось полотно, отобранное у киотских купцов; горячая вода в кувшинах изысканной красоты, похищенных у богатых госи соседних деревень, а также сакэ, отнятое у местных селян. Одна только родниковая вода досталась разбойникам честным путем. Котаро наконец-то осмотрел своего пациента. По правде сказать, всю пораженную гангреной плоть следовало незамедлительно удалять. Сжав кисть руки, он проверил пульс. Тук, тук, тук, тука, тук, тука, тук. «Хорошо, что случай привел меня к вам сюда. У тебя развилась очень опасная лихорадка. Покажи язык. Красный, бледно-красный! Если бы был белым, тебе грозила бы смерть; если черным – ты покойник.¹⁷ Терпи! Будет немного больно, зато потом...» Котаро взял заостренную бамбуковую палочку и вонзил ее глубоко в рану. Он вращал палочку, рвал и резал омертвевшую плоть. Тикума ревел и стонал от страдания, остальные разбойники подвывали ему и ревели тоже. «Фуси! – бормотал Тикума. – Какая боль! Тысячу ран от стрел легче стерпеть, чем такое лечение. Ах! Больно! Больно! Господин лекарь, вознаграждение будет даже больше, чем обещалось. Все удовольствия жизни предложит тебе [моя братия]. Ни одного устройства [для причинения страданий] не упустим. Айя!» – «Не вертись, – только и промолвил Котаро. – Такое лечение передал нам знаменитый Сото из Со-но Куни (Китая). По традиции считается так, что тем самым Син-но Ёфуку лечил все раны на протяжении десятилетий, и умер он в весьма преклонном возрасте на территории нашей благословенной Японии. Все! Бинтуем?» Он плотно обмотал бинтом рану, представляющую собой вывернутое кровавое мясо, и затянул узел со всей силой.

¹⁷ Об этих терапевтических приемах, которые применял Такараи, можно посмотреть в кодане.

Тикума вздохнул с облегчением. «Мне, вашему Таро, совсем не полегчало, – простонал он. – По сравнению с прошлым боль только усилилась». – «Это потому, что боль из больной руки передается в здоровую руку. В нее отдается ее пульсация. Давай ее тоже забинтуем, и тогда боль уйдет». Тикума Таро послушно протянул свою левую руку. Котаро забинтовал здоровую левую руку точно так же, как и покалеченную правую конечность разбойника. Теперь у него в руках находились два конца бинтов. Он быстренько загнул руки гиганта за спину и там их накрепко завязал. Наконец-то до Тикумы Таро дошел коварный замысел «лекаря». «Ах! Ну что за мошенник этот лекарь! Теперь ваш Таро превратился в пленника». – «Именно так и есть, – промолвил Котаро. – Куда бы спрятать этого негодяя? Ах да! Привязать к колонне». Он подтащил Тикуму к ближайшему столбу и накрепко привязал его к нему с помощью оби (кушака). Разбойники вместе с Тикумой издали рев. Котаро вытащил меч Тикумы и встал над беспомощным вожаком банды. «Теперь, разбойнички, если кто-то из вас пошевелит рукой, ваш главарь простится с жизнью. Выполняйте мои указания, и я его отпущу. Пусть пока женщины принесут сакэ с рыбой, но никакого мяса!» Его передернуло от мысли о том, какое угощение должны были готовить для разбойников. После этого он тщательно сложил подушки за спиной беспомощного Тикумы, откуда он мог наблюдать за самим главарем и его последователями. Женщины обслуживали его так, как будто он выступал в роли самого Тикумы. Он жадно с шумом поглощал пищу. Оставим Котаро на время за этим его занятием.

Ведь пора бы разузнать о судьбе его братьев. Какое-то время они карабкались и спускались по горам, проталкивались и скатывались через заросли запущенного леса. Ни малейших признаков потенциальной добычи на глаза не попадалось. Юношам на самом деле не везло. Ничего не оставалось, кроме как повернуть к дому. Они уже решили было это сделать, как услышали крик оленя. С надеждой посмотрев в направлении, откуда доносился этот крик, они ничего не увидели. Снова донесся звук «кии, кии», но все равно его источника видно не было. Дайхатино высказал свое сомнение: «Такое впечатление, что звук доносится из кроны деревьев, но олени не умеют летать». Они осторожно двинулись на звук. И тут он раздался практически над их головами. Взглянув наверх, самураи, к своему изумлению, увидели огромную змею,¹⁸ кольцами обвивавшую мощный ствол хэби мацу. Змея схватила оленя за задние ноги, наполовину его проглотила и начала переваривать, а несчастное животное в ходе этого противоестественного процесса издавало слабые звуки. Огромные узлы дерева, напоминавшие кольца змеи, казались как бы ожившими. Хёсукэ натянул тетиву лука со стрелой. Дзинь! И стрела вонзилась в левый глаз ужасного пресмыкающегося. Вторая стрела ударила ее в глотку и пробила гада насквозь. Смертоносные кольца чудовища стали медленно разматываться. Выпустив оленя, змея спустилась со ствола дерева и, яростно сверкая оставшимся глазом, стала приближаться к братьям, мужественно стоявшим не шевелясь. Хёсукэ нарушил молчание: «Дайхатино, готовь свой меч». И вынул третью стрелу. Тщательно прицелившись, он отпустил тетиву. Эта стрела вошла громадному пресмыкающемуся прямо в правый глаз. Через мгновение ее голова лежала на земле. Дайхатино пнул все еще извивающееся тело. «Знатный выстрел, брат. Какая насмешка над Котаро. Бьюсь об заклад, он ничего не добыл и ушел домой ни с чем. Ты посмотри! Уже наступила ночь. Давай заберем с собой оленя и эту голову. Разве можно оставлять такую добычу?» Хёсукэ ему ответил: «Да, больше нам не на что рассчитывать. Но так получается, что, скорее всего, придется провести ночь в лесу, так как до Хираи нам не добраться. На деревьях растут факелы, но их еще надо зажигать. Тем не менее ночь можно провести в каком-нибудь шалаше охотника».

¹⁸ Легенды о таких громадных змеях считаются явлением весьма распространенным. Путешественники в горах вокруг Камакуры время от времени «видят» их логова. Они известны как хэби-ниси (1914); другие называются Коганэ-ивайя. На вершине горы слева от Комиодзи растет прекрасное рюто-но мацу (хэби мацу), и его хорошо видно.

Голову убитого змея засунули в охотничий мешок, прихваченный братьями с собой. Взвалив на плечи оленя, молодые люди отправились в путь к ближайшей долине. Когда они прошли некоторое расстояние, среди деревьев замелькал свет. В скором времени они подошли к воротам в каменной стене. Стражи на месте не оказалось, но за воротами обнаружилось множество народа, находящегося в мрачно освещенном зале. Люди лежали распластанными (о-дзиги) перед человеком, который, скорее всего, был у них главным. Несколько красивых женщин, явно старавшихся ему угодить, подавали вино и яства. В дыму факелов и при таком мрачном освещении было трудно разобрать его внешность, но то, что он молод, сомнения не возникало. Рядом с ним у колонны сидел привязанный к ней человек. Совершенно очевидно, что тот был пленником или мятежником, ожидавшим наказания по решению главаря банды. Хёсукэ сказал: «Какое подозрительное место! Выглядит как логово разбойников. Но давай все-таки попросим пристанища, а утром добавим голову этого разбойника к той голове, которая у нас уже имеется». Храбро подойдя к ряду мужчин, ближе всего находившихся к веранде (рока), он попросил у них предоставить кров. «Темнота застигла нас в лесу. Прошу предоставить нам убежище на ночь, но, кроме почтеннейшей благодарности, у нас ничего нет». Разбойники проявили абсолютную покладистость, несмотря даже на свой крутой нрав, численное превосходство и грозный вид. В молодых людях они увидели подкрепление силам их противника, парализовавшим их волю. Один самурай захватил в плен их вожака и держал его заложником. Эти двое тоже выглядели совершенно определенно как самураи. Разбойникам больше всего хотелось куда-нибудь убежать, а самураи пусть делают все, что им заблагорассудится. Однако гигант Тикума олицетворял для них основу силы их шайки. Без него они становились телом без головы. Почтительно кланяясь, они пригласили новых гостей войти в зал. Котаро заметил какое-то странное движение в дальнем конце помещения. Он сразу же узнал своих товарищей по нынешней вылазке на охоту. «Ага! Странники! – рявкнул он. – Ищете кров? Вы его получите. Разбойники всегда отличались щедростью, пусть даже за счет ограбленных ими людей. Проходите быстрее. Как следует развлекитесь и отдохните, а рано утром отправляйтесь по своим делам. Принесите еще факелов!» От таких слов Хёсукэ пришел в большое бешенство. «Презренный прохвост! Как можно терпеть его наглое хвастовство! Он совершенно откровенно сказал, что собирается с нами сделать. Доставай свой меч, Дайхатино. Когда его сторонники появятся с факелами, пиром будут распоряжаться уже другие люди, а угощение пойдет в другие желудки». Братья молча пробрались в полумраке поближе к главарю этой несчастной банды, так что между ними оставалась гора подушек на постаменте. Они уже готовы были напасть на него, но по мере приближения к нему их все больше привлекала роскошь стоящих перед разбойником блюд. Однако Котаро пристально следил за их приближением. Как только они подошли ближе, он заговорил своим естественным голосом: «Кория! Да это же Хёсукэ и Дайхатино! А кого же вы, милостивые государи, собираетесь зарубить своими мечами? Присаживайтесь! Смирненно приглашаю вас отведать сакэ и закусить ее рыбой самого отменного приготовления. Настоятельно рекомендую вам избегать других блюд. Здесь предлагают оскверненное мясо. Зато рыба вкусная и свежая». От удивления Хёсукэ ахнул, а Дайхатино разинул рот. Оба опустили свои мечи. «Котаро! Ты что, переметнулся к разбойникам?!» – «Не совсем так, – ответил Котаро. – Вот вам настоящий разбойник и главарь этой банды Тикума Таро. А теперь присоединяйтесь к трапезе». Разбойники вернулись с новыми факелами. Женщины весело подавали рыбу с вином. Таким неожиданным образом Хёсукэ с Дайхатино прекратили свой пост и возрадовались выпавшему на их долю приключению. Добыли змея с оленем? То была мелкая забава по сравнению с уловом Котаро. Они тепло поздравляли друг друга с удачей.

Приключения братьев Гото

Потом Котаро заговорил о серьезных вещах. «Настало время уходить. Однажды данное обещание надо выполнять. Провожатые доведут нас до водопада, расположенного в 1 ри (4 километра) от Хираи-мура. Таро возьмем с собой в качестве заложника. Этим женщинам надо отпустить на свободу. Вот так следует поступить». Разбойники слушались их покорно и отправились с самураями, чтобы освещать дорогу в долину с помощью факелов. Определив заложника Тикуму в середине, взяв с собой женщин, три наших самурая приготовились идти следом. «Эти ребята всегда найдут место для убежища, если ситуацию оставить в нынешнем состоянии», – брюзжал Хёсукэ. Поросычьи глазки Тикумы сверкали ненавистью, пока женщины собирали солому, ширмы и масло. Всю эту кучу подожгли, и очень скоро все здание, где обитали разбойники, объяло огнем. После этого при ярком освещении пламенем пожара все двинулись вниз, в долину. У водопада Котаро мрачно повернулся лицом к участникам банды. «Вам сохранили жизнь. Я обещал отпустить вашего главаря». Разбойники попадали ниц. «С трепетом и почтением примите искреннюю благодарность, – продолжил свою речь Котаро. – Точно такое же обещание освобождения и награды щедро дал мне, как врачу, ваш Тикума. Вы получите его тело, а мы хотим забрать его голову». Он взмахнул мечом, и волосатая реликвия покатила по земле, сверкая глазами и шевеля губами в безмолвном выкрике возмущенного протеста.

Разбойники не стали дожидаться особого приглашения и тут же разбежались в разные стороны. Спихнув тело главаря банды в пруд у подножия водопада, Котаро и братья Гото продолжили путь с женщинами в их деревню. Здесь Косукэ сохранял бдительность. На крик снаружи открылась калитка. Молодые люди вошли и простерлись в приветствии перед своим отцом. Косукэ перевел взгляд с них на женщин. «Как прошла охота?» – задал он вопрос. Дайхатири вышел вперед: «Увы! Вот все, что удалось добыть». Он положил перед рока тушу оленя. «Средненькая добыча», – произнес Косукэ. Тогда вперед вышел Хёсукэ и показал отцу парусиновый мешок. Косукэ огромными от удивления глазами посмотрел на голову змея, которую сын вытряхнул из мешка. «Настоящее чудовище! Раны от стрел служат свидетельством сноровки Хёсукэ. А это – охотничьи трофеи Котаро? Неплохая добыча!» Он махнул рукой в сторону группы симпатичных девушек, распростершихся, выражая свое почтение. Котаро ответил: «Не совсем так, милостивый государь. Эти женщины находятся в вашей высокой власти и распоряжении. А вот еще один трофей в дополнение к той же самой добыче». Он передал Косукэ свой охотничий мешок. Когда мешок развязали, из него выкатилась лохматая голова Тикумы Таро. Косукэ остолбенел от неожиданности. «Чья-то голова, даже когда ее с нетерпением ждут, всегда оказывается большим сюрпризом. Котаро действовал достойно. А теперь рассказывайте, что там у вас случилось». Тут же последовал подробный отчет. Послали гонца к родителям освобожденных из плена разбойников женщин. С подарками их отправили по родным домам. Избавление от плена злодея Тикумы, на которое никто не рассчитывал, вызвало глубокое уважение к самураям и самую искреннюю благодарность. Среди жителей всей сельской местности распространилась чудесная легенда. Она дошла до ушей Сукэсигэ, который совсем недолго пребывал в неведении о заслугах Косукэ. «Кэраи дома Сатакэ теперь назначается кэраи Огури. Вызовите их незамедлительно письмом». Перспективы, открывавшиеся перед его сыновьями, обрадовали Косукэ Тамэкуни. Для него самого и для Косиро теперь появлялась задача на всю жизнь, а Сукэсигэ с оптимизмом принял извинения и реабилитацию. Было предоставлено освобождение от присутствия для выполнения более важного дела.

Глава 5

Доблестные воины Огури: братья Катаока, Икэно Сёдзи и братья Казама

С самого начала к доблестным воинам Огури добавились еще два новобранца. В скором времени после того, как Котаро и братья Гото получили назначение в свиту Сукэсигэ, тот предпринял личную инспекцию ближайших окрестностей своего замка. Именно по такому поводу он однажды выехал из своего дворца в сопровождении каро Танабэ Хэитаю со свитой. По глазам пожилого человека можно было прочесть спокойное удовлетворение, когда его юный господин выразил одобрение по поводу ухоженного и цветущего состояния поля с домом земледельца. Признаков беспорядка, разбойников или других проявлений халатности властей обнаружить не удалось. Сукэсигэ спешился, лошадей оставили на попечение слуг, и хозяин со свитой отправился пешком на прогулку по узким тропинкам, разделявшим рисовые поля. Как раз наступила страда, и урожай складывали в амбары. Земледельцы, вооруженные мотыгами, лопатами и серпами, добросовестно трудились в полях. Люди с мотыгами и лопатами занимались ремонтом насыпей, окружавших рисовые чеки, с серпами – жали остающийся созревший урожай. Дня не хватало, а работы оставалось еще много. Времени не было даже на то, чтобы сходить в деревню за продовольствием. Соломенные циновки, служившие дождевиками, стелили на землю, и трапезу принимали всем обществом. Когда Сукэсигэ прогуливался по дамбе высотой до локтя, ведущей к более широкой дороге, он услышал голоса. Его внимание привлекла одна сцена, он остановился, и всем сопровождавшим его сановникам пришлось поступить так же. Эти два молодых человека – земледельцы, практически мальчишки, так как старшему было не больше 18 лет от роду, делили трапезу. Очевидно, что они были братьями, и в спокойной манере спора по поводу превосходства старший из них настаивал на подчинении ему младшего, а тот отказывался это делать. «Коси (Конфуций) утверждает, что младший брат должен подчиняться старшему, который для него считается отцом. Ты, брат, ни в коем случае не заставишь меня нарушить основополагающую заповедь этого мудреца». – «На то он и мудрец, чтобы рассуждать мудро, брат, – ответил старший брат, – но этот же мудрец говорит, что старший должен заботиться о младшем и ограждать его от бед, а младший обязан подчиняться старшему. Последнее время тебе нездоровится, и тебе нужна питательная еда. Сдоблаговолика утолить свой голод, так как тебе сытость нужнее». – «Нет, брат, я полностью поправился. Такая доброта характеризует достойного брата, однако долг требует, чтобы как раз ему отдавался приоритет». – «Нет, брат...»

Сукэсигэ обратился к Хэйте с вопросом: «Кем могут быть эти юнцы, отличающиеся таким четким выражением заповедей мудреца в своей речи? Судя по одежде, их можно отнести к земледельцам, а по манерам, учтивости и грамотной речи они относятся совсем к другому разряду подданных. Хэйта, распорядись разузнать, кто они». Итак, Танабэ отошел от свиты и привел одного из земледельцев. Тот распростерся во весь рост перед полномочным каро своего владыки. Танабэ спросил: «Кто вон те два юнца, работающие на насыпи? Говори быстро и сообщи его светлости всю информацию, что ты знаешь». Земледелец отвечал: «С трепетом и уважением отвечаю на ваш вопрос. Это сыновья некоего Катаоки Кадаю, который поселился в нашей деревне двадцать лет назад. Кадаю считался человеком грамотным, хотя и вел жизнь простого земледельца. К тому же он обучал детей письму в том объеме, который мог пригодиться в повседневной жизни. Он выступал в качестве деревенского сэнсэя (учителя и большого знатока). К своим собственным детям он предъявлял самые суровые требования; жена и ребенок одинаково беспристрастно воспринимали его отповеди. Он всегда требовал абсолютной вежливости, учета интересов других людей и предельной честности. Он говорил, что лжи

и обману дети учатся у своих родителей. Если их не будут учить добру старшие, то от сверстников они ничему хорошему не научатся. Сам он всегда следовал такому принципу, и в этом заключалась его добродетель. Когда мальчики стали подрастать, на нашу деревню свалилась эпидемия. Кадаю с женой погибли. Жители деревни взяли этих молодых людей на поруки. В скором времени им должны выделить участки земли, и их внесут в официальный реестр землепользователей. Причем каждый земледелец с радостью наставлял и воспитывал этих юношей в их ремесле, так высоко их ставили в деревне. Старшему из них 18 лет, а зовут его Катаро Харунори. Младшего зовут Кадзиро Харутака, и ему 16 лет». Такой была информация, которую Танабэ принес своему владыке. Сукэсигэ приказал: «Приведите их ко мне».

Прибывшие по вызову юноши держались уважительно, но без особого страха. Распростершись перед своим владыкой, они ждали вопросов с молчаливым самообладанием. Всем поведением они демонстрировали достоинство, нехарактерное для неотесанных земледельцев. Сукэсигэ начал допрос: «Мне сообщили, что вы приходите сыновьями Катаоке Кадаю, поселившемуся здесь несколько лет назад со своей женой. В войске его высочества сёгуна Минамото Акинобу служил Катаока Нобухару, считавшийся первым его помощником и надежным кэраи его высочества, выполнившим множество тайных поручений. Вполне очевидно, что вас воспитали совсем не как земледельцев или представителей подлого сословия. Расскажите мне о вашем положении и происхождении». Отвечать стал Харунори: «С почтением и поклонением нижайше уяснил ваше указание. Совершенно справедливо то, что нас не совсем правильно относить к сословию земледельцев. Наша семья лишилась своего состояния из-за заката и краха Южного двора. После окончательного поражения сыновей Нитта тайсё (Ёсисада) наш отец Харумицу утратил последнюю надежду на благоприятный для него исход дела. Его отцом был Нобухару, которого особенно недолюбливали представители группировки Асикага в Камакуре. Осознав, что южной группировке ничего доброго не предназначено, а также опасаясь за свою жизнь из-за участия в провалившемся предприятии, он бежал на север страны и поселился в деревне под именем Кадаю. Постепенно в определенных кругах стало снова всплывать его имя Катаока. Нам он оставил свою безупречную репутацию, свой меч, а также меч нашего деда. Для земледельцев имя Катаока не подходит, как чересчур громкое. Нас же зовут просто Катаро и Кадзиро. Вот и все, что можно сообщить нашему владыке с глубочайшим почтением». Заговорил Сукэсигэ: «Таким, как вы, не подобает прозябать среди земледельцев. Поэтому вас следует зачислить в мою свиту в качестве самураев. Теперь, получив мое указание, незамедлительно ступайте во дворец». Катаока кёдай (братья) так и сделали; теперь Катаро и Кадзиро стали служить самураями Огури Сукэсигэ.

Подготовительные мероприятия ханвана, посвященные выполнению его задачи, в скором времени перешли в такие вот энергичные руки. Генеральная комиссия, назначенная князем Мотиудзи для работы в Хитати и Симосе, а также для надзора за разбойниками в этих провинциях, вот-вот должна была приступить к работе. Во время одной из своих облав на эти мелкие дворянства Сукэсигэ прошел всю сельскую местность на 20 ри (80 километров) в южном направлении. Подати из провинций перестали поступать. И со своим ближайшим окружением под видом странствующего самурая во главе с приставом Икэно Сёхэй наш ханван медленно отправился в обратный путь. Ему предстоял большой крюк через Симосу в направлении лагуны Касумигаура, глубоко вдающейся в территорию Хитати. По южному краю Цукубасан от этой лагуны до дворца было бы не больше дня верховой езды. На текущий момент они добрались до берегов реки Фудзисирогавы. Обычно течение этой реки выглядело мирным, но в конце лета ее переполнял паводок от дождя, поэтому грязный бурный поток рвал ее берега и несся к морю. Однако удалось обнаружить одну лодку, и сэндо все-таки сомневались в целесообразности риска переправы. Сукэсигэ тем не менее погрузился на поданное ему судно, и свита последовала его примеру. Нетерпеливые путники сгрудились на судне. Лодочники энергичным толчком вывели судно дальше от берега. Как раз в этот момент раздался громкий крик, и

появился бегущий человек. Несмотря на то что лодка уже находилась в 9 метрах на стремнине, он все-таки отчаянно прыгнул. Когда он оказался в лодке, ее качнуло из стороны в сторону. Забури! Внутрь хлынула вода. Как раз рядом с планширом стоял высокий ямабуси (священник на страховке). Это был крупный мужчина пугающей внешности, от вида таких людей дети начинают плакать. С собой у него имелись посох конго и хорагай (конха). Сам он оставался без движения, но из-за качания лодки и бурных волн на реке его поливало водой. Нахмутив брови и крепче сжав свой посох, громко повернулся к дерзкому юноше. Объект его гнева безмятежно занял место рядом с сэндо, не обращая ни малейшего внимания на осуждающие взгляды священника и мирянина. Ямабуси не стал сдерживать своего негодования по поводу поступка юноши. «Кора! Какой грубиян! Такие кодзо (мальчики на побегушках) заботятся только о себе. Ты собираешься извиняться за то, что обрызгал мою одежду этой грязной речной водой? Или ты настолько туп, что ничего не видишь дальше собственного носа или пупка? Но даже глупцам полагается заслуженное наказание». Поскольку юнец никак не реагировал на такие вежливые упреки, их тон пришлось ужесточить. «Эй, сын самки мула! Наказание послужит просветлению твоих мозгов и доставит мне удовлетворение. Яцу (паршивый прохвост)!» Он поднял свой железный посох, как будто для нанесения удара. Юноша повернулся к нему лицом. На этом лице отражался страх как у покорителя демонов Сёки, то есть самый искренний и всеобъемлющий ужас. От неожиданности и испуга ямабуси отшатнулся. Пятясь, он споткнулся о свой посох и полетел вниз головой прямо в бушующий поток, а его посох описал в воздухе красивую дугу. На какой-то момент его рука появилась среди волн. Потом священник пропал из вида, унесенный вниз по течению стремительными потоками воды.

Среди простого народа, сгрудившегося на баке, пробежал недовольный шепот. «Страшный малый, одним взглядом может убить человека! – так сказал один из них. – Он даже на человека не похож. Этот ямабуси погиб по собственной неосторожности». – «Прежде чем начинать с ним препираться, следует крепко подумать», – поддержал его другой. Так простой народ обсуждал случившееся и делился друг с другом впечатлениями, трясаясь от страха и от робости не смея взглянуть в направлении юноши или в сторону самурая, питая к нему уважение и опасение. Их взгляды оставались прикованными к ногам. Сами же они выглядели как люди, плывущие по Порожистой реке душ. Юноша, вызвавший все эти волнения, будто бы не заметил разыгравшейся трагедии. «Сэндосан, неужели вы позабыли навыки управления судном? Ну-ка, дайте! Я подсоблю!» Подхватив весло, он опустил его в поток. Мгновение, и лодка понеслась по бушующей воде. Сэндо добавили собственных энергичных усилий, и в скором времени переправу удалось успешно завершить. В спешке забыв поблагодарить лодочников, путешественники покинули судно, как будто спасались от когтей тигра.

Молодой человек стремительным шагом двинулся в деревню. Сукэсигэ остановил свою свиту рядом с паромом. «Сёхэй, какой выдающийся парень! Такое проявление уверенности и силы в людях встречается редко. К тому же громадный детина; разузнай, кто он?» Сёхэй обратился к сэндо: «Сэндо, кто тот юноша, что так круто обошелся с ямабуси? По правде говоря, мы желаем ему добра». Сэндо ответил: «Сделать это совсем не сложно. Он живет тут рядом. Его зовут Коята, и ему 19 лет от роду. Его отличает большая физическая сила и нежная сыновья любовь к матери, вместе с которой он живет. На протяжении месяцев разбойники нападают на жителей сельской местности. Земледельцы, не осмеливающиеся покидать свои деревни даже днем, страдают от голода, у них отбирают нажитое имущество, а также крадут девушек. Если бы не Коята, никого бы в живых не осталось, ведь он считает своей задачей отлов этих самых разбойников, и никто из них не осмеливается становиться у него на пути. На самом деле его называют богом Дзясином, а кое-кто даже уверяет, будто может этот факт доказать. Только вот ему не удастся поспевать повсюду. На нынешний момент он считается единственной надеждой жителей деревни. Хотя бы здесь народ чувствует себя в относительной

безопасности и не боится вреда». – «Веди нас к его жилищу. Поможешь нам – не пожалеешь». Вслед за сэндо самураи и их владыка отправились к дому Кояты.

Его дом находился на возвышенном месте, недоступном для паводков, которые случались на реке. Крытый тростником сельский дом располагался в тени громадного дерева катальпы (хисаги), а с улицы его ограждала стена колючего кустарника (ибара). Отпустив сэндо и снабдив его щедрой подачкой на выпивку, Сёхэй подошел к двери. На зов из дома вышла пожилая женщина. Увидев самураев в толстых соломенных шляпах, рваных и изношенных варадзи, а также с огромными мечами, она отнеслась к ним с недоверием и страхом. «С почтением и уважением к вам, если что-то пошло не так, как надо, нижайше прошу вашего снисхождения». Сёхэй ответил так: «Нет, ничто не грозит ни тебе, ни твоему сыну; скорее совсем наоборот. Это дом Кояты-сан, не так ли?» Все еще проявляя настороженность, пожилая женщина промолвила: «Этот дом принадлежит Кояте, но, к сожалению, он отсутствует, и вряд ли стоит рассчитывать на его скорое возвращение. Позвольте ли вы мне, ничтожному созданию, передать ему ваше распоряжение?» Сёхэй улыбнулся: «Все обстоит предельно просто. Коята-сан только что продемонстрировал такую решительность и способности, что привлек внимание нашего повелителя, стоявшего рядом. Он собрался, если все сойдется как надо, назначить его на должность кэраи. При всем этом он совершенно определенно в скором времени явится из деревни, а мы собираемся его дожидаться». Голос пожилой женщины зазвучал увереннее: «Прошу вас, входите в наше скромное жилище. Для такого великого господина, как вы, оно выглядит недостаточно чистым и весьма посредственным, зато в нем можно по меньшей мере спрятаться от палящего солнца». Таким образом, сёгун Огури соизволил войти внутрь скромного дома Кояты. Первоначальная характеристика, данная пожилой женщиной, оказалась весьма неточной. «Все помещение сияло безупречной чистотой. Стены украшали тэяри с боккэн (короткие копыя и деревянные мечи), развешанные рядом с котелками и сковородами, сверкающими как зеркала». Сукэсигэ тронул развернутый свиток, лежавший на дзэне (столе). С лукавой улыбкой он обратил на него внимание Сёхэя. То был труд по военной тактике на китайском языке. Тем временем пожилая женщина подала горячий настой из поджаренных зерен пшеницы. В своем ответе Сёхэю она утверждала, что ничего не знает о текущих намерениях своего сына. «Однако он всегда мечтал о поступлении на службу молодого владыки Огури, добрая репутация которого заслужила широкую поддержку. Следовательно, осмелюсь с трепетом и почтением предположить, что он будет рассчитывать на прощение со стороны вашего почтенного владыки». – «Нет, – со смехом произнес Сёхэй, – ответ уже получен, так как мой повелитель здесь и он к тому же владыка Огури. Так что сделка заключена устами его почтенной госпожи».

Пока он все это говорил, снаружи слышались шаги. Коята звал свою мать. Когда она вышла, он заговорил: «Мама, несколько самураев на пароме переплыли на наш берег Фудзисирогавы. Только вот почему-то, вместо того чтобы продолжить путь, они куда-то исчезли. От греха подальше я пошел в деревню, чтобы они не потянулись за мной. Чужаки не появлялись поблизости?» Мать ответила ему так: «Сын, твои молитвы дошли до Будды и kami. У нас дома тебя ждет юный сёгун Огури с распоряжением о том, чтобы ты поступил к нему на службу в качестве кэраи. Тебе на самом деле крупно повезло встретить на своем пути такого важного господина». Счастливый от таких слов Коята поспешил лично представиться Сукэсигэ. Распростершись на почтительном расстоянии, он выразил свое почтение гостю. «Мы не надеялись и не мечтали о таком почете в нашей скромной хижине. Ваша светлость, не обращайтесь внимания на наш убогий быт, достойный смиренного Кояты, ведь ваша мудрость и отвага приравниваются разве что к вашей доброжелательности». Сукэсигэ промолвил: «Кория! Жилище имеет весьма отдаленное отношение к человеку, обитающему в нем. Говорят, что Мофун из Со (Китай) обламывал рога рассвирепевшим быкам. Но ему не дано было убить громадного мужчину одним только своим взглядом. Говорят, что, обладая мужеством Тёси, ты смог объ-

единить совет Комэй. Отсюда появилось решение призвать тебя на службу в качестве кэраи». От страха, почтения и радости Коята покрылся потом. И в таком состоянии духа он ответил: «С самой почтительной благодарностью подчиняюсь распоряжению моего владыки. Но что будет с моей матерью? Кроме меня, ей некому помочь. По этой причине смиренный Коята вынужден просить отпуск со службы. Как только наступит удобный момент, я буду служить своему владыке со всей преданностью коня и пса». Тут вмешалась его мать: «Ты всегда был достойным сыном. Но вот поступило почетное и долгожданное распоряжение твоего господина. Отбрось все сомнения. Твой долг состоит в подчинении, и, как сын, послушай напутствие матери: иди служить в качестве кэраи владыки Огури. Спокойная жизнь в нашей деревне наладилась, так что не беспокойся попусту». Коята сказал: «Распоряжение надо исполнять. Прошение на отпуск отзывается».

Принесли сакэ и разлили по чашкам. Обряд посвящения состоялся. Коята поступил на службу Огури Сукэсигэ в качестве кэраи. Сёгун подарил ему меч с позолоченным украшением, и Коята распростерся перед господином с уважительной благодарностью. «Вацу! Если бы заранее знать о визите моего владыки, принес бы его сюда на собственных плечах». И по его громадной фигуре можно не сомневаться в том, что такое вполне возможно. Потом его мать обеспечили всем необходимым для достойной жизни, и к тому же за нее замолвили слово перед местным нануси. Теперь имя Коята слишком часто упоминалось в хижинах и на рисовых полях, и оно не совсем соответствовало нынешнему положению его в качестве кэраи. Так случилось, что у Икэно Сёхэя не было детей. Поэтому он с большой радостью принял Кояту в свою свиту. Для написания имени Сёдзи он выбрал иероглиф «сё» своего приемного отца, а для присвоенного имени Сукэнага ему даровали иероглиф «сукэ» из имени его господина. Великой была радость этого самого сильного и влиятельного из Десяти доблестных воинов Огури. Самым старшим и самым способным среди них числился Гото Хёсукэ. Именно ему поручались обязанности каро при Огури Сукэсигэ во время последующих рискованных предприятий.

Когда все было готово, чтобы снова отправиться в путь назад в город Огури, Сукэнага простерся перед своим господином. Сукэсигэ спросил: «Говори, какое поступило прошение?» Сёдзи ответил: «Неподалеку на горе Цукуба находится пользующееся дурной славой логово разбойников. Их возглавляют братья Казама, и эти бандиты установили свою власть над всем районом к югу от горы Цукуба. Они грабят земледельцев, а также облагают их данью по собственному усмотрению. Братья отличаются недюжинной силой и отвагой, представляются настоящими дьяволами, появившимися из Сюрадо (ада войны). Сёдзи следует послать смиренное прошение нашему господину, чтобы он по возвращении принял решение по поводу этих негодяев». Сукэсигэ ответил: «Правильное предложение, достойное такого храброго и сообразительного человека. К тому же было бы несправедливым лишать жителей района их защитника, не освободив от такого тяжелого бремени. Для разгрома разбойников будет достаточно нашей нынешней свиты. Отправляемся к Цукубасану, а поведет нас туда Сукэнага». Икэно Сёдзи зарычал от радости и ударил себя по колену. «Его светлость составил гениальный план. Чем меньше участников облавы, тем беспечнее будут себя вести разбойники. Прошу разрешения выдавать самураев за торговцев рисом. При такой маскировке никакие сообщения не уйдут об участниках операции в горы». – «Надежно и четко продумано», – заключил Сукэсигэ. Такое предложение получило незамедлительное одобрение. Поверх шелкового платья самураи натянули одежды торговцев из грубого сукна, которые удалось отыскать в деревне. Переодевшись, Сукэсигэ с рото, то есть всего семнадцать человек, отправились в горы. Гора Цукуба представляет собой сложную систему, состоящую из двух основных вершин с многочисленными складками и долинами между ними. Этот горный массив поднимается с равнины, и его многочисленные хребты простираются от Цукубы строго на юге до Амабикиямы на севере. Самыми заметными пиками среди них числятся священные горы Асиосан и Кабасан. При значительной высоте больше 900 метров эти горы представляют собой приметный объект на равнине Симоса

Мусаси, на котором можно поставить сторожевые башни по флангам, чтобы следить за подходами на протяженном пространстве во всех направлениях, а также за движением по рекам, омывающим собственные отроги, а также горы Симоцукэ и Северной Хитати. Гора Цукуба посвящена основателям самой Японии, а также ее сыновьям, то есть поколениям Идзанаги и Идзанами, бесстрашно и чудесно выполнявшим эту задачу. Таким образом, с незапамятных времен объектами искреннего поклонения здесь служили алтари, возведенные на вершине, к тому же издавна здесь существовал фаллический культ этой горы. Хозяева самой горы никогда не вмешивались в дела паломников или их представления о мире. Постоянными посетителями этих алтарей числились представители низшего сословия из соседних деревень. Из страха или уважения паломникам скорее оказывалась помощь, чем чинились препятствия.

На правом берегу Сакурагавы (к тому же называвшейся Цукубагавой) совсем недалеко от деревушки Кунимацу находился постоялый двор Сикароку. Здесь действовала переправа для путников, служащая связующим звеном для районов, лежащих вдоль двух берегов реки. Этим в известной степени оправдывается появление такого причудливого заведения в такой безлюдной местности; но профильное занятие его тэйсю (владельца) заключалась в поддержании связи с бандой разбойников в горах, сбыте награбленного имущества и похищенных женщин в Камакуре и даже в Киото. Когда компания Сукэсигэ еще только приближалась к его постоялому двору, этот жирный негодяй уже потирал руки в предвкушении барыша. На рока его кодзо (помощники) сложили высокую гору багажа. Будущие гости казались словоохотливыми и шумными. Хозяин постоялого двора улыбался, когда показывал им апартаменты, выходящие окнами во внутренний сад его дома. Перед постояльцами выставили настой поджаренного пшеничного зерна (муги). В низком поклоне Сикароку ждал распоряжения. Гости заказали незамысловатое угощение, соответствующее успешному завершению определенного пути: сакэ с рыбной закуской, а также любые деликатесы, которые можно найти на месте. Сикароку выразил свое почтение и извинения, потом вышел, польщенный тем, что одного из гостей, отличавшегося статью, он уже знал по старым слухам как сводника из города Мито. «Руководитель у них человек молодой и недалекий. Торговцы всегда служили легкой добычей для наших благородных вожаков с гор. И кisetом с золотым песком! Теперь их надо так угостить, чтобы они все перепились в дрова». Подогрели сакэ, подготовили ванну и гостей пригласили всем этим насладиться. Когда гости собрались снова, к пиру все уже было готово. Прислуживавшие женщины подливали вино без ограничений, ничуть не скупясь. У Сикароку скопился запас товара на отpravку: то были красавицы, свезенные из соседних районов. Под строгим взглядом своего владельца они вели себя с гостями предельно вежливо и почтительно. Когда гости вошли во вкус попойки, Сукэсигэ, убедившись в том, что момент для воплощения задуманного в жизнь назрел, ушел, чтобы составить послание в горы. Потом он вызвал своего банто (слугу): «Гости уже порядком набрались. Девушки напоят их быстро. Дэнкити, тебе предстоит спешно доставить это письмо в горы вожакам Казама. По сути, в письме дано представление о данном первом путешествии. Если сторожа начнут расспросы, скажи, что Сикароку принял группу купцов численностью семнадцать человек, которые в настоящее время беспечно пируют на его постоялом дворе. По откровенно демонстрируемому богатству можно предположить, что они – птицы высокого полета, а не просто воробьи и к тому же они ничего дурного для себя не подозревают. Главарям разбойников можно рассчитывать на богатую поживу, которая сама идет к ним в руки». – «Ваше распоряжение выслушал с почтением и уяснил». С этими словами озадаченный Дэнкити скрылся в направлении реки. Там он взял лодку, проплыл некоторое расстояние вверх по течению, чтобы сойти на берег и отправиться в горы.

Одного только человека не радовал пир на постоялом дворе – Икэно Сёдзи Сукэнагу. «Слишком уж нас потчуют вином с табо и развлекают для пользы дела, которое мы тут затеяли». Он потихоньку покинул пирушку. Тем временем Дэнкити уже поднимался в лодке вверх по течению реки. Откуда-то снизу доносился какой-то шелест. Причем он совсем не походил

на шум воды. Дэнкити, взглянув вниз,¹⁹ увидел, как приподнимается подстилка. Потом появились две огромных руки, схвативших его за горло, как железные клещи. Он попытался было сопротивляться, но его руки бесцельно цепляли воздух, а глаза в ужасе полезли из орбит. Так он и погиб. Сёдзи сразу же обыскал тело и завладел письмом хозяина постоянного двора, предназначенным разбойникам. Швырнув труп за борт в реку, он взял весло и энергично погреб к причалу. Спрыгнув на берег, он попал на горную тропу, проходившую рядом с рекой, и начал взбираться по склону. Через милю пути (13 или 14 тё) он лицом к лицу столкнулся с дозором разбойников. По их требованию он рассказал о якобы порученном ему задании. В дозор назначили разбойников, поручив проверять всех приближающихся к горе путников, а также задерживать всех подозрительных или опрометчивых выгодных странников, блуждающих в пределах мест их патрулирования. Их вооружили нагамаки (мечами с длинными рукоятками), а также привили им некоторое понимание дисциплины. Письмо от Сикароку послужило своего рода пропуском через пикет, и Сёдзи отправили еще на милю вверх по тропе, где его должны были допросить более умелые участники шайки. Там он и нашел каменные ворота, охраняющие подходы к цитадели разбойников. На посту находилась дюжина сторожей. Допрос здесь состоялся в той же острой манере, зато обыск провели еще тщательнее. «Письмо совершенно определенно написал Сикароку, но тебя никто не знает на нашей горе». На это Сёдзи ответил так: «Идза! Я, Дэнкити, совсем недавно в ваших местах. Сикароку приходится мне старшим братом, а я жил в Хораге. Старый банта Энсити больше никуда не годится, и он отправился к себе домой в Тамба-Кумасити с последней группой женщин, отправленных в Киото. Так как он не вернулся, мой старший брат назначил меня на его место». – «Хорагэ находится совсем недалеко», – вставил один из стражников. Второй добавил: «Известно, что у Сикароку есть младший брат, живущий там. Так что там за купцы?» – «По всей видимости, игра стоит свеч, – ответил Дэнкити. – Они напиваются в дрова, женщины держат их в своих руках, и больше купцов ничто не волнует. Их старшина – человек молодой и неопытный, не старше нашего Дэнкити. Купцы сорят деньгами, и многочисленные свои упаковки с товаром они оставили на попечение тэйсю». – «За кияку ты получишь кяку (оплаченную сделку). Наш вожак собрал передатку для тэйсю, причем и с крыльями, и без них. Но с ее отгрузкой можно подождать. Тем временем предупреждение следует донести в срок. Отдохни-ка пока здесь».

Ждать пришлось недолго. Предприятие сулило слишком много, чтобы упустить такой шанс. Письмо прочитал Казама Хатири. И сразу же позвал своего брата Дзири. «Долгожданные известия пришли с постоянного двора Сикароку, брат. Он приютил жирную добычу – купцов, возвращающихся домой с товарами и набитыми деньгами карманами. Они немногочисленны, и с ними не составит труда справиться. Он требует свою долю как всякий лавочник из Камакуры, старый скряга!» Дзири призадумался: «Ханван Огури еще не вернулся в свой дворец. Надо бы проявлять осмотрительность. Он молод, но в своих письмах Сикароку из Камакуры характеризует его как человека редкой отваги и дальновидности. Осмелюсь предположить, что против нас замышляется что-то недоброе. Давно купцы такого рода не осмеливались вторгаться на территорию вблизи нашей горы. На самом деле поля у нас совсем отощали, и совершенно очевидно выгоднее отправляться в районы побогаче». – «Брат, успокойся, ничто нам не грозит, – настаивал Хатири. – С почтением и уважением прошу разрешить Хатири осуществить такое несложное дельце. Даже если там на самом деле гостит сам ханван, численность его свиты слишком мала, чтобы оказать достойное сопротивление. Без сомнения, мы имеем дело с простыми купцами, ведь он никогда не решится посетить такое место, как наше, с совсем небольшим сопровождением самураев. Огури находится не настолько далеко, чтобы

¹⁹ Японский гребец занимает место сзади и выше палубы лодки. Он гребет поворотом весла; не достает его из воды, разве что при отработке на задний ход, когда требуется изменить курс плавания или повернуть лодку. Такие лодки отличаются большим весом, глубокой осадкой и плоским дном, причем речных паромов это тоже касается. Табо – женский способ подвязывания волос. Используется как в нашем выражении – вино, женщина и песня, то есть женщина.

там не знали имени Казама. Умоляю, дай свое одобрение». С большой неохотой брат разрешил Хатиросе заняться этим предприятием по собственному разумению. В скором времени в воротах появился сам торицуги (дежурный привратник). «Принято решение отправляться в путь. Возглавит отряд Хатигасира (вожак Хатиросе)». Сёдзи выпалил: «Яцугасира (паршивый мерзавец главарь)?» – «Нет, глупец, Хатигасира – сам вожак Казама Хатиросе. Ты пойдешь с разбойниками. Держись в рамках приличия и береги голову». Курьера привели к вожаку банды. Тот оказался могучим мужчиной с длинными черными волосами, копной собранными на затылке и торчащими из-за его массивной головы. Выглядел тот очень грозным повелителем. Главарь разбойников резко спросил: «Это тот Хорагэ Дэнкити с постоянного двора Сикароку?» Ответ Сёдзи прозвучал так: «Свидетельствую свое огромное уважение и страх. В деревне Хорагэ я родился, Дэнкити – мое короткое имя. Отсюда происходит кличка Хорагэ Дэнкити». – «Один момент, – прорычал Казама. – Ты большой человек, такой же большой, как Хатиросе, способный подчинить себе всю деревню. Мог бы подыскать себе работу повеселее, чем банто при постоялом дворе. Там ты только растолстеешь, а в конечном счете тебя заставят заниматься спортивной борьбой». – «Покорнейше благодарю, вас я выслушал и все уяснил, – ответил Дэнкити. – А что передать моему господину?» – «Скажи ему, что на его послание ответит лично Хатиросе и произойдет это через пару часов. Эта ночь пройдет быстро». С этими словами Дэнкити передал в распоряжение многочисленных караульных. Дисциплина у разбойников поддерживалась на должном уровне, часовые несли службу бдительно и бодро. Все это подметил наш толковый лазутчик. Разбойниками руководили выдающиеся люди, хотя и молодые.

Итак, Казама Хатиросе вооружился для проведения опасной вылазки. Он взял длинный нагамаки, надел шлем и кирасу, сиявшую декоративным шелком, его мощные ноги защищали когусоки (доспехи для защиты нижних конечностей). Его тридцать человек в пестрых одеждах напоминали войско Фальстафа. Он повел своих людей к подножию горы, чтобы на лодке добраться до постоянного двора. Тем временем на постоялом дворе пирушка шла своим чередом. Женщины источали непреодолимое очарование и податливость, а мужчины позволяли себе с ними все до логического предела. Икэно Сёдзи незаметно вошел и занял свое место. Среди пестрых одежд честной компании Сукэсигэ просто затерялся. Сёдзи нахмурился. Потом, позевывая, коротко спросил: «Где этот тэйсю? Позовите его сюда составить нам компанию. Нам становится скучно развлекать самих себя. Пусть он поведаст нам легенды этой горы и сельской местности ради приятного времяпрепровождения». Сикароку было нечего возразить. И нечем было отвлечь внимание гостей, пока Дэнкити вернется с двумя бандами Казама. Итак, тэйсю уважительно присел на корточки на краю апартаментов и начал свое представление. Работники постоянного двора и служанки собрались внутри послушать. Сикароку провел на этой горе много лет и присутствовал на многочисленных разнузданных мацури (гулянках). В его легендах при подробном их изложении присутствовали эпизоды, приводившие в конфуз пары, и эпизоды посещений священной горы призраками. Сёдзи поднялся, как будто чтобы выйти ненадолго. Он прошел позади Сикароку. В следующий момент голова тэйсю скатилась на пол. Все рото Огури мгновенно были на ногах, окружив Сёдзи. «Аре-ё! Аре-ё!» Женщины припали к земле и подняли пронзительный крик. Сукэсигэ сказал: «Вот и настигла Сикароку кара Небес за долгие годы его злодеяний. Не бойтесь. Никто вас здесь не обидит. Сёдзи, перед вами невинные девушки, неспособные принести нам вреда». Сёдзи ответил так: «Как женщины, они родились кошками без чувств, зато вероломными существами. Ваша светлость человек великодушный, но когти им следует обрубить, и безопаснее всего надежно их где-то запереть перед тем, что должно случиться, для их же и нашего блага... Есть ли здесь подходящее место?» Он хмуро повернулся к женщинам. Они хором ему ответили: «Здесь есть просторная кура (кладовая), и там поместятся все. Просим сохранить нам жизнь. Мы не оказываем ни малейшего сопротивления». В слезах они по очереди простерлись перед пугающим их человеком и его более милосердным господином. Со слугами и женщинами их отвели в

кладовую и надежно заперли внутри. Затем Сёдзи представил своему господину отчет о своем посещении горной цитадели разбойников. Сукэсигэ сказал: «Через короткое время разбойники будут в нашем распоряжении. Теперь займемся выполнением нашего замысла». Все рото энергично взялись за дело.

Казама Хати́ро со своей шайкой высадился на берег и приблизился к постоялому двору. Шел десятый месяц (ноябрь), и лили затяжные дожди. Все дышало покоем, как на кладбище. Хати́ро произнес: «Вино Сикароку оправдало себя полностью. Пусть кто-нибудь из вас сходит и посмотрит, что там творится. А потом вернется и доложит об увиденном». Отправленный на разведку человек ничего не обнаружил. Он не нашел даже следа пребывания в этом заведении Сикароку, его мужчин и женщин. Везде было темно, а постоялый двор заперли со всех сторон. Хати́ро сказал: «Идет-то всего лишь час свиньи (с девяти до одиннадцати ночи). Сикароку наверняка ждет нас. Похоже, его гонец где-то задержался, и мы его опередили. Все – вперед!» В спешке разбойники принялись ломать и растаскивать деревянные панели (амадо). В скором времени появился пролом, и они ворвались внутрь через рока. И тут же попали в коварную ловушку. Они стали путаться в норуку,²⁰ расстеленной у входа на террасу. Замешательство возникло само собой, но тут разбойники начали толкаться и запутываться в сложной системе натянутых в разные стороны веревок. Чем энергичнее они пытались вырваться, тем отчаяннее становилось их положение. Все рото Огури одновременно набросились на них, начав рубку и сечу в покоях, теперь уже ярко освещенных факелами, которые Сукэсигэ спокойно зажег и расставил по положенным местам. В мгновение ока Казама Хати́ро потерял половину своей банды, состоявшей из тридцати человек. Оставшиеся в живых разбойники разбежались кто куда, а Казама изо всех сил пытался организовать их отход. На реке они сломя голову попрыгали в лодки и, совсем не заботясь о судьбе своего главаря, погребли против течения. Как только они отошли от берега, между досками появились щели, суда развалились на части, и разбойники оказались в воде. Преследовавшие их рото Огури очень быстро расправились с беспомощно барахтавшимися в воде врагами. Только лишь двое или трое из них добрались до Цукубасана, чтобы донести сообщение об их разгроме до пребывавшего в ожидании Дзи́ро.

Тем временем Казама Хати́ро оставили наедине с громадным самураем, в котором не составляло труда признать прежнего Дэнкити. «Ага! Вот и ты, негодяй! Так все это дело и замышлялось. Тебя ждут Икэно Сёдзи Сукэнага с рото Кодзи́ро Ханвана Сукэсигэ. Привести тебя потребовал наш господин. Ты пойдешь к нему, и там у тебя отрежут эту копну волос, а с ней и саму голову. Сдавайся немедленно, паршивец. Тебе придется беспрекословно подчиниться распоряжению нашего господина». Казама Хати́ро отвечал так: «Второй раз на нашу гору не приходил ни один чужак, но на этот раз вам предоставляется привилегия, и вы можете воспользоваться приглашением. Хати́ро позаботится о вашем юноше владыке!» Он насмешливо щелкнул пальцами и яростно скрипнул зубами. Затем угрожающе взмахнул алебардой, метя в своего противника. Сёдзи проявил большую ловкость. Он уклонился от алебарды, подскочил к Хати́ро и вступил с ним в рукопашную схватку. Между здоровяками завязалась борьба гигантов. Крепко ухватив друг друга, они покатались по полу, поочередно оказываясь наверху положения. Представление завершилось у декоративного валуна в саду. В этот момент по несчастному стечению обстоятельств Сёдзи находился под разбойником. Но Казама Хати́ро не мог воспользоваться примером Санады Ёити, не мог он и позвать кого-то из Бундзо.²¹ Его кинжал находился неподалеку за спиной, и до него можно было дотянуться. Он вытянул руку, чтобы его подобрать. И тут же полетел на спину, поднявшись над полом. Теперь наверху оказался Сёдзи. Тут же он заломил руку Хати́ро за спину и получил возможность передохнуть.

²⁰ Норуку – короткие куски бамбука, связанные вместе. Концы веревок привязывались к доске. При натяжении веревок раздается грохот. Использовалась для отпугивания птиц или предупреждения о приближении парома.

²¹ *Гэмтэй Сэйсуйки*. С. 533–534. Подтв.: *Сайто Масаси-бо Бэнкэй*. II. С. 29.

Даже с неким уважением Сёдзи осмотрел своего поверженного противника. «Судить тебя будет мой господин, а не я. Пошли!» Подхватив своего пленника совсем без церемоний как мешок с рисом, он доставил его пред светлые очи Сукэсигэ.

Икэно Сёдзи связывает Казаму Хатино

Ханвану с первого взгляда понравился вид его могучего пленника. «Велика сила твоего тела, Сукэнага, и умен составленный тобою замысел. Вот уж точно: могучий умом и телом человек. А это – пресловутый Казама Хатири? Освободите его от всех пут». Смущенный и ошарашенный вожак разбойников простерся перед повелителем. Сукэсигэ начал свою речь так: «Судя по твоим взглядам и действиям, разбой не совсем тебе по душе. Как человек твоего склада, такой молодой и перспективный, может заниматься совсем сомнительным делом, осуждаемым и презируемым всеми добропорядочными мужами, понять трудно. Однако в задачи вашего Сукэсигэ оказание чрезмерного нажима на храбрых людей не входит. Выбери для себя новый путь, займись честным добыванием средств на жизнь, и придет прощение. Нет! Надо бы рекомендовать ваши имена сёгуну Мотиудзи, это, совершенно определенно, пойдет вам только на пользу. Что скажешь?» – «Такая благожелательность, – отвечал Казама Хатири, – да еще в подобном исполнении – вещь неслыханная. Со времен Сюна из Со (Китая) никто из злодеев не удостоивался подобной милости. Не передать словами всю глубину благодарности, не выразить величину страха, охватившего меня, Хатири. Позволь мне отправиться в мир иной к моему брату Дзири, чтобы обратиться к нему на путь истины, чтобы передать ему весть о том, что ваша светлость готовы принять братьев на свою службу самыми последними людьми». Сёдзи тут же выступил с протестом: «Осмелюсь просить вашу светлость ничего не предпринимать и не слушать медоточивые речи этого негодяя. Не выпускайте тигра из бамбукового леса площадью тысяча ри (большое пространство), ведь этот разбойник просто надеется призвать своего брата Дзири на отмщение. За его силу Сёдзи может ответить. Его безнравственность и лицемерие известны всем. Он опасный для общества тип. Не соизволит ли ваше высочество приказать мне отсечь ему голову?» Но Сукэсигэ подал дружелюбный знак помолчать, а Казама – знак, что тот свободен. Пораженный таким исходом своего дела разбойник поклонился до земли и, спотыкаясь, отправился прочь с постоянного двора на дорогу, ведущую на гору Цукуба. Когда тот ушел, Сукэсигэ сказал: «Милосердие – первое средство, а меч – последнее из всех имеющихся. Так гласит кодекс поведения самурая. Предупрежденный братом о нашем подходящем предложении Дзири раскается в своем порочном поведении. В таком случае пользы для нас будет гораздо больше. Кроме того, со второй попытки им светит больший успех, чем с первой. Сукэсигэ выбрал бой в открытом поле. Проведение штурма горной крепости потребует больших людских потерь. По возможности таких потерь следует избегать. Давайте подождем и посмотрим, что у нас получится. При этом будьте готовы к любым новым попыткам разбойников». Его рото послушали такие слова и одобрительно похлопали в ладоши; больше всех радовался Икэно Сёдзи Сукэнага. Новые сражения? Они были мясом и напитком для этого голодного человека.

Казама Хатири не пришлось преодолевать весь путь до укрепления на горной вершине Цукуба. Едва он отошел от берега реки, как тут же встретил Дзири, скакавшего во главе отряда из восьмидесяти человек мстить за брата. Дзири несказанно обрадовался и удивился при виде своего брата, все еще живого и здорового. «Ах, какая счастливая встреча! Теперь этому Огури Сукэсигэ стоит преподнести наглядный урок, чтобы он больше не пытался переодеться в чужое платье и выступать против братьев Казама! Он должен побывать на горной вершине Цукуба в нашей крепости, но в качестве пленника, а судьба его будет такой, что этим ковровым самураем из Камакуры предстоит трепетать от страха при всяком распоряжении выступить в поход на нас. Подать коня Хатири-доно! Теперь горные братья со своими бойцами отправятся дальше». Тут Хатири отвесил почтительный поклон своему старшему брату, но не двинулся с места. «Задумайся-ка на минуту по следующему поводу! Я, Хатири, обязан Ханвану жизнью. Другими словами, я родился заново. Кроме того, его слова запали глубоко мне в душу, Хатири. Зачем цепляться на наше никчемное мятежное существование, когда предложено достойное будущее? Рассуди сам, брат, согласишься на перемены в жизни: подадим прошение на назначение нас кэрай при Огури-доно. Потом сама жизнь поставит перед нами, еще молодыми людьми,

задачу – служить в качестве самураев нашему сёгуну». Дзиро посмеялся над ним, а потом пришел в ярость. «Хати́ро, ты находишься под действием чар льстивых речей Сукэ́сигэ, кото́рый просто-напросто пытается заманить нас в ловушку. Если оба брата окажутся в его силках, он запоет совсем другую песню. Нашу горную твердыню разрушат, братьев Казама доставят в город Огури, где порадуют толпу тем, что нас публично распнут, а тела порежут на куски ради собственного развлечения. С Огури Сукэ́сигэ следует разговаривать только на языке оружия. Тогда ему достанется судьба, уготовленная для нас; он должен пасть жертвой своего собственного коварства и при этом послужить развлечением для нашей братии... Что! Ты все еще не отбросил сомнения! Нет, брат, ты у нас совсем перетрусил! Тогда бери коня и возвращайся на нашу гору. Полежи под стегаными одеялами, глядишь, согреешься и восстановишь свое мужество. Выпей сакэ, да так, чтобы кровь побежала не только по твоим жилам, но и перед самими глазами». Презрительно взглянув на брата, он пришпорил своего коня. Хати́ро остался один, бледный от возмущения. «Я, Хати́ро, уже мертвец. Почему бы на самом деле не совершить путешествие в Мэ́йдо (Аид)? Если подчиниться старшему брату, тогда снова придется напасть на Ханвана, а потом подвергнуться осуждению и наказанию». Он стремительно последовал за свитой своего брата, который еще раз улыбнулся, пытаясь взбодрить помрачневшего Хати́ро, как это всегда делал в детстве.

Переправившись через реку, разбойники приблизились к постоялому двору покойного Сикароку. На этот раз все обстояло совсем по-другому. Окрестности ярко освещались, но снова нельзя было заметить ни малейшего признака жизни. Зная, что случилось с его братом, Дзиро взирал на все это с дурными предчувствиями. «Ханван не станет использовать ту же самую уловку дважды. Что он мог задумать теперь? Неужели они испугались, покинули постоялый двор и бежали в сторону Огури? Мы их очень скоро догоним». Один из разбойников предложил: «С почтением и уважением предлагаю провести вылазку». Дзиро удивился: «Что это вон там?» – «Вон там, на вершине горы, виднеется небольшой костер. Без сомнения, кому-то подается сигнал». – «Сомневаться не приходится: все это вызывает большую тревогу. Разделитесь на две группы у подножия той вон горы и обойдите ее с обеих сторон. При таком построении противник не сможет зайти к нам со спины». По приказу Дзиро разбойники все так и сделали, но никого обнаружить не смогли. Тут неожиданно у подножия горы появилась фигура буси верхом на коне. Сукэ́сигэ прокричал: «Так вот, Дзиро, как ты отреагировал на мое распоряжение! Удостоенный прощения, ты пытаешься снова силой навязать мне свою компанию, но тебе вместо милосердия уготовано суровое наказание. Немедленно сдавайся и готовь прошение о помиловании, предоставленном твоему брату Хати́ро». На такое мягкое предложение Дзиро промычал в ответ следующее: «Ага! Ты встретил моего брата вероломством и медоточивыми речами, а не оружием в честной схватке лицом к лицу. Теперь настало время показать, что братья Казама не хуже любого самурая, произведенного на свет в городе Камакуре». Алебарда в его руках завертелась, как крылья ветряной мельницы, и разбойник бросился на Сукэ́сигэ. Парируя удар, Сукэ́сигэ одним движением меча перерубил древко алебарды. Под седлом у Дзиро находился прекрасно обученный боевой конь. В стойлах Сикароку Сукэ́сигэ удалось обнаружить одного простого жеребчика, но такими были его навыки, что животное и человек выступали единым существом. На ум самоуверенному Дзиро начали приходиться недобрые предчувствия. Бросив бесполезное древко алебарды, вожак разбойников вытащил свой меч. Он наносил мощные удары сверху и снизу, справа и слева. Сукэ́сигэ давал противнику порезвиться, отражая его удары со смехом и подначками. Неожиданно лошадь Дзиро оступилась. Сёдзи приблизился с толстым стволом березы длиной футов двенадцать (без малого 4 метра), вырванным из земли. Пользуясь им как палкой для ходьбы, он одним ударом уложил на землю лошадь вместе с седоком. В мгновение ока главаря разбойников связали, как пойманного на охоте кабана.

Казама Хати́ро, услышав шум вооруженной схватки, в спешке объехал гору и выскочил из-за угла как раз в тот момент, чтобы стать свидетелем конфуза своего брата и триумфа победоносного Сёдзи. Последний радостно взревел: «Опять ты приволокся на пирушку без приглашения! Негодяй! На этот раз тебе уж точно не избежать расплаты в силу благожелательности нашего господина!» Казама Хати́ро кипел гневом при виде своего брата, поверженного и обмотанного веревками. С громким криком он бросился ему на помощь. А Сёдзи отступил в сторону. Снова здоровяк взялся за дело. С переломанными коленями несчастная его лошадь упала вниз головой на землю. Казама Хати́ро приземлился в некотором удалении, сокрушенный и беспомощный под тяжестью тела энергичного Сёдзи. Когда буси его связывал, Хати́ро охватила большая ярость. «Трус! Зачем тебе пленники? Отрежь наши головы и отнеси их своему господину. Прояви хоть малейшую жалость». – «С ворами обращаются именно так», – послышался короткий ответ Сёдзи на мольбы разбойника. Тем временем пораженные и перепуганные разбойники попроще наблюдали, как обращаются с их жожаками. «Велика сила братьев, но этот человек выглядит воплощением демона. Наши главари оказались в плену. Они не приходятся нам родителями. Наша задача состоит в том, чтобы спастись самим, а не спасать их. Пора спастись». Они отступили, но тут же пали под ударами рото из Огури, возглавляемыми Сёхэем, или сдались в плен. Всего сдалось тридцать пять разбойников. Остальных перебили, а кое-кто скрылся на территории других областей. Сёдзи поднял своих пленников на ноги и, взяв их за шкуру, привел перед светлые очи Сукэсигэ, занявшего место судьи. Сёдзи встал за их спинами со сжатыми кулаками, готовый вышибить им мозги с первого же удара. Но Сукэсигэ снова приказал освободить их от пут. Он обратился к распростершемуся перед ним Дзиро: «С твоим братом мне разговаривать не о чем. Он младший из вас, подчиняется тебе и, вне всяких сомнений, поведал тебе все. Что хочешь сказать мне? Ты принимаешь выставленные мною условия, то есть исправиться и отказаться от своей подлой деятельности, неподобающей такому человеку, как ты?» Положив голову на вытянутые руки, Дзиро заговорил: «Велико, практически невероятно, великодушие и милосердие нашего господина. Сначала послушайте рассказ о нашей жизни. Мы, братья, родились в деревне Маруяма провинции Мусаси. Когда мы были еще детьми, на нашу деревню напал знаменитый разбойник Цукуба Дзиро. Земледельцев ограбили, и их имущество растащили. Наш отец госи-самурай оказал сопротивление разбойникам. Его с женой подвергли жестокому убийству. Когда нас подвели к Дзиро, разбойники попросили его сохранить нам жизнь. Оставив нам жизнь, этот грабитель забрал нас в крепость на гору Цукуба. Там нас определили к нему на службу в качестве мальчиков-прислужников. Прошли годы. Нам уже было не 11 и 10 лет, а 15 и 14. Наступило время отомстить за родителей. Когда Цукуба Дзиро уснул после одной из попок, мы убили его и отрубили ему голову. При попытке побега нас поймали разбойники до того, как мы покинули окрестности горы. Нас привели обратно на гору, чтобы судить, и предложили на выбор или умереть, или занять место убитого главаря банды. Мы уже привыкли к своей разбойничьей жизни. Ее опасность подходила характеру обоих братьев. Предложение приняли, и в результате братья Казама встали во главе банды разбойников Цукуба.²² С тех пор горная крепость служила нам родным домом. В настоящее время нам 20 и 18 лет от роду. Приносим свои извинения за причинение беспокойства вашей светлости. Просим благосклонно отнестись к нашим словам. Дайте нам надежду на вступление на вашу службу даже в качестве самых последних людей или просим указания вспороть живот в наказание за вызванное у вас недовольство».

Сукэсигэ радостно рассмеялся. «Ну, на службу я вас возьму. Живыми вы принесете больше пользы своему господину. Пусть подадут чашку сакэ для закрепления обряда подчинения слуг своему господину. Никаких суровых испытаний применять не будем». Потом

²² Город Казама находится севернее горы между Мито и Ояма, это знаменитое место. Здесь добывается гранит, а угольный разрез Ибараки простирается немного севернее.

Казама Дзиро обратился к своим разбойникам: «Вы сами видели, что здесь происходило. В соответствии с распоряжением нашего уважаемого господина, если таковое не противоречит его службе, ронин, не считающий себя разбойником по сути и не испортивший свою репутацию, получит право присоединиться к порядочным подданным». Дзиро с Хатиросами отобрали таких людей и представили их Сукэсигэ. Остальных отпустили с подарками, но предупредили их, чтобы они не попадались за своим прежним занятием. После этого Сукэсигэ переправился через реку и спустился с горы. Крепость подожгли, а все удобства, которыми могли воспользоваться разбойники в будущем, уничтожили. Итак, все отправились во дворец Огури. На территории провинции наступил абсолютный мир и покой, земледельцы перестали запирали ворота, а мальчишки с воспитателями спокойно бродили по горным склонам. Так вот братья Катаока, Икэно Сёдзи, а также братья Казама Дзиро и Хатиросы Масакуни стали служить кэраи в Огури, пользуясь полным доверием и признанием своего господина Сукэсигэ.

Глава 6

Восстание Уэсуги Дзэнсю

Пребывание Сукэсигэ в Хитати было недолгим. В конце девятого месяца 23 года Оэй (октября 1416 года) поступило распоряжение его отца отправлять новобранцев Огури маршем в Камакуру для оказания помощи Уэсуги Дзэнсю, известному также как Инукакэ Ньюдо по месту его проживания и его выбритой макушке священника. Познакомиться с ходом этих событий полезно, чтобы понять связку нашего рассказа, и к тому же конкретные подробности современными ему историками толкуются в искаженном виде. В любом случае обстановка тогда складывалась достаточно грозная, чтобы отобилизовать для участия в ее нормализации Сукэсигэ с его Десятью храбрцами. Итак, молодой сёгун отправился вместе с ними верхом во главе 1700 самураев, представляющих род Огури.

Инукакэ Ньюдо с его дурным нравом в конечном счете довел ситуацию до крайнего обострения. В начале 23 года Оэй (1416) во время утонченной аудиенции, не лишенной острых углов и устроенной его сёгуном, главный министр получил отповедь по нескольким направлениям. Отстранение от должности показалось ему тем горше по той причине, что на пост сицудзи выбрали Уэсуги Норимото из дома Яманоути.²³ При его одаренном сыне Норизанэ правительство функционировало в высокомерной манере Уэсуги с полным попустительством расточительству и капризному нраву сёгуна Мотиудзи. При этом обращалось слишком мало внимания на деяния Дзэнсю. Последний удалился в свое поместье, располагавшееся в красивой долине Инукакэ рядом с дворцом Окура (Кубоясики), и там не только просто сосал лапу. Ньюдо Дзэнсю теперь находился с официальным визитом у сёгуна Мицутаки во дворце Мидо.

Мицутака приходился братом Мицуканэ и поэтому дядей Мотиудзи. Более того, у него был приемный сын Мотинака – совсем еще юный, прихоронившийся младшим братом Мотиудзи. Тем не менее его в полной мере коснулись перипетии и завихрения политики в тогдашней Японии. Представленный сёгуну в его присутствии Дзэнсю простерся перед ним и со слезами на глазах сказал: «Когда из мелких недоразумений раздувают большие обиды и ищут оскорбления, где их никто не подразумевает, дела приобретают самый неблагоприятный поворот. Ньюдо считал большим оскорблением то, что его заставляли осуждать своего господина. Послушного ребенка никто не считает подхалимом, а преданного вассала – льстецом. Сюзерена никто не осудил, наоборот, он приехал к ньюдо излить на него свою злость. Прошло совсем немного времени с тех пор, как Норимото подверг сомнению престиж дома нашего владыки, но до сих пор он правит землями в качестве сицудзи, а его сын Норизанэ ждет наследования вразрез со всеми прецедентами. Дверь тюремной камеры остается открытой, а он придерживается правил летящего дракона. Но мир стремительно меняется. События нарастают. Прошу покорнейшее обратить ваше внимание на план, с помощью которого появляется надежда разобраться в этом деле и спасти дом с его предназначением от рук распутного и пьющего князя». Обливаясь слезами, сдерживая горький гнев, сопровождая свои действия тщательно подготовленной речью и грустной улыбкой, он подал свое прошение князю Мицутакэ.

Князя не составило труда убедить в том, что его дому угрожает опасность и что под надзором Дзэнсю спасти этот дом сможет как раз его же сын. Чем дольше Инукакэ Ньюдо улыбался и мягче становился его голос, тем больше он приходил в бешенство, которое считал естественным состоянием души при своем тщеславии. Он тянул время для размышлений, однако Ньюдо продемонстрировал преимущество стремительно поднятого мятежа. «Кроме того, – намекал

²³ При Мицуканэ по примеру сёгуна Киото канрё Канто начали называть себя Кубо; Сицудзи взял себе титул канрё. В Киото не согласились признать такое изменение титула; а истории того времени и современности последовали такому примеру. Сам сёгун узурпировал такой на самом деле принадлежащий императору титул. Его часто называют японский О (царь).

он, – все необходимое уже под рукой, ведь сёгун ничего не подозревает. Один стремительный удар, и этот человек окажется полностью в руках вашей чести. Когда известия дойдут до сёгуна, он смирится со свершившимся фактом и противиться не будет. Таким образом, дом, основанный великим предком князем Такаудзи, будет сиять во всей его славе. Кроме того, наш канто может выставить войско, вдвое превосходящее вооруженные отряды Киото». И в этом он был прав. В основу своих честолюбивых планов канрё Канто положил единство интересов Канто. Верхушка Киото отвлеклась на стремительное назначение и свержение императоров; букэ (Дом сёгунов) и кугэ (придворные вельможи) никак не могли прийти к единому мнению по этим вопросам. В этой связи постоянно замышлялись и осуществлялись мятежи.

Нюдо со знанием дела сообщил князю о наличии средств для практических действий. От Канто к Камакуре двигалось войско самураев, и его отряды уже были совсем рядом. Представители родов Тиба, Нитта, Сибукава, Такэда, Огасавара, Камо Сога, Дои, Насу, Уцуномия, Никайдо, Сасаки, Кидо возглавляли армию численностью 113 тысяч человек, к которой прикнудил отряд Огури. Среди немногих заслуживающих полного доверия отрядов можно назвать рать клана Юки, однако, отрезанные неожиданным маневром, они не могли идти пешим строем или послать в Камакуру гонцов с известиями. В конечном счете в начале десятого месяца (конце октября) это многочисленное войско спокойно овладело всеми входами в город. Воины разбили лагерь при полном вооружении. Даже лошади, казалось бы, соблюдали маскировку и тишину, тихо пожевывая овес и не решаясь им хрустеть. Мицутака и Мотинака из дворца Син-Мидо взяли на себя заботу о великом госте. Удзинори покинул ясики Инукакэ, чтобы взять командование на себя.

В Камакуре узнали о происходящем, когда огромное войско пришло в движение. Великий страх и ужас наступил, когда Дои, Цутия и Тиба покинули Гокуракудзи и вошли в кварталы Сака-но Сита в Хасэ. На противоположной стороне Хитати и Симоса отряды находились в Канадзаве, и им принадлежал контроль над Асахинакиридоси. Там ждали появления западных рекрутов. Отряды Такэды и Нитты двигались на Яманути. Ни о чем не подозревавший Мотиудзи валялся в пьяном забытии. Потом в венчальную камеру в спешке прибыл Кидо Сёгэн Мотисуэ. Он громко постучал снаружи. Поднятый с постели визитерами князь Мотиудзи не мог поверить в привезенные ими известия. Все знали, что Инукакэ Нюдо сказался больным. Его сын Тюму-но Тайсукэ считался таким же необщительным человеком, как и его отец, и таким же отшельником. Мотисуэ плакал от испуга и боли. Увы! Его господин вел себя очень глупо. Враги находились уже рядом, и всю территорию Канто заняли отряды под командованием Дзэнсю. Из-за беспечности его владыки судьба его дома выглядела погибельной. Всю долину Камакура покрывали отряды противника. Надо было бежать до того, как начнется штурм дворца, так как в теснине кварталов ни о какой обороне речи идти не могло.

Когда Мотиудзи в конечном счете удалось внушить необходимость прислушаться к голосу разума, тот в спешке схватил одежду, чтобы переодеться и предстать другим человеком. Мотисуэ ждал его с тридцатью всадниками. У Дзюни-сё они пересекли небольшую речку, протекавшую перед дворцом, и поспешили вверх по горной тропе в сторону Мёходзи и Нагэ-доси.²⁴ Добравшись до деревни Коцубо, они раздобыли рыбацкую лодку и на веслах потопились к берегу возле Юигахамы. Одна из возможностей соединиться с отрядом Сицудзи у его поместья Сасукэ состояла в том, чтобы просочиться по тылам противника, где можно было незаметно проскочить, так как пестрая армия сосредоточилась на узких путях Юигасато. Этот план оправдал себя и принес успех предприятию. Норимото ничего не подозревал, как и сам Мотиудзи. Норизанэ развлекался на пиру с возлияниями сакэ. Скачка продолжалась до

²⁴ Алтарь Дзю-ни-сё относится к двенадцати учреждениям Кумано. Он находится сразу позади Козокудзи, основанного Сёнином Иппэном. Козокудзи принадлежит Амида через Ункэй. О Сёнама-Дзиво в цутидо перед воротами написана история. Здесь жил Нагэдоси-Ходзё Токимаса.

встречи с Уэсуги Сури-но Таю. «Инукакэ Ньюдо при поддержке всего Канто ведет наступление на Кубоясики. Если не найдется средств противостоять ему, тогда все пропало». В конечном счете дело было семейное. Когда Норизанэ застегивал свои доспехи, на ум пришли поэтические строки Тода Когэна:

Непоколебимо стоит дракон посередине нашего мира;
Неподвижно выражение его морды, хотя большие горы дрожат.

Теперь приходили известия о том, что враг вышел на морское побережье. Клубы дыма и пламя поднимались от горящих торговых лавок и жилых домов. А что же происходило в самом госё (во дворце)? Норизанэ завязал иваоби (поясок на доспехах) и приказал подвести свою лошадь. Его первый долг заключался в спасении своего господина, пусть даже ценой собственной жизни. Сколько хватало глаз, со всех сторон приближались флаги отрядов врага. К счастью, он думал больше о грабеже, чем о схватке. Он было приготовился отправиться в путь, но его господин невредимым со своей свитой уже въезжал в ограду ясики Сасукэ. Выдвигавшийся к дворцу Окура враг подошел к Вакамияодзи, но при этом оставил свободным для прохода свой тыл. Через этот тыл они благополучно и проскользнули.

Отряд Норизанэ насчитывал без малого 7 тысяч человек. Мотиудзи лично подобрал для своего дела пять сотен свободных и болтающихся без дела последователей. Тут же разработали диспозицию. Перед входом в долину натыкали кольев и натянули веревки. Оборону со стороны моря доверили Норизанэ и Изумо-но Ками с 2 тысячами воинов. Сатакэ Ума-но Сукэ с 800 воинами охранял лабиринт узких дорог на стороне Сасамэ – Хасэ. В Юки Содаи с тысячей человек следил за стороной Якусидо к востоку. Уэсуги Биттю-но Ками Тонака с отрядом из 800 человек охранял подход к Мирёдо. Опасный участок Кокусёдзи поручили оборонять Миуру с без малого 2400 воинами на фронте Кисёзака.²⁵ Дандзё-но Сёхицу с 800 солдатами вышел вперед к Огигаяцу для ведения оборонительного боя. В тылу оставалось совсем немного отрядов, задачей которых была охрана крутых гор, застав на подходах к приспособленным для обороны объектам и самих этих объектов. В ожидании наступления боевой порядок выглядел в виде крыльев журавля (какүёки). Третий день десятого месяца (23 октября) счастливым не назовешь. На четвертый день (24 октября) у Рокухонмацу (Шести Елок) слышались боевые крики. Осажденные войска подверглись такому сильному натиску, что отряд пришлось отвести от Огигаяцу. При поддержке своего многочисленного войска Инукакэ Ньюдо развязывал войну и лил кровь. Он решительно сорвался с цепи, пытаясь воспользоваться возможностью свести счеты со своим прежним господином. Он мог постоянно вводить в дело свежие отряды, тогда как многие измотанные непрерывной осадой защитники сложили свои головы. Однако своими собственными силами Уэсуги Биттю-но Ками отразил превосходящие отряды двух Никайдо, Овари-но Ками и Ямасиро-но Ками.

Битву можно было считать проигранной. При такой степени изнеможения защитников выстоять представлялось невозможным, на планирование не оставалось никакого времени, было просто не продохнуть, ни о каком достойном сопротивлении речи уже не шло. Оставалось надеяться только на изменение настроений у наступающих отрядов, привлеченных к открытой битве против своего господина, а также откровенных намерений, скрывавшихся за честолюбивыми планами Ньюдо. Никаких признаков благоприятных перемен не наблюдалось. Мотиудзи искренне ненавидели за его расточительность, жадность, пустопорожную трату ресурсов провинций на собственное существование в ленивой роскоши. Пока сёгун говорил,

²⁵ Место Мурёдо находится в небольшой долине к северу от дворца (го-ётэй), простираясь вниз и на запад к Гэндзияме. Нахождение Кокусёдзи Омори указал не дальше, чем Сасукугаяцу. Быть может, он имел в виду большую скалу у восточного входа.

народ Канто единодушно поддерживал Удзинори. Норимото вскочил на коня и помчался вдоль линий соприкосновения отрядов, чтобы выяснить складывающееся положение дел. Его доклад никого утешить не мог. Мотиудзи сразу же захотел вспороть себе живот. «Раз уж все потеряно, незамедлительно проведите необходимую подготовку. Промедление недопустимо». Однако Норимото попытался его переубедить: «В нашем распоряжении находится еще тысяча человек, способных держать оружие, и их должно хватить для прикрытия отхода. Все еще может наладиться. Сёгун Киото никогда не простит мятежа против дома. В этом деле, безусловно, замешан князь Ёсицугу, и тем самым он нанес оскорбление самому сёгуну. Было бы глупо действовать так непродуманно, когда простой солдат проявляет чудеса храбрости, достойные настоящего полководца». Тут его сын Норизанэ доложил отцу о том, что враг допустил ошибку, когда начал массированное наступление на Кубоясики. Холмы с тыла и морская дорога в Гокуракудзи никто не прикрывал. Оставив Норизанэ вести арьергардные бои близ усадьбы Сасукэ, Норимото повел князя вверх по извивающейся долине. У алтаря Инари все сложили ладони в молитве; потом поднялись на гору, всей компанией спустились по протяженной долине слева от Даibuцу и преодолели гору напротив Гокуракудзи. Эта дорога сохранилась до сих пор, и выглядит она сегодня ничуть не лучше, чем выглядела в старину. Когда солнце уже садилось, они покинули монастырь с открытым при нем лепрозорием и отправились по приморской дороге на Катасэ. Жен и детей они бросили в горящем городе, и сердца их переполняла грусть, когда они отступали, оглядываясь на пройденный путь и спотыкаясь во мраке. Нитта преодолел горы и поспешил через старый проход на Косигэ, которым воспользовался его славный родственник Ёсисада. Дои и Цутия со своими отрядами поторопились назад через Гокуракудзи-киридоши. С сотней человек Имагава Сури-но Сукэ и оба Иссики – Ума-но Ками и Хёбу-но Тайсукэ – встали поперек узкой дороги, перекидываясь ругательствами и обмениваясь стрелами с противником. Единственным трусом в их семье оказался Акихидэ. Под покровом ночи и при сильной позиции Касигэ тысяча воинов приравнивалась к сотне. Противник остановился.

Таким образом, их господин смог добраться до города Фудзисава с почтовой станцией. Здесь Норимото его покинул и поскакал к Этиго на помощь. Лишившись этой движущей силы, Мотиудзи с приключениями двинулся на Одавара, прислушиваясь к звукам погони, которую никто так и не предпринял. Население в Одаваре проявляло равнодушие, даже враждебность, скорее готово было напасть, чем предоставить помощь. Князь снова заговорил о харакири. На этот раз ему на помощь пришел Бэтто из храма Хаконэ Гонгэн,²⁶ и с собой он привел пятьдесят человек. Он обратил внимание владыки на то, что враг не осмелится ввязаться в войну на горных тропах. Сами же эти люди ориентировались на этой дороге ночью точно так же легко, как днем. В конечном счете сёгуна Мотиудзи доставили в монастырь Нагоя в провинции Идзу. Путники отдыхали три дня, а потом над Кохагэ осмелились поднять белый флаг (штандарт Минамото). Мотиудзи совсем пропал из вида; сообщений о нем не поступало вообще. Зато Кано из провинции Идзу выступали преданными сторонниками Удзинори.²⁷ С поступлением известий о том, что теперь Мотиудзи находится в Кокусёдзи, для нападения на него собрался крупный отряд. К нему присоединился Норизанэ, однако с собой он привел всего лишь две сотни человек. Под командованием сёгэна Кидо Мотисуэ они выдвинулись на фронте перед противником, в пять раз превосходившим их по численности. Снова складывалась отчаянная расстановка сил. Внутри самого монастыря его обитатели в присутствии своего князя не скрывали недовольства им; он такого отношения заслужил, так как алтарь и семь залов в скором времени занялись пламенем. Опасаясь пленения, Мотиудзи с Норизанэ скрылись на поросшей лесом горе, находящейся с тыльной стороны монастыря. Развязка приближалась, и даже Нори-

²⁶ Управляющий делами алтарей Хаконэ. Предоставление должности считалось большим одолжением со стороны двора (императора или сёгуна).

²⁷ К этой семье принадлежит знаменитый художник Кано Масанобу, и он жил во времена описываемых событий. Нагоя находится недалеко от Даибы.

занэ уже склонялся к тому, чтобы обсудить обряд сэппуку. И опять перед глазами показалась сутана. В схватку ввязался Хаконэ Бэтто со своими боевыми монахами, горящими стремлением к победе. В спешке набранные рекруты врага, многих из которых взяли из деревень, особой стойкости не проявили и во время боя просто разбежались. Бэтто сказал: «Осмелюсь засвидетельствовать роль сюзерена в укреплении духа тех, кто предлагает ему поддержку. Жребий дома удалось сохранить в прежнем виде. Снизойдите до того, чтобы принять сопровождение, предоставленное до самого Бо-но Омори. Так как это находится в провинции Суруга, вашей светлости гарантирована мощная поддержка отца и сына Имагава, Ньюдо Рёсюна и Казуса-но Сукэ Норитада». Обещания Бэтто сбылись. В скором времени в Бо-но Омори появился Имагава. Численность отрядов нарастала до достойных сёгуна размеров.

Ханван Фудзисава

С этого момента дела Инукакэ Ньюдо пошли из рук вон плохо. Причины его успеха лежали на поверхности, но они же послужили источником его краха. Сёгун Ёсимоти оказался слабым, беспутным и болезненно подозрительным человеком, это проявлялось в том, что в боях он стремился ловчить, а также отличался не оправданной ничем жестокостью. Он с самого начала

подумал, что его брат Ёсицудзи замешан в восстании Удзинори, и подтверждения его подозрений не заставили себя ждать. Все закончилось тем, что князя поймали, обрезали ему волосы (постригли в священники) и заперли его в Сёкокудзи города Киото. Жители Канто пребывали в большом замешательстве. Преданность вассала своему господину подверглась серьезному испытанию. Притом что он мог догадываться о настроениях и намерениях Мотиудзи, ему виделась возможность выжидательной политики по отношению к себе, зато заговор Удзинори с Ёсицугу служил прямой угрозой его собственному благополучию. В совете незамедлительно составили распоряжение. Суть этого важного документа сводилась к следующему:

«В прошлом месяце отец и сын Син-Мидо Мицутака с бывшим Сицудзи Удзинори Ньюдо затеяли государственный мятеж. К ним присоединилось все население Канто. В чем же состоит причина жалобы? Дерево с мощной кроной бросает свою тень на все, но самое важное находится как раз под ним. Такого рода событие у предыдущих поколений считалось делом неслыханным. Теперь следует дать лаконичное распоряжение Сёсё (генералам). Смысл декрета заключается в том, чтобы флаг Востока принудить к повиновению, а его жезл (фу-эцу) ввести в дело. Возможно, никто из мужчин восьми провинций Канто никакой вражды не испытывает. Всем близким родственникам следует безотлагательно уведомить своего господина о жалобах. Мы находимся буквально в состоянии войны. Населению провинций следует подчиниться сёгуну. В народе возник разлад.

Первый день одиннадцатого месяца (20 ноября 1416 года)

Хатакэяма Овари-но Ками Мицунэ

Кояма Итидзоку-тё

Кавагоэ Харубэ Тайсукэ-доно

Сатакэ Икки Сютю

Тиба Тайкин-но Сукэ-доно».

Письмо обошло все Канто, и кампания Удзинори тут же лишилась поддержки населения. Норимото из Этиго направил отряды самурайских кланов Эдо, Тосима и Никайдо на Мусаси. Удзинори с ближайшими вассалами, при поддержке своего зятя Ивамацу Мотикуни выбил их с территории провинции. Тут речь произнес сам сёгун, и он лишился настоящей силы. Юки всегда тяготели к Мотиудзи, а остальные кланы, принадлежащие Симоцукэ и Хитати, Уцунумии, Нитте, Тибе, Огури, отошли от Удзинори. Начало новой кампании положила армия Этиго. Мотикуни, считавшийся самым тщеславным негодяем, чувствовал, что Ньюдо пожирает лавры за его счет. Поэтому он предпринял самостоятельный поход. Вероятно, он выбрал самый удачный курс, так как все закончилось его же капитуляцией и сделкой со своим сюзереном. Удзинори пришлось вернуться в Камакуру крепко побитым в боях, в которых он продемонстрировал полководческое искусство в деле противостояния превосходящему противнику. Победные крики через непродолжительное время послышались у него в тылу. Тогда Норимото выдал распоряжения, касающиеся самураев Канто, чтобы они готовились к наступлению в сторону Камакуры. Тут перепугались представители всех кланов. У всех в сознании засела мысль о том, как составить какую-нибудь жалобу, чтобы оправдать свой мятеж и ответить на вызов канрё. Армия из Мияко под командованием Акамацу Казуса-но Сукэ Ёсинори и Сакюно Тайи увеличилась до 30 тысяч человек за счет присоединения 10 тысяч рекрутов из Микавы, Тотомии и Сураги под руководством отца и сына Имагава. На второй день двенадцатого месяца (20 декабря) Мотиудзи отбросил все сомнения. При своей репутации распутника, пьяницы и гуляки он всегда проявлял храбрость и упорство характера Асикага, унаследованного от Сэйвы Гэндзи. На седьмой день (25 декабря) он был в Фудзисаве. Здесь ему преградила путь громадная армия из Канто, Осю и Дэвы – численностью 200 тысяч человек, если верить одному

из летописцев. Сёгун ехал на коне мимо коленопреклоненных отрядов. Верный Юки Ситиро Удзитомо, теперешние раскаявшиеся Кояма, Сатакэ, Ода, Тиба, Уцуномия, Нитта, Дои, Цутия, Сибусава, Огури и представители остальных кланов приняли участие в этом представлении запоздалого подчинения и верноподданнического приветствия своему владыке – по распоряжению из Киото.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.